И.25
Ю.Ш.

И. А. Зиновьевъ.

РОССІЯ, АНГЛІЯ и ПЕРСІЯ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ПЕРСІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

РОССІЯ, АНГЛІЯ И ПЕРСІЯ

И. А. Зиновьевъ.

РОССІЯ, АНГЛІЯ и ПЕРСІЯ

БИБЛИОТЕКА
Ю. М. Шокальского

4542

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ ПЕРСІИ

И 25
Ю.Ш.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ, 13

БИБЛИОТЕКА
Ю. И. Шокальского

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Уже болѣе шести лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ въ Тегеранѣ, столицѣ Персіи, проявились признаки революціоннаго движенія, выбившаго страну эту изъ ея исторической колеи и повлекшаго за собою провозглашеніе конституціи. Какъ ни оригиналенъ самъ по себѣ фактъ примѣненія конституціонныхъ учрежденій въ странѣ столь первобытной и отсталой, какъ Персія, но публика наша не особенно интересовалась совершавшимися въ странѣ этой событіями, пока не огласились многозначительные факты, свидѣтельствовавшіе объ упадкѣ вліянія, которымъ мы издавна пользовались въ Персіи, и вынудившіе Императорское Правительство прибѣгнуть къ весьма серьезнымъ мѣрамъ въ видахъ привлеченія къ отвѣтственности виновниковъ дерзкихъ покушеній на наши законные интересы и образумленія слишкомъ зарвавшихся, подъ вліяніемъ революціоннаго угара, нашихъ сосѣдей. Съ тѣхъ поръ мнѣ не разъ приходилось давать разъясненія на многочисленные обращавшіеся ко мнѣ вопросы относительно причинъ, вызвавшихъ неблагопріятныя для Россіи явленія. Будучи убѣжденъ, что вообще наша читающая публика не можетъ не интересоваться близкимъ знакомствомъ

съ тѣми же причинами, я рѣшился опубликовать настоящій трудъ, въ коемъ изложены со всею доступною для меня полнотою событія въ Персіи, начиная съ 1905 года, а также взглядъ мой на отношеніе къ этимъ событіямъ, какъ Россіи, такъ и Англіи. Главные матеріалы, служившіе мнѣ для изготовленія настоящаго труда, почерпнуты изъ оффиціальныхъ изданій, а именно изъ опубликованныхъ нашимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ двухъ выпусковъ «Сборника дипломатическихъ документовъ, касающихся событій въ Персіи съ конца 1906 г. по іюль 1909», а также изъ изданныхъ великобританскимъ правительствомъ для англійскаго парламента сборниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ синей книги. Согласно существующему обычаю, каждое изъ двухъ Правительствъ, между коими устанавливается соглашеніе относительно совмѣстнаго образа дѣйствій въ какомъ-либо политическомъ вопросѣ, считаетъ своею обязанностью до опубликованія своихъ документовъ предъявлять ихъ другому Правительству и приступаетъ къ ихъ обнародованію лишь послѣ того какъ со стороны послѣдняго не встрѣтится къ тому препятствій. Сколько мнѣ извѣстно, этотъ обычай соблюденъ былъ Россіей и Англіей въ настоящемъ случаѣ, и потому обнародованные великобританскимъ правительствомъ документы представляютъ фактическое значеніе и для русской публики. Включенные въ англійскіе сборники матеріалы болѣе обширны, чѣмъ тѣ, которые помѣщены въ русскихъ сборникахъ, и потому въ видахъ приданія изложенію фактовъ большихъ послѣдовательности и полноты я сдѣлалъ много позаимствованій изъ англійскихъ изданій. Помимо этого, я воспользовался нѣкоторыми данными, помѣщенными въ изданной въ Лондонѣ въ 1910 году книгѣ бывшаго корреспондента англійской газеты «Times», Давида Фрезера, «Persia

and Turkey in revolt». Г. Фрезеръ лично посѣтилъ Персію въ 1909 г. и былъ, между прочимъ, свидѣтелемъ событій въ Тегеранѣ, непосредственно повлекшихъ за собою отреченіе Мохаммедъ-Али-шаха отъ престола; многія изъ его сужденій отличаются безпристрастіемъ и самостоятельностью, а главнымъ образомъ отсутствіемъ шовинизма, съ которымъ отнеслись къ событіямъ въ Персіи нѣкоторые другіе англійскіе публицисты.

Позволю себѣ обратить вниманіе читателей на нѣкоторыя, лично касающіяся меня данныя, которыя могутъ служить свидѣтельствомъ моего близкаго знакомства какъ съ Персіей, такъ и съ нашими интересами въ странѣ этой. Окончивъ курсъ въ Лазаревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ и будучи удостоенъ Императорскимъ С.-Петербургскимъ Университетомъ степени магистра восточной словесности, я былъ прикомандированъ въ 1856 г. къ нашей миссіи въ Тегеранѣ, гдѣ оставался до половины 1859 г. Въ 1860 г. я былъ назначенъ консуломъ въ Рештѣ, а осенью 1862 г. переѣхалъ въ Тавризъ, гдѣ на меня возложено было управленіе нашимъ Генеральнымъ Консульствомъ. Въ концѣ 1863 г. я былъ вновь прикомандированъ къ нашей миссіи въ Тегеранѣ и вслѣдъ за тѣмъ назначенъ первымъ секретаремъ ея. Въ этой должности я пробылъ шесть лѣтъ, изъ коихъ, за отсутствіемъ посланника, два съ половиной года управлялъ миссіей. Будучи назначенъ въ 1876 г. чрезвычайнымъ посланникомъ при Насир-эд-динъ шахѣ, я оставался на этомъ посту до 1883 г. Періодъ этотъ былъ ознаменованъ весьма крупными событіями, каковы война наша съ Турціей и рядъ экспедицій, предпринятыхъ нами для завоеванія Ахалъ-Текинскаго оазиса. Объ участіи, которое выпало на мою долю въ экспедиціи 1880—1881 г.г., командовавшій экспедиціею генералъ-адъютантъ Михаилъ Дмитріевичъ Ско-

белевъ засвидѣтельствовалъ въ письмѣ, адресованномъ бывшему министру Иностранныхъ Дѣлъ Николаю Карловичу Гирсу 9 декабря 1881 г. и помѣщенномъ въ интересной книгѣ генерала-отъ-инфантеріи Николая Ивановича Гродекова «Война съ Туркменами» (т. IV, Прилож., стр. 116). Съ занятіемъ Ахала положеніе наше въ Закаспійскомъ краѣ не могло считаться вполнѣ законченнымъ. Мервскій оазисъ, воинственное населеніе коего принимало дѣятельное участіе въ борьбѣ противъ Россіи, продолжалъ пользоваться независимостью, а въ виду этого спокойствіе въ Закаспійскихъ степяхъ не могло признаваться вполнѣ обезпеченнымъ. Единственный удобный путь къ Мерву пролегалъ чрезъ Атекъ, составляющій продолженіе Ахалъ-Текинскаго оазиса и простирающійся отъ Гяурса до рѣки Теджена на разстояніи около 300 верстъ. Существенные интересы Россіи требовали обезпеченія ея правъ на Атекъ, и на меня возложено было порученіе вступить по этому вопросу въ переговоры съ персидскимъ правительствомъ. Переговоры эти закончены были къ концу 1881 г., Закаспійская область вошла въ свои нормальныя границы, а, два года спустя, Мервскіе Туркмены оказались въ необходимости ходатайствовать передъ Императорскимъ Правительствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Съ 1883 по 1891 г. я занималъ должность начальника Азіатскаго департамента, и потому наши сношенія съ Персіей находились въ моемъ вѣдѣніи. Наконецъ, во время двѣнадцатилѣтняго моего пребыванія въ Константинополѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посла при султанѣ Абдулъ-Хамидѣ, мнѣ не разъ приходилось принимать на себя посредничество въ возникавшихъ между Турціею и Персіею спорахъ по пограничнымъ вопросамъ.

Посвятивъ, такимъ образомъ, около сорока лѣтъ моей служебной дѣятельности вопросамъ, входящимъ

въ область нашихъ сношеній съ Персіей, я счелъ себя не только въ правѣ, но и обязаннымъ подѣлиться съ нашею публикою моими взглядами на послѣднія событія въ Персіи и на значеніе ихъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ въ странѣ этой.

Къ вышеизложенному считаю необходимымъ присовокупить нѣсколько объясненій по поводу изложеннаго мною въ настоящемъ трудѣ взгляда на политику, которой англійское правительство держалось въ переговорахъ съ Россіей по вопросамъ, находящимся въ связи съ совершившимся въ Персіи переворотомъ. Тщательно изучивъ всѣ касавшіеся этого предмета документы, я пришелъ къ убѣжденію, что дѣлавшіеся намъ означеннымъ правительствомъ предложенія относительно средствъ возстановить въ Персіи спокойствіе не оправдывались существовавшимъ въ странѣ этой порядкомъ вещей, далеко не говорили въ пользу искренности Лондонскаго кабинета и, напротивъ того, свидѣтельствовали объ эгоистическихъ побужденіяхъ, руководившихъ кабинетъ этотъ. Англичане никогда не могли примириться съ нашимъ преобладающимъ вліяніемъ въ Тегеранѣ и въ возникшей въ Персіи революціи они усмотрѣли средство поколебать наше вліяніе и устранить Мохаммедъ-Али-шаха, коему они не могли простить его руссофильскія чувства. Да не подумаетъ читатель, что этотъ взглядъ внушенъ мнѣ какими-либо предубѣжденіями противъ Англіи. Я никогда не былъ англофобомъ, даже тогда, когда, въ качествѣ русскаго посланника въ Тегеранѣ, я вынужденъ былъ постоянно бороться съ препятствіями, которыя англійскіе агенты пытались создать успѣху нашихъ усилій, направленныхъ къ упроченію спокойствія на границахъ нашего Закаспійскаго края. Я и тогда не упускалъ изъ виду, что, при измѣнившихся обстоятельствахъ, окажется возможнымъ войти съ Англіей въ справедливое со-

глашеніе по вопросамъ, касавшимся Средней Азіи, и разграничить сферы вліянія обѣихъ державъ. Препятствія къ таковому разрѣшенію этихъ вопросовъ постоянно возникали со стороны Англіи, которая нисколько не стѣснялась обращаться къ Россіи съ предложеніями, совершенно несовмѣстными съ ея неоспоримыми правами и достоинствомъ. Однимъ изъ наиболѣе наглядныхъ примѣровъ этому могутъ служить переговоры, въ которые кабинетъ Гладстона вступилъ съ нами въ 1882 г. вслѣдъ за покореніемъ нами Ахалъ-Текинскаго оазиса, потребовавшимъ отъ насъ значительныхъ жертвъ. Принимая въ соображеніе, что упомянутая выше полоса обработанной земли, извѣстная подъ названіемъ Атека, можетъ послужить удобнымъ путемъ для вторженія въ Закаспійскую область мервскихъ шаекъ, вслѣдствіе чего Россія могла бы очутиться въ необходимости, для прекращенія таковыхъ вторженій, предпринять новое движеніе по направленію къ Афганистану, англійское правительство предложило намъ, въ видахъ предупрежденія таковой случайности, принять весьма оригинальный способъ разрѣшенія вопроса. По его мнѣнію, Россія и Англія должны были бы войти въ соглашеніе съ цѣлью признанія за Персіей верховныхъ правъ на Атекъ и обязать персидское правительство построить въ предѣлахъ этой территоріи форты и содержать въ ней войска въ количествѣ, достаточномъ для отраженія враждебныхъ покушеній со стороны Туркменъ. Трудно понять какимъ образомъ англійское правительство, не считаясь съ успѣхами нашими, прочно обезпечившими обаяніе Россіи въ этихъ краяхъ, рѣшилось предложить намъ возложить защиту нашей окраины на Персію, когда ему хорошо было извѣстно, что страна эта давно доказала свою неспособность бороться съ Туркменами, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовали многочисленныя развалины

персидскихъ деревень, коими усѣяны были окраины персидскихъ владѣній, сопредѣльныхъ съ Туркменскими степями. Какъ само собою разумѣется, англійское предложеніе было отклонено, Россія обезпечила за собою права на Атекъ, а, два года спустя, мервскіе Туркмены обратились къ Императорскому Правительству съ ходатайствомъ о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Возбужденный Англіей вопросъ получилъ наиболѣе практическое и благонадежное разрѣшеніе, и при томъ безъ малѣйшаго ущерба интересамъ Англіи.

Доказательствомъ тому, насколько чужды были мнѣ какія бы то ни было неосновательныя предубѣжденія противъ Англіи, служитъ и то участіе, которое я, въ качествѣ начальника Азіатскаго департамента, принималъ въ переговорахъ, начавшихся въ 1883 г. между Россіей и Англіей по вопросу объ опредѣленіи границъ Афганистана, представлявшему первостепенное значеніе съ точки зрѣнія интересовъ Англіи. На меня выпала обязанность подробно изучить и подготовить всѣ вопросы, входившіе въ область означенныхъ переговоровъ, и результаты моихъ изслѣдованій послужили матеріаломъ для инструкцій, преподававшихся послу нашему въ Лондонѣ, г. Стаалю, на котораго возложены были переговоры съ Лондонскимъ кабинетомъ. Переговоры эти закончились подписаніемъ въ Лондонѣ протокола отъ 10 сентября 1885 г., въ коемъ опредѣлено было направленіе границы Афганистана отъ Аму-Дарьи до Герируда (Теджена). Но такъ какъ при проведеніи этой границы на мѣстѣ между комиссарами Россіи и Англіи возникли разногласія по нѣкоторымъ пунктамъ, то между обѣими державами состоялось соглашеніе, на основаніи коего переговоры перенесены были въ 1887 г. въ Петербургъ. Со стороны англійскаго правительства былъ командированъ полковникъ сэръ Уэстъ Риджуэ, и переговоры съ нимъ

возложены были на меня. Изъ первыхъ съ нимъ объясненій я убѣдился, что предложенія, которыя ему поручено было передать Императорскому Правительству, были для насъ весьма невыгодны, имѣли исключительно цѣлью расширить область владѣній эмира Афганскаго и находились даже въ противорѣчіи съ соглашеніями, ранѣе состоявшимися между Россіей и Англіей. Съ своей стороны полковникъ Риджуэ, признавъ непріемлемыми мои контръ-предложенія, объявилъ мнѣ, что онъ считаетъ безполезнымъ продолжать переговоры и намѣренъ вернуться въ Лондонъ. Результатъ этотъ произвелъ весьма неблагопріятное впечатлѣніе на наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и на меня пытались возложить отвѣтственность за неудачу, но я заявилъ нашему министру Иностранныхъ Дѣлъ Николаю Карловичу Гирсу, что я ни въ какомъ случаѣ не соглашусь принять предложенія г. Риджуэ и предпочту вовсе устраниться отъ дѣла. Полковникъ Риджуэ дѣйствительно покинулъ Петербургъ, но я подумалъ, что англійскій уполномоченный, освѣдомившись о моемъ намѣреніи въ скоромъ времени воспользоваться заграничнымъ отпускомъ, разсчиталъ, можетъ быть, что, въ случаѣ моего отсутствія, переговоры будутъ возложены на другое лицо, которое окажется болѣе сговорчивымъ. Въ виду этого я предпочелъ отказаться отъ предполагавшагося отпуска, и обстоятельство это побудило, какъ мнѣ показалось, Англичанъ поспѣшить возобновленіемъ переговоровъ. Во всякомъ случаѣ почти мѣсяцъ спустя послѣ выѣзда своего изъ Петербурга г. Риджуэ далъ мнѣ знать, чрезъ состоявшаго при немъ капитана индійской службы Де-Лессе, что, въ виду желанія лондонскаго кабинета ускорить разрѣшеніе вопроса объ афганской границѣ, онъ изготовилъ новый проектъ разграниченія, близко подходящій къ нашимъ предложеніямъ, но что онъ считаетъ безпо-

лезнымъ представлять проектъ этотъ на утвержденіе своего правительства, не убѣдившись предварительно, что онъ будетъ принятъ нами. Въ переданномъ мнѣ г. Лессе проектѣ намъ предлагалось признать за эмиромъ Афганскимъ права на земли, коими онъ уже владѣлъ на лѣвомъ берегу Аму-Дарьи, а взамѣнъ этого исправить южную границу оазиса Пендждэ съ включеніемъ въ наши предѣлы земель по рѣкамъ Кушку, Кашану и Мургабу, коими до разграниченія 1885—1886 г.г. пользовались исключительно Туркмены Сарыки и выдѣленіе которыхъ оказывалось тѣмъ болѣе стѣснительнымъ, что населеніе помянутаго оазиса увеличилось на 400 приблизительно семействъ, перешедшихъ къ намъ изъ предѣловъ Афганистана. По тщательномъ разсмотрѣніи этого проекта, я пришелъ къ заключенію, что съ нашей точки зрѣнія онъ представлялся гораздо болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ прежнія предложенія полковника Риджуэ, а потому, предложивъ нѣкоторыя частныя измѣненія проектированной пограничной черты, я просилъ капитана Лессе передать ихъ г. Риджуэ. Послѣдній вернулся въ Петербургъ 23-го іюня 1887 г. и 10-го іюля подписанъ былъ имъ и мною окончательный протоколъ, опредѣлившій афганскую границу между Аму-Дарьей и Герирудомъ. Всѣ документы, касавшіеся предшествовавшихъ этому соглашенію переговоровъ, опубликованы были въ Ежегодникѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на 1888—1889 г.г., въ коемъ помѣщено также правительственное сообщеніе, въ которомъ изложенъ ходъ переговоровъ, и выписка изъ отчета Генеральнаго штаба штабсъ-капитана Комарова отъ 26-го марта 1888 г., на котораго возложено было обозначеніе совмѣстно съ англійскимъ комиссаромъ новой афганской границы на мѣстѣ. Въ этомъ отчетѣ отмѣчены выгодныя для насъ условія территоріи, площадь коей превышаетъ 2000 квадрат-

ныхъ верстъ, которая перешла къ намъ на основаніи состоявшагося между полковникомъ Риджуэ и мною соглашенія. Документы, касающіеся этого вопроса, были опубликованы и англійскимъ правительствомъ и представлены парламенту. Мнѣ кажется, что результатъ описанныхъ переговоровъ можетъ служить достаточнымъ доказательствомъ моего сочувствія справедливымъ соглашеніямъ съ Англіей по вопросамъ, касающимся Средней Азіи.

И. Зиновьевъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первый періодъ персидской революціи.—Кончина Музаффер-эд-динъ шаха.—Вступленіе на престолъ Мохамедъ-Али шаха.

Хотя проявившееся въ Персіи революціонное движеніе и было отчасти отголоскомъ ранѣе возникшихъ на Кавказѣ смутъ, тѣмъ не менѣе успѣхамъ его способствовало преимущественно крайне неудовлетворительное положеніе дѣлъ въ самой Персіи. Царствовавшій шахъ Музаффер-эд-динъ страдалъ хроническою болѣзнью, подтачивавшею его какъ физическія, такъ и нравственныя силы, и отличался крайней слабостью характера и податливостью вліянію и интригамъ окружавшихъ его царедворцевъ, не пренебрегавшихъ никакими средствами для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ и корыстолюбія. Унаслѣдованный Музаффероиъ послѣ насильственной смерти отца его Насир-эд-динъ шаха значительный капиталъ былъ скоро растраченъ; административныя злоупотребленія росли со дня на день и доходы государства оказались наконецъ недостаточными для покрытія неотложныхъ потребностей. Явилась необходимость прибѣгать къ займамъ. Въ 1900 и 1902 гг. занято было при посредствѣ

существующаго въ Тегеранѣ русскаго Учетнаго Банка болѣе 30-ти милліоновъ рублей, обезпеченіемъ коихъ должны были служить доходы съ сѣверныхъ персидскихъ таможенъ. Такъ какъ при заключеніи займовъ Учетнымъ Банкомъ не было выговорено никакихъ условій относительно контроля для обезпеченія цѣлесообразности расходованія означенной громадной по средствамъ Персіи суммы, то значительная часть ея была равнымъ образомъ безтолково растрачена, частью на три предпринятыя шахомъ поѣздки по Европѣ для леченія, частью же на разныя прихоти. Административныя злоупотребленія сдерживались до нѣкоторой степени пока во главѣ правительства находился Эминусъ-султанъ, пользовавшійся титуломъ Атабекъ-Азамъ и обладавшій недюжинными государственными способностями, но въ 1903 г. онъ палъ жертвою происковъ своихъ соперниковъ при шахскомъ дворѣ и вынужденъ былъ покинуть Персію. Послѣ его ухода постъ перваго министра ввѣренъ былъ принцу Айн-уд-доулэ, отличавшемуся весьма крутымъ нравомъ. Онъ сумѣлъ возстановить противъ себя нѣсколькихъ передовыхъ членовъ высшаго мусульманскаго духовенства (муджтехидовъ), весьма ревниво охраняющаго свою независимость и свое вліяніе на народъ, и лица эти, сгруппировавъ около себя извѣстное число молодыхъ Персіянъ, не принадлежавшихъ къ правительственнымъ партіямъ, приступили къ пропагандѣ, имѣвшей цѣлью открыть народу глаза на предосудительный образъ дѣйствій шахскихъ любимцевъ, продававшихъ будто бы Персію иностранцамъ и готовившихъ ей неизбѣжную гибель.

Какъ въ изданномъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ сборникѣ документовъ, такъ и въ англійской синей книгѣ помѣщены описанія первыхъ проявленій революціоннаго движенія въ Тегеранѣ. Оба описанія

сходятся, но такъ какъ въ англійской синей книгѣ событія изложены съ большими подробностями, то для описанія этого періода персидской революціи я предпочелъ воспользоваться данными, заключающимися въ англійскомъ изданіи.

Первый явный признакъ народнаго недовольства проявился въ Тегеранѣ въ декабрѣ 1905 г. по поводу жестокаго избіенія и заарестованія городской полиціей престарѣлаго сеіида (потомка пророка). Возмущенные этимъ поступкомъ муджтехиды сѣли въ бестъ, т.-е. удалились въ сосѣднюю съ Тегераномъ мечеть Имамзадэ-Абдуль-Азимъ, гдѣ, въ силу древняго обычая, они обезпечены были отъ какихъ бы то ни было гоненій и откуда, при помощи своихъ единомышленниковъ, они распространили среди народа воззванія. Возлагая отвѣтственность за всѣ существовавшіе въ Персіи непорядки на правительство, означенныя воззванія приглашали народъ къ воздѣйствію въ видахъ осуществленія необходимыхъ реформъ при участіи народныхъ представителей. Убѣдившись въ серьезности вызваннаго этими обстоятельствами волненія, Музаффер-эд-динъ шахъ изъявилъ въ началѣ января 1906 г. согласіе на учрежденіе «Дома Справедливости», въ которомъ засѣдали бы выборные со всей Персіи съ правомъ нѣкотораго участія въ дѣлахъ управленія и контроля надъ дѣятельностью администраціи. Недовольные муджтехиды вернулись въ Тегеранъ, и въ серединѣ марта 1906 г. образована была правительственная комиссія для выработки проекта реформъ, въ составъ коей включено было нѣсколько умѣренныхъ муджтехидовъ. Такъ какъ правительство не спѣшило осуществить обѣщанныя шахомъ реформы, то въ концѣ іюня передовые муджтехиды стали вновь проповѣдовать противъ великаго везира и подстрекать народъ къ возстанію. Везиръ приказалъ заарестовать одного изъ наибо-

лѣе рьяныхъ проповѣдниковъ, равнымъ образомъ престарѣлаго сеіида, но народъ рѣшилъ освободить его и окружилъ караульный постъ, въ коемъ заключенъ былъ арестованный. Командовавшій постомъ офицеръ приказалъ солдатамъ стрѣлять по толпѣ, но такъ какъ солдаты не послушались, то онъ самъ выстрѣлилъ изъ револьвера и убилъ другого сеіида. Когда же толпа попыталась штурмовать постъ, солдаты сдѣлали четыре залпа, которыми нѣсколько человѣкъ было ранено. Послѣ краткой схватки солдаты вынуждены были отступить. Тѣло убитаго сеіида отнесено было въ сосѣднюю мечеть, куда не замедлили прибыть нѣкоторые муджтехиды съ многочисленными приверженцами. Базары закрылись и городскія улицы наполнились людьми, одѣтыми въ саваны въ доказательство ихъ рѣшимости бороться до смерти, и женщинами, которыя, бія себя въ грудь, проклинали правительство. Вслѣдствіе состоявшагося между великимъ везиромъ и командующимъ войсками совѣщанія рѣшено было прибѣгнуть къ силѣ для подавленія безпорядковъ. По городу и базарамъ разставлены были военные посты, и мечеть, гдѣ собрались муджтехиды, окружена была войсками такъ, что заключенные въ ней лишь съ трудомъ могли получать продовольствіе. Толпы народа собрались около шеста, на которомъ вывѣшена была окровавленная рубашка убитаго сеіида, и затѣмъ, предшествуемыя этимъ трофеемъ, предприняли шествіе по базарамъ. Не успѣвъ остановить процессію, разставленные по базарамъ солдаты пустили въ ходъ огнестрѣльное оружіе, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ было убито и ранено. Вѣсть объ этомъ была немедленно сообщена въ мечеть, гдѣ находился въ то время муджтехидъ Ага-Сеидъ-Абдулла. Поднявъ коранъ, онъ прочелъ посланіе, ранѣе адресованное шахомъ народу, и объявилъ многочисленнымъ присутствующимъ, что

на ходатайство народа объ установленіи правосудія полученъ отвѣтъ пулями. Въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней спокойствіе въ Тегеранѣ не было нарушаемо и укрывшимся въ мечети муджтехидамъ дано было знать отъ имени правительства, что они вольны удалиться подъ условіемъ, чтобы народъ не слѣдовалъ за ними. Муджтехиды тотчасъ же покинули городъ и, доѣхавъ до мечети, лежащей на дорогѣ въ городъ Кумъ, выслали оттуда въ Тегеранъ новыя воззванія, въ которыхъ заявляли, что они рѣшились удалиться въ находящіяся въ предѣлахъ Турціи священныя для шіитовъ мѣстности, если шахъ не исполнитъ своего обѣщанія ввести реформы и не уволитъ ненавистнаго народу великаго везира.

Между тѣмъ въ Тегеранѣ въ тайнѣ подготовлялась недовольными другая демонстрація.

4542

За нѣсколько дней предъ тѣмъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ, но не изъ наиболѣе неподкупныхъ муджтехидовъ Ага-Сендъ-Абдулла обратился къ англійскому повѣренному въ дѣлахъ г. Грантъ-Деффу съ письмомъ, въ коемъ ходатайствовалъ о содѣйствіи англійской миссіи. Согласно полученной имъ изъ Лондона инструкціи, г. Грантъ-Деффъ отвѣтилъ муджтехиду, что великобританская миссія находится въ невозможности поддерживать движеніе, направленное противъ шахскаго правительства. Послѣ описаннаго выше столкновенія солдатъ съ народомъ тотъ же муджтехидъ написалъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ второе письмо, въ коемъ, предупреждая его о намѣреніи муджтехидовъ покинуть Тегеранъ и удалиться въ святыя мѣста, выразилъ надежду, что муджтехидамъ не будетъ отказано въ сочувствіи въ виду борьбы ихъ съ жестокостями и угнетеніемъ. Два дня спустя, явившіеся въ лѣтнее мѣстопребываніе англійской миссіи, деревню Гуляхекъ, два Персіянина обратились къ чи-

Библиотека
Географического
общества
Союза ССР

намъ миссіи съ вопросомъ: прибѣгнетъ ли миссія къ содѣйствію военной силы для удаленія изъ ея городского помѣщенія ихъ единомышленниковъ, если бы послѣдніе явились туда, или же для недопущенія ихъ въ миссію. На вопросъ этотъ г. Грантъ-Деффъ отвѣтилъ, что онъ надѣется, что лица, о которыхъ шла рѣчь, откажутся отъ намѣренія искать убѣжища въ миссіи, но что въ виду издревле существующаго въ Персіи обычая относительно беста онъ не сочтетъ себя въ правѣ прибѣгать къ силѣ для изгнанія изъ миссіи тѣхъ, которые туда явились бы. Объ инцидентѣ этомъ англійскій повѣренный счелъ долгомъ увѣдомить персидскаго министра иностранныхъ дѣлъ, но со стороны шахскаго правительства не было принято никакихъ мѣръ для предупрежденія послѣдствій. Данный повѣреннымъ въ дѣлахъ отвѣтъ былъ, повидимому, понятъ просителями въ смыслѣ разрѣшенія воспользоваться убѣжищемъ въ англійской миссіи. Во всякомъ случаѣ вскорѣ послѣ того до пятидесяти духовныхъ лицъ и мѣстныхъ торговцевъ явились въ миссію, гдѣ и провели ночь. Примѣръ ихъ нашелъ многочисленныхъ подражателей, такъ что къ 20-му августа въ садахъ оказалось до 14.000 человѣкъ, искавшихъ англійскаго покровительства. Поведеніе ихъ было безупречно. Многочисленность скопившейся въ англійской миссіи толпы явно свидѣтельствовала о томъ, что огромное большинство ея состояло изъ лицъ, не имѣвшихъ понятія о цѣли, которую преслѣдовали руководители демонстраціи, и изъ праздношатающихся, коими изобилуютъ персидскіе города и которые увлечены были свойственными Персіянамъ подражательностью и любопытствомъ. Это подтверждаетъ между прочимъ корреспондентъ газеты «Times» Давидъ Фрезеръ, по словамъ котораго лишь во время пребыванія въ англійской миссіи большинству демонстрантовъ разъяснено было значеніе слова

мешрутэ (конституція). Уразумѣвъ, что съ примѣненіемъ мешрутэ правительство вынуждено будетъ дѣлиться властью съ народными представителями, демонстранты пришли въ восторгъ и рѣшились упорно отстаивать конституцію.

Какъ бы то ни было, но необычайные размѣры демонстраціи вынудили персидское правительство обратить на нее тѣмъ болѣе серьезное вниманіе, что командовавшій нѣсколькими находившимися въ Тегеранѣ батальонами заявилъ, что батальоны эти ни въ какомъ случаѣ не согласятся принять участіе въ подавленіи народнаго движенія и что они не прочь даже сами искать убѣжища въ англійской миссіи. Въ виду этого великій везиръ рѣшился подать въ отставку, а остальные члены правительства попытались успокоить волненіе увѣреніями въ готовности шаха даровать реформы. Демонстранты отказались повѣрить этому обѣщанію, если только англійское правительство не поручится за его выполненіе, но такъ какъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ призналъ условіе это невыполнимымъ, то, по совѣту его, члены правительства рѣшились войти въ непосредственное соглашеніе съ руководителями демонстраціи. На состоявшемся между представителями обѣихъ сторонъ совѣщаніи, при коемъ г. Грантъ-Деффъ лично присутствовалъ, но ограничился отвѣтами на обращавшіеся къ нему вопросы, постановлено было, что будетъ изданъ новый указъ объ учрежденіи законодательной палаты народныхъ представителей. Проектъ указа былъ прочитанъ въ англійской миссіи и принятъ съ восторгомъ демонстрантами, которые вслѣдъ затѣмъ рѣшились покинуть миссію. Одновременно и удалившіеся въ Кумъ муджтехиды, съ коими правительство также вошло въ переговоры, согласились вернуться въ Тегеранъ, гдѣ народъ горячо привѣтствовалъ ихъ возвращеніе. Вслѣдъ затѣмъ муджтехиды были лично

приняты Музаффер-эд-динъ шахомъ. Два старшихъ изъ нихъ отнеслись къ своему государю какъ къ равному и на выраженную имъ надежду, что они будутъ продолжать служить ему, отвѣтили, что они служатъ не ему, а самимъ себѣ и народу.

Вслѣдствіе сдѣланной шахомъ, подъ вліяніемъ существовавшей при дворѣ реакціонной партіи, новой попытки задержать обнародованіе обѣщанныхъ реформъ волненія возобновились, и англійскому повѣренному въ дѣлахъ дано было знать, что народъ намѣренъ вернуться въ миссію, хотя бы для достиженія этой цѣли пришлось прибѣгнуть къ насилію. Въ виду этого г. Грантъ-Деффъ, во исполненіе преподанной ему изъ Лондона инструкціи, обратился къ нашему посланнику г. Гартвигу съ просьбой оказать ему содѣйствіе въ представленіи, которое онъ намѣренъ сдѣлать персидскому правительству съ цѣлью обратить его вниманіе на серьезность положенія дѣлъ. Г. Гартвигъ нашелъ, что было бы удобнѣе, чтобы представленія въ означенномъ смыслѣ сдѣланы были каждымъ изъ представителей отдѣльно. Такъ и было поступлено, и вслѣдствіе этого бывшій великій везиръ принцъ Айнуд-доулэ, котораго народная партія считала самымъ опаснымъ врагомъ либеральныхъ реформъ, получилъ приказаніе отправиться въ Хорасанъ. Волненія постепенно успокоились и вслѣдъ затѣмъ приступлено было въ Тегеранѣ къ избранію народныхъ представителей. 24-го сентября 1906 г. состоялось въ присутствіи шаха торжественное открытіе меджлиса (парламента) и тегеранскіе депутаты рѣшили приступить къ работѣ, не ожидая пріѣзда депутатовъ изъ провинцій.

Вслѣдствіе ухудшенія здоровья шаха, лишившаго его наконецъ возможности заниматься дѣлами, въ декабрѣ 1906 г. признано была необходимымъ пригласить въ Тегеранъ находившагося въ Тавризѣ въ качествѣ

верховнаго правителя Азербейджана наслѣдника престола (веліахда) Мохаммеда-Али-мирзу. По прибытіи въ столицу, онъ принялъ на себя обязанности регента и, очутившись, вслѣдствіе недавнихъ смутъ, въ крайне затруднительномъ и щекотливомъ положеніи, согласился, вопреки своимъ убѣжденіямъ, на обнародованіе ранѣе изготовленной конституціи. 27-го декабря 1906 г. Музаффер-эд-динъ скончался и Мохаммедъ-Али провозглашенъ былъ шахомъ.

Согласно издавна соблюдавшемуся шахами Каджарской династіи обычаю, наслѣдникъ престола проживалъ обыкновенно въ Тавризѣ, гдѣ онъ пользовался титуломъ верховнаго правителя Азербейджана. Для руководства наслѣдника въ дѣлахъ администраціи при немъ состоялъ обыкновенно одинъ изъ пользующихся довѣріемъ царствующаго шаха сановниковъ. Привиллегіей состоять подъ управленіемъ наслѣдника престола Азербейджанъ обязанъ былъ своимъ естественнымъ преимуществамъ сравнительно съ другими областями Персіи. Соприкасаясь съ территоріями двухъ державъ, Россіи и Турціи, съ коими Персія поддерживаетъ наиболѣе оживленныя сношенія, Азербейджанъ превосходитъ остальныя персидскія провинціи своимъ пространствомъ, населенностью и плодородіемъ. Населеніе его принадлежитъ преимущественно къ тюркскому племени, одаренному большею физическою энергіей, чѣмъ персидскія расы, и потому оно поставляетъ лучшіе элементы персидской арміи.

По вступленіи на престолъ Музаффер-эд-динъ шаха принцъ Мохаммедъ-Али-мирза, въ качествѣ наслѣдника престола, былъ оставленъ въ Тавризѣ и весьма рѣдко приглашаемъ былъ отцомъ своимъ въ Тегеранъ. Среда, въ которой воспитывался принцъ, была не особенно благопріятна для его умственнаго развитія. Онъ весьма рано пристрастился къ спортивнымъ упражненіямъ,

верховой ѣздѣ и охотѣ, популярными между молодыми персіянами, но, будучи одаренъ любознательностью, почувствовалъ въ скоромъ времени потребность пополнить свои познанія, изучить иностранные языки и ознакомиться съ общеобразовательными науками. Приглашавшіеся къ нему въ качествѣ наставниковъ Французы не сумѣли пріобрѣсти надъ нимъ достаточнаго вліянія и весьма часто смѣнялись, и въ 1900 г. на тогдашняго персидскаго посланника въ Петербургѣ возложено было порученіе пріискать для него наставника изъ русскихъ. Выборъ Мирзы-Риза хана палъ на только что окончившаго курсъ въ с.-петербургскомъ университетѣ по восточному факультету Сергѣя Марковича Шапшала, караима, уроженца Крыма, еще съ дѣтства ознакомившагося съ мѣстнымъ турецкимъ нарѣчіемъ и бытомъ мусульманъ. Выборъ этотъ оказался весьма удачнымъ. Молодой г. Шапшалъ сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе Мохаммедъ-Али-мирзы, сопровождалъ его въ поѣздкахъ и пріохотилъ его къ научнымъ занятіямъ и, между прочимъ, къ русскому языку. Обстановка эта способствовала упроченію въ молодомъ принцѣ чувствъ уваженія къ Россіи, которыя внушаемы ему были его отцомъ. Этимъ чувствамъ Мохаммедъ-Али шахъ остался вѣренъ и по восшествіи на престолъ, какъ свидѣтельствовали о томъ установившіеся между нимъ и нашимъ посланникомъ въ Тегеранѣ гефмейстеромъ Гартвигомъ отношенія. Оставивъ при себѣ г. Шапшала въ качествѣ личнаго секретаря, Мохаммедъ-Али шахъ пригласилъ въ качествѣ наставника къ своимъ дѣтямъ русскаго капитана артиллеріи г. Смирнова и назначилъ придворнымъ врачемъ русскаго же врача персидской казачьей бригады г. Садовскаго. Обученіе шахскаго конвоя возложено было на есаула Хабаева, изъ русскихъ мусульманъ. Такая обстановка шахскаго двора не могла, какъ само собою разумѣется, нравиться англичанамъ, весьма ревниво от-

носившимся къ русскому вліянію въ Персіи, и была главною причиною недоброжелательства, которое Великобританское правительство проявило къ шаху вслѣдъ за его вступленіемъ на престолъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Персидская конституція и основные законы.

Обнародованная въ Персіи конституція представляетъ не что иное, какъ скороспѣлую компиляцію либеральныхъ конституцій нѣкоторыхъ западно-европейскихъ государствъ,—компиляцію, изготовленную импровизированными законодателями, познанія коихъ въ области права были крайне скудны.

Главныя постановленія конституціи заключаются въ слѣдующемъ:

Учрежденіе меджлиса, или народнаго собранія, состоящаго изъ избранныхъ въ Тегеранѣ и провинціяхъ 163 депутатовъ, число коихъ могло быть увеличено до 200.

Депутаты избираются на два года и до вступленія въ исполненіе своихъ обязанностей принимаютъ присягу, въ силу коей обязуются, между прочимъ, вѣрно служить своему государю и народу, «пока будутъ сохранены права меджлиса и депутатовъ».

Компетенція меджлиса распространяется на всѣ вопросы, которые онъ признаетъ благомъ для государства и народа. Рѣшенія меджлиса переходятъ на одобреніе сената и затѣмъ представляются чрезъ посредство перваго лица въ государствѣ на усмотрѣніе шаха, имъ подписываются и приводятся въ исполненіе.

Меджлисъ, въ случаѣ необходимости, вырабатываетъ проекты новыхъ законовъ въ измѣненіе, дополненіе или замѣну уже существующихъ; эти проекты, съ одобренія сената, восходятъ на подпись шаха и затѣмъ приводятся въ исполненіе.

Безъ согласія меджлиса правительство не имѣетъ права даровать никакія концессіи на учрежденіе компаній и товариществъ, учреждать коммерческія, ремесленныя или аграрныя монополіи, заключать врутренніе или внѣшніе займы, разрѣшать постройку желѣзныхъ дорогъ или шоссе.

Въ случаѣ доказаннаго нарушенія министромъ закона, виновный будетъ отрѣшенъ отъ должности шахомъ по просьбѣ меджлиса.

Каждый человѣкъ можетъ, письменно, въ канцелярію по пріему прошеній въ меджлисѣ, представлять доклады, жалобы или обвиненія.

Сенатъ состоитъ изъ 60 членовъ, половина коихъ назначается шахомъ, а остальные 30 избираются населеніемъ Тегерана и провинцій.

Вопросы, поднятые совѣтомъ министровъ, обсуждаются сенатомъ и, по принятіи ихъ большинствомъ голосовъ, подлежатъ одобренію меджлиса, а вопросы, поднятые меджлисомъ, переходятъ затѣмъ въ сенатъ. Изъ этихъ правилъ исключаются лишь финансовыя мѣропріятія, которыя предоставляются исключительно меджлису.

Помимо конституціи выработаны были меджлисомъ и утверждены Мохаммедъ-Али шахомъ 25-го сентября 1907 г. дополнительныя статьи основныхъ законовъ.

Законами этими, между прочимъ, постановлялось:

Въ видахъ устраненія противорѣчій между законами, издаваемыми меджлисомъ, и законами ислама, въ меджлисѣ должны засѣдать не менѣе пяти муджтехидовъ.

Равенство всѣхъ Персіянъ передъ закономъ.

Гарантируется неприкосновенность жизни, имущества и жилищъ Персіянъ.

Печати предоставляется широкая свобода, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго постановленія: «Печатаніе книгъ, за исключеніемъ еретическихъ и противныхъ религіи, свободно и не подвергается цензурѣ». Сверхъ этого, въ самой конституціи заключается слѣдующая статья: «Каждый, кому придетъ въ голову благая мысль, да напишетъ ее въ газетѣ, дабы ничего не оставалось въ тайнѣ; въ виду этого всѣ газеты объявляются свободными и могутъ, по усмотрѣнію своему, печатать и публиковать все, что не противорѣчитъ основнымъ законамъ государства или народа, что могло бы принести пользу всѣмъ, а также описаніе преній въ меджлисѣ и вообще всякую благую мысль». Нарушители изложенныхъ выше постановленій подвергаются законной отвѣтственности.

Всякаго рода сборища и собранія, если только они не порождаютъ безпорядковъ и не противны религіи и общественной безопасности, свободны во всей странѣ, подъ условіемъ, чтобы участники не имѣли при себѣ оружія.

Во всемъ государствѣ должны быть учреждены энджумены (собранія), провинціальные и областные. Члены ихъ избираются непосредственно населеніемъ. Энджумены имѣютъ право по сообственному усмотрѣнію, но не выходя изъ предѣловъ, установленныхъ законами, вырабатывать уставы для своей дѣятельности, если она направлена ко всеобщему благу. Относительно обязанностей, падающихъ на энджументы, не имѣются никакихъ указаній.

Относительно правъ шаха въ основныхъ законахъ заключаются слѣдующія постановленія:

Шахъ ни въ чемъ не отвѣтственъ; министры отвѣтственны передъ меджлисомъ и сенатомъ во всемъ.

Всѣ законы и указы шаха относительно государственныхъ дѣлъ только тогда имѣютъ силу, когда они снабжены подписью отвѣтственнаго министра.

Раздача чиновъ, орденовъ и другихъ знаковъ отличія составляетъ прерогативу шахской власти.

Отставка и назначеніе министровъ происходитъ на основаніи шахскаго фирмана.

Выборъ и назначеніе начальниковъ отдѣльныхъ учрежденій, съ одобренія отвѣтственнаго министра, составляютъ прерогативу шахской власти, за исключеніемъ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

Издавать указы и фирманы для приведенія въ исполненіе законовъ составляетъ право шаха.

Главное начальство надъ всѣми военными силами, какъ сухопутными, такъ и морскими, принадлежитъ шаху.

Шахъ имѣетъ право созывать меджлисъ и сенатъ на экстренныя засѣданія.

Чеканка монеты производится отъ имени шаха.

Въ статьяхъ относительно министровъ заключаются слѣдующія главныя постановленія:

Министры отвѣтственны передъ меджлисомъ и сенатомъ и должны являться по требованію того и другого.

Министры, кромѣ того, что они отвѣтственны каждый въ отдѣльности по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію ввѣренныхъ имъ министерствъ, отвѣтственны еще за дѣла передъ меджлисомъ и сенатомъ.

Меджлисъ и сенатъ имѣютъ право дѣлать замѣчанія министрамъ и предавать ихъ суду.

Въ случаѣ, если меджлисъ или сенатъ выскажутъ большинствомъ голосовъ свое неудовольствіе всему кабинету министровъ, или одному изъ нихъ, весь кабинетъ съ этимъ министромъ выходятъ въ отставку.

Наряду съ существующими духовными судами, во главѣ коихъ находятся муджтехиды, учреждаются свѣтскіе суды, коимъ подсудны дѣла уголовныя.

Въ основныхъ законахъ заключаются многочисленныя ссылки на спеціальные законы, каковые обязанъ былъ изготовить меджлисъ.

Въ депешѣ отъ 7-го ноября н. ст. 1907 г.; къ косй приложенъ былъ переводъ основныхъ законовъ, англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Марлингъ обратилъ вниманіе своего правительства на два слѣдующія главныя соображенія:

1. Законъ ставитъ монарха въ положеніе полнаго безсилія и

2. Учрежденіе свѣтскихъ судовъ въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ законѣ, въ случаѣ его примѣненія, нанесетъ смертельный ударъ судебной власти мусульманскаго духовенства; остается подождать, согласятся ли муджтехиды допустить примѣненіе этой радикальной реформы.

Помимо этого, широкія права, предоставленныя меджлису и сенату по отношенію къ министрамъ, ставили послѣднихъ въ крайне стѣснительное положеніе, лишающее министровъ всякой инициативы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обзоръ общаго положенія въ Персіи вслѣдъ за введеніемъ конституціи.

Въ странѣ, какова Персія, гдѣ верховные правители пользовались до тѣхъ поръ неограниченною властью, гдѣ не существовало другихъ законовъ, кромѣ духовныхъ, ни какихъ либо организованныхъ государственныхъ или общественныхъ учрежденій и гдѣ какъ куль-

турный, такъ и нравственный уровни населенія весьма низки, примѣненіе конституціи должно было неизбѣжно породить общую распущенность и анархію. Ниспровергая вѣковые устои внутренняго быта Персіи, конституція непосредственно способствовала пробужденію дремавшихъ въ извѣстныхъ слояхъ населенія самыхъ низменныхъ и грубыхъ инстинктовъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ самое короткое время вся Персія покрылась сѣтью импровизированныхъ самозванныхъ кружковъ, руководители коихъ, подъ предлогомъ защиты конституціонныхъ учрежденій и правъ народа, направили всѣ свои усилія къ искорененію слѣдовъ существовавшихъ до того порядковъ и къ подчиненію своему собственному произволу всѣхъ функцій какъ правительственнаго организма, такъ и народной жизни.

Прежде, нежели перейти къ описанію хода событій, считаю необходимымъ изобразить въ главныхъ чертахъ общее положеніе, создавшееся въ Персіи подъ вліяніемъ революціонныхъ увлеченій.

Наиболѣе опасными для порядка въ Персіи факторами оказались упомянутые выше кружки, образовавшіеся во всѣхъ городахъ подъ названіемъ *энджуменовъ*, или областныхъ собраній, въ составъ коихъ вошли наиболѣе неспокойные элементы.

Выработанные меджлисомъ основные законы санкціонировали не только существованіе энджуменовъ, но и присвоенное ими себѣ право вырабатывать уставы своей дѣятельности по ихъ собственному усмотрѣнію. Опираясь на это право, энджумены превратились въ революціонныя сборища, которыя не соглашались подчиниться никакой власти, присвоили себѣ право вторгаться во всѣ области не только мѣстныхъ, но и общегосударственныхъ интересовъ и начали съ того, что стали изгонять неугодныхъ имъ правителей. Нѣкоторые изъ энджуменовъ не колеблясь стали предъявлять шаху

требованія объ удаленіи и изгнаніи изъ столицы неугодныхъ имъ шахскихъ совѣтниковъ, которые подозрѣвались въ реакціонныхъ замыслахъ. Одинъ изъ энджуменовъ, Тавризскій, отличавшійся наиболѣе радикальнымъ направленіемъ, рѣшился въ скоромъ времени обнародовать и сообщить по телеграфу представителямъ державъ въ Тегеранѣ слѣдующее постановленіе: нашъ шахъ, принеся, согласно закону конституціи, присягу на коранѣ, нарушилъ обѣщаніе; посему мы, весь народъ, согласно указанію корана, не признаемъ его болѣе шахомъ и подчинимся тому, кого почтенный меджлисъ изберетъ на царство». Нѣкоторые энджумены организовали даже вооруженныя стражи, которыя должны были служить имъ надежной опорой. Вліяніе наиболѣе радикальныхъ энджуменовъ усилилось въ скоромъ времени до такой степени во всей Персіи, что даже меджлисъ вынужденъ былъ считаться съ ними и подчиняться ихъ требованіямъ.

Что касается меджлиса, то вслѣдъ за открытіемъ сессіи онъ обратилъ прежде всего вниманіе на финансовое положеніе, причемъ высказался противъ иностраннаго участія въ финансовыхъ вопросахъ, и между прочимъ противъ иностранныхъ займовъ. Въ одномъ изъ засѣданій возбужденъ былъ вопросъ объ учрежденіи національнаго персидскаго банка съ капиталомъ, который предположено было собрать путемъ добровольныхъ взносовъ. Въ виду полнаго отсутствія довѣрія проектъ этотъ не могъ быть осуществленъ и собранная при помощи угрозъ, направленныхъ противъ реакціонеровъ, извѣстная сумма была въ скоромъ времени растрачена на удовлетвореніе сомнительныхъ потребностей, отчета о конхъ никогда не было представлено. Меджлисъ высказывался также противъ бельгійцевъ, подъ руководствомъ конхъ создана была въ Персіи правильная таможенная администрація. Долгое время

стоявшій во главѣ этой администраціи г. Наусъ и помощникъ его г. Примъ вынуждены были покинуть Персію. Въ меджлисѣ не разъ высказываемы были рѣзкія сужденія и относительно организованной русскими офицерами и продолжавшейся находиться подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ персидской казачьей бригады. Нѣкоторые депутаты заявляли, что эта весьма дорого стоющая Персіи бригада служитъ лишь въ пользу Россіи и что какъ офицеры, такъ и нижніе чины командируются въ провинціи исключительно съ цѣлью доставленія своему начальству свѣдѣній о положеніи дѣлъ въ провинціяхъ. Донося объ этомъ своему правительству, англійскій повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ присовокупилъ, однако, въ донесеніи своемъ отъ 17-го іюля г., что означенная бригада представляетъ тѣмъ не менѣе единственную организованную военную часть, которая, въ случаѣ смутъ, способна поддержать въ столицѣ порядокъ и обезпечить личную и имущественную безопасность иностранцевъ.

Созидательная дѣятельность меджлиса ограничилась изготовленіемъ основныхъ законовъ, извлеченіе изъ коихъ изложено выше. Попытки немногихъ болѣе разумныхъ депутатовъ обратить вниманіе своихъ сотоварищей на необходимость изготовленія спеціальныхъ законовъ, многочисленныя ссылки на которые заключались какъ въ конституціи, такъ и въ основныхъ законахъ, не приносили никакой пользы. Огромное большинство меджлиса состояло изъ лицъ невѣжественныхъ и неспособныхъ понимать свои обязанности. Они заботились лишь о своихъ личныхъ интересахъ, пускались на интриги и безусловно поддавались вліянію своихъ наиболѣе честолюбивыхъ и слѣдовательно наиболѣе радикальныхъ коллегъ. При этомъ меджлисъ широко пользовался обезпеченнымъ ему конституціей правомъ наблюдать за дѣятельностью членовъ прави-

тельства, забрасывалъ ихъ запросами и требованіями по дѣламъ, вовсе не входящимъ въ предѣлы компетенціи меджлиса, постоянно угрожалъ имъ привлеченіемъ ихъ къ отвѣтственности и даже предъявлялъ шаху требованія объ ихъ смѣнѣ.

При такихъ условіяхъ положеніе министровъ оказалось крайне тяжелымъ. Опасаясь отвѣтственности передъ меджлисомъ, они заботились преимущественно о томъ, чтобы не подавать поводовъ къ придиркамъ и о поддержаніи возможно приличныхъ отношеній съ депутатами крайняго направленія, а когда шахъ предъявлялъ имъ справедливыя требованія, какъ напримѣръ о принятіи мѣръ въ видахъ прекращенія преступной дѣятельности областныхъ энджуменовъ, они, сознавая свое безсиліе, предпочитали подавать въ отставку. Угнетенному положенію министровъ способствовало и полное истощеніе казны, лишавшее правительство возможности предпринять для поддержанія порядка какія бы то ни было мѣры, сопряженныя съ расходами. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что конституціонная свобода невыгодно отразилась и на дисциплинѣ среди служащаго класса. Почти всѣ чиновники стали предъявлять протесты противъ распоряженій и приказаній своихъ прямыхъ начальниковъ, устраивали стачки и забастовки, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ направлялись въ меджлисъ и предъявляли ему жалобы на министровъ, которые въ такихъ случаяхъ подвергались строгому допросу со стороны депутатовъ.

Всеобщая распущенность не замедлила отразиться и на печати. Въ Тегеранѣ разомъ появилось нѣсколько десятковъ газетъ, редакторы которыхъ не признавали никакихъ предѣловъ санкціонированной конституціей свободѣ печати и изъ корыстныхъ видовъ наполняли столбцы своихъ газетъ клеветническими статьями, имѣвшими преимущественно цѣлью чернить вліятель-

ныхъ и состоятельныхъ сановниковъ. Въ видахъ противодѣйствія этому злу, одинъ изъ шахскихъ министровъ рѣшился было издавать офиціальный ежедневный органъ, на которомъ лежала бы тяжкая обязанность давать правильное освѣщеніе событіямъ, но, вслѣдствіе преобладавшаго въ тегеранскихъ политическихъ кругахъ радикальнаго направленія, мѣра эта осталась безплодною.

Вышеизложенное положеніе дѣлъ вызывало глубокое негодованіе въ Мохаммедъ-Али шахѣ, ясно понимавшемъ невозможность управлять Персіей при условіяхъ, созданныхъ конституціей и основными законами. Но, располагая лишь ничтожными матеріальными средствами, которыя вскорѣ истощились, шахъ не рѣшался вступать въ открытую борьбу съ враждебными ему элементами и ограничивался по большей части негласными мѣропріятіями, имѣвшими цѣлью дискредитировать въ глазахъ народа меджлисъ и энджумены.

Съ точки зрѣнія личнаго положенія Мохаммедъ-Али шаха существенное значеніе представляли отношенія къ нему высшаго мусульманскаго духовенства. Когда среди тегеранскаго населенія проявились первые признаки недовольства правительствомъ, весьма многія вліятельныя духовныя лица поспѣшили стать во главѣ этого движенія и приняли дѣятельное участіе въ противоправительственныхъ демонстраціяхъ. Но впослѣдствіи отъ вниманія духовенства не ускользнуло, что политическія страсти непосредственно способствовали охлажденію религіознаго чувства, и это обстоятельство побудило многихъ изъ духовныхъ лицъ отрѣшиться отъ ихъ первыхъ увлеченій и образовать значительную партію, которая, сгруппировавшись около шаха, стала поддерживать его и его стремленіе дискредитировать поборниковъ конституціоннаго режима. Перемѣнѣ этой не мало способствовалъ и утвержденный меджлисомъ

основной законъ относительно учрежденія свѣтскихъ судовъ. Въ законѣ этомъ многіе муджтехиды усмотрѣли посягательство на свои вѣковыя обширныя права въ дѣлѣ судопроизводства,—права, обезпечивавшія духовенству значительныя не только нравственныя, но и матеріальныя выгоды. Несмотря на это, часть муджтехидовъ, побуждаемая, по всей вѣроятности, опасеніемъ утратить свое вліяніе на народныя массы, подчинившіяся новымъ вѣяніямъ, не рѣшилась измѣнить ранѣе избранному ею направленію и осталась въ оппозиціи правительству.

Немаловажное участіе въ возникшемъ въ Персіи движеніи приняли и наиболѣе уважаемые шіитами и извѣстные своею ученостью муджтехиды, проживавшіе внѣ предѣловъ Персіи, въ селеніи Неджефъ, Багдадскаго вилаета, гдѣ покоится прахъ имама Али. Большинство этихъ муджтехидовъ, вѣроятно вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ побужденій, стало на сторону поборниковъ конституціоннаго режима и наводняло Персію воззваніями, коими приглашало народъ бороться съ шахомъ и отстаивать права и привиллегіи, обезпеченныя народу конституціей.

Крайне затруднительное и щекотливое положеніе, въ которомъ вслѣдъ за вступленіемъ своимъ на престолъ очутился Мохаммедъ-Али шахъ, осложнялось, сверхъ того, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ числу враговъ его присоединился одинъ изъ старѣйшихъ членовъ рода Каджаровъ—дядя шаха принцъ Зилль-эс-султанъ или Зилли-Султанъ, старшій сынъ Насир-эд-динъ-шаха. Такъ какъ мать его не принадлежала къ роду Каджаровъ, то въ силу существовавшаго въ этомъ родѣ стариннаго обычая онъ былъ устраненъ отъ престола, который достался его младшему брату Музаффер-эд-динъ шаху. Зилли-Султанъ никогда не могъ примириться съ этимъ рѣшеніемъ и при жизни

ихъ отца даже не пытался скрывать своей ненависти къ Музафферу. Будучи одаренъ замѣчательными твердостью характера и настойчивостью, онъ сумѣлъ вкрасться въ довѣріе своего отца, который рѣшился ввѣрить ему управленіе нѣсколькими провинціями на югѣ Персіи, между прочимъ Исфаханомъ и Фарсомъ. На этомъ посту принцъ заявилъ себя строгостью, доходившей до жестокости, и ненасытнымъ любостязаніемъ. Въ короткое время онъ пріобрѣлъ громадное богатство, коимъ пользовался, между прочимъ, для пріобрѣтенія себѣ сторонниковъ среди сановниковъ, окружавшихъ Наср-эд-динъ шаха, и при ихъ содѣйствіи успѣлъ добиться права завести свое собственное войско. Проявившіеся въ Персіи признаки серьезнаго революціоннаго движенія пробудили въ Зилли-Султанѣ надежду на возможность добиться престола. Располагая значительными матеріальными средствами, онъ сумѣлъ привлечь на свою сторону многихъ изъ наиболѣе озлобленныхъ враговъ шаха, принималъ участіе въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ и, какъ сложилось въ Тегеранѣ убѣжденіе, устроилъ складъ оружія, коимъ снабжалъ приверженцевъ мятежныхъ эндженовъ. Свѣдѣнія о замыслахъ Зилли-Султана доходили, конечно, до шаха, но, сознавая затруднительность и шаткость своего собственнаго положенія, онъ не рѣшался идти на открытый разрывъ съ нимъ и, дабы удалить его изъ Тегерана, рѣшился въ мартѣ 1908 г. вновь назначить его правителемъ Фарса, гдѣ, благодаря своей твердости, Зилли-Султанъ успѣлъ на нѣкоторое время установить порядокъ.

Если въ Тегеранѣ борьба между враждебными другъ другу партіями не сопровождалась вначалѣ особенно крупными безпорядками, то совершенно иначе сложились обстоятельства въ провинціяхъ. Подъ вліяніемъ революціонной пропаганды эндженовъ мѣстные

начальники лишились всякой власти и нерѣдко изгонялись, или же сами предпочитали покидать свои резиденціи, дабы выйти изъ щекотливаго положенія. Вслѣдствіе тѣхъ же обстоятельствъ лица, коимъ правительство предлагало мѣста губернаторовъ, отказывались принимать ихъ. Во многихъ мѣстностяхъ борьба между партіями имѣла послѣдствіемъ кровопролитныя столкновенія на городскихъ улицахъ. Грабежи приняли широкіе размѣры, вслѣдствіе чего стала страдать торговля. Характерно между прочимъ то, что въ провинціяхъ въ роли защитниковъ правъ народа и конституціи выступили по большей части авантюристы съ весьма прискорбнымъ прошлымъ. Принявъ участіе въ революціонномъ движеніи съ цѣлью удовлетворенія своихъ личныхъ нечистыхъ побужденій, они безъ всякаго стѣсненія продолжали прикрывать маской патріотизма свои темныя дѣянія. Непосредственными пособниками имъ служили толпы такъ называемыхъ *федаевъ*. Выраженіе *федаи* въ первоначальномъ смыслѣ означаетъ человѣка, готоваго ради безкорыстной цѣли пожертвовать своею жизнью. На самомъ дѣлѣ въ ряды федаевъ стали поступать лишь бездомные бродяги и проходимцы, разсчитывавшіе подъ покровомъ безпорядковъ поживиться насчетъ чужой собственности.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ отнеслись Россія и Англія къ персидской революціи.

Возникшее въ Персіи революціонное движеніе со всѣми возможными его послѣдствіями не могло, какъ само собою разумѣется, не отразиться, на будущихъ отношеніяхъ Россіи къ странѣ этой, и въ виду этого

способъ разрѣшенія этого вопроса заслуживаетъ особаго вниманія.

Какъ явствуетъ изъ нижеслѣдующихъ телеграммъ, обмѣненныхъ между англійскимъ правительствомъ и его представителями въ Петербургѣ и Тегеранѣ и опубликованныхъ въ англійской синей книгѣ, вопросъ этотъ разрѣшенъ былъ на основаніи соглашенія съ Великобританскимъ правительствомъ.

6-го февраля (24-го января) 1907 г. адресована была англійскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ г. Спрингъ-Рейсомъ великобританскому статсъ-секретарю по иностраннымъ дѣламъ нижеслѣдующая телеграмма.

«Хотя безъ всякаго сомнѣнія въ Персіи и существуетъ революціонное движеніе и хотя движеніе это и направлено противъ правительства, противъ бельгійской таможенной администраціи, противъ иностранныхъ займовъ и концесій и вообще противъ иностраннаго политическаго вліянія, тѣмъ не менѣе означенное движеніе не грозитъ еще, повидимому, иностранцамъ и ихъ имуществу. Но, хотя и не опасное въ настоящую минуту, противуиноземное движеніе можетъ стать опаснымъ въ томъ случаѣ, если иностранныя правительства примутъ активное участіе во внутренней политикѣ Персіи. Я полагаю, что какъ Великобританія, такъ и Россійское правительство (хотя, благодаря Кавказу, положеніе Россіи и не сходно съ нашимъ положеніемъ) должны насколько возможно воздерживаться отъ упомянутаго выше вмѣшательства, но что при этомъ оба правительства должны имѣть затоговленные и на письмѣ изложенные проекты финансовыхъ и военныхъ мѣръ на тотъ случай, если для защиты личной и имущественной безопасности иностранцевъ таковыя мѣры окажутся необходимыми».

Вышеизложенная телеграмма передана была 18-го февраля (28-го января) сэромъ Эдуардомъ Греемъ англій-

скому послу въ Петербургѣ, г. Никольсону, коему поручено было при этомъ сообщить русскому министру Иностранныхъ Дѣлъ, что англійское правительство, согласно мнѣнію Спрингъ-Рейса, намѣрено воздержаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, но что, по мнѣнію правительства, какія бы то ни было предложенія относительно военныхъ мѣръ были бы несовмѣстны съ принципомъ невмѣшательства.

На предписаніе это г. Никольсонъ отвѣтилъ слѣдующей телеграммой отъ 12-го февраля (30-го января):

«Русской министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ мнѣ сегодня слѣдующее относительно политики, которой будетъ слѣдовать Русское Правительство. Воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи; не прибѣгать къ военнымъ мѣрамъ, если только онѣ не окажутся безусловно необходимыми, и ограничивать эти мѣры возможно тѣсными предѣлами, если бы оказалось неизбѣжнымъ приступить къ нимъ; вообще же дѣйствовать въ полномъ согласіи съ Великобританскимъ правительствомъ и ничего не предпринимать безъ предварительнаго соглашенія съ нимъ. Г. Извольскій выразилъ при этомъ надежду, что, со своей стороны, и Великобританское Правительство будетъ держаться того же образа дѣйствій, вслѣдствіе чего я увѣрилъ его въ томъ, что мы, безъ всякаго сомнѣнія, будемъ соблюдать таковой же образъ дѣйствій».

Содержаніе этой телеграммы согласовалось съ заключеніемъ особаго совѣщанія по персидскимъ дѣламъ, принятымъ на основаніи изложенія, представленнаго А. П. Извольскимъ.

Сэръ Эдуардъ Грей поручилъ г. Никольсону поблагодарить г. Извольскаго за сдѣланное имъ заявленіе относительно русской политики, каковое вполнѣ согласовалось съ образомъ мыслей Великобританскаго

правительства, и увѣрить его въ томъ, что послѣднее будетъ держаться тождественнаго образа дѣйствій.

Къ вышеизложенному слѣдуетъ присовокупить, что, какъ явствуетъ изъ телеграммы г. Спрингъ-Рейса на имя сэра Эдуарда Грея отъ 14—1-го февраля 1907 г., англійскій посланникъ видѣлся наканунѣ съ персидскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и объявилъ ему, что какъ Англія, такъ и Россія не будутъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи, если только подданные ихъ не будутъ подвергаться покушеніямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Спрингъ- Рейсъ обратился къ министру Иностранныхъ Дѣлъ съ просьбой поставить въ извѣстность объ этомъ *предводителей народной партіи.*

Если Англійское правительство признало необходимымъ воздержаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, то это было его дѣло, но нельзя не поставить вопроса: въ какой степени таковое же отношеніе Россіи къ сосѣднему Персидскому государству соотвѣтствовало интересамъ нашей политики.

Какъ явствуетъ изъ вышеизложеннаго, англійскій посланникъ въ Тегеранѣ не упустилъ изъ виду, что положеніе Россіи относительно Персіи не похоже на положеніе Англіи. Какъ само собой разумѣется, русскій министръ Иностранныхъ Дѣлъ долженъ былъ бы обратить еще болѣе вниманія на это существенное обстоятельство.

Англійскія владѣнія въ Индіи ни въ одномъ пунктѣ не соприкасаются съ территоріей Персіи. Ихъ раздѣляетъ на сѣверѣ Афганистанъ, находящійся подъ протекторамъ Англіи и верховный правитель коего получаетъ отъ Великобританскаго правительства значительную ежегодную субсидію, а на югѣ—пустыни Белуджистана, весьма слабо населенныя полудикими племенами. Путемъ сообщенія между Индіей и южными портами Персіи служатъ Индійскій океанъ и Персидскій заливъ.

Сверхъ этого существуетъ сооруженный по иниціативѣ бывшаго индійскаго вице-короля лорда Керзона караванный путь, идущій отъ пункта Нушки, соединеннаго желѣзной дорогой съ Келятомъ, до Сеистана. Длина этого пути превышаетъ 400 верстъ.

Эти условія не представляютъ ничего сходнаго съ условіями, вытекающими изъ сосѣдства Персіи съ Россіей.

Русско-персидская граница, исходнымъ пунктомъ коей служитъ гора Араратъ и которая простирается до рѣки Теджена, имѣетъ около 2,000 верстъ длины. По обѣ стороны значительной части этой границы живутъ родственныя и единовѣрныя населенія, между коими существуютъ оживленныя сношенія. На персидской сторонѣ границы поселились, между прочимъ, кочевыя племена, Курды, Шахсевены, Туркмены и другія, отличающіяся строптивостью и даже хищническими наклонностями. Вслѣдствіе этого русскія пограничныя власти вынуждены постоянно наблюдать за означенными племенами и повременамъ непосредственно принимать мѣры къ поддержанію на границѣ порядка.

Какъ само собою разумѣется, вслѣдствіе значительной длины пограничной черты создались многочисленные мѣстные интересы, требующіе попеченія о нихъ русской власти.

На средства Императорскаго Правительства оборудованы въ Персіи два торговыхъ пути: Энзели-Тегеранскій и Джульфа-Тавризскій, обезпечивающіе торговлѣ значительныя удобства и облегченія.

Существующимъ въ Персіи русскимъ Учетнымъ Банкомъ сдѣланы были въ 1900 и 1902 г.г. Персидскому правительству значительныя ссуды, сложность коихъ, не включая въ нее краткосрочныхъ ссудъ, равняется въ настоящее время 30 милліонамъ рублей; уплата процентовъ и погашенія по этимъ ссудамъ тре-

бустъ ежегодно болѣе трехъ милліоновъ рублей, и уплата эта обезпечивается доходами сѣверныхъ персидскихъ таможенъ.

Упомянутый выше Учетный Банкъ имѣетъ, помимо тегеранской, многочисленныя конторы въ провинціальныхъ городахъ Персіи, облегчающія торговыя сношенія между страной этой и Россіей.

Между создавшимися въ Персіи русскими промышленными предпріятіями одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ аренда русскими подданными всѣхъ рыбныхъ ловель вдоль персидскаго побережья Каспійскаго моря.

Наконецъ, въ Азербейджанѣ во владѣніи русскихъ подданныхъ состоятъ многочисленныя земли, стоимость коихъ составляетъ нѣсколько милліоновъ рублей.

Перечисленные выше интересы требуютъ въ неблагоустроенной странѣ, какова Персія, заботливой охраны, а въ виду этого при обсужденіи сдѣланнаго намъ Англіей предложенія тщательно воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи въ ту минуту, когда въ странѣ этой уже созрѣла революція, на наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ падала обязанность зрѣло обсудить это предложеніе и предусмотрѣть всѣ возможныя послѣдствія практическаго его примѣненія. Необходимость зрѣлаго обсужденія англійскаго предложенія представлялась тѣмъ болѣе настоятельной, что первые руководители революціоннаго движенія предъявили требованіе о введеніи конституціи въ Персіи и что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, англійское правительство съ самаго начала сочувственно отнеслось къ этому требованію. Указаніемъ на это служило, между прочимъ, то, что руководители революціоннаго движенія нашли убѣжище въ помѣщеніи англійской миссіи въ Тегеранѣ, куда они увлекли за собою до 14.000 человѣкъ демонстрантовъ; что толпа эта провела нѣсколько дней въ помѣщеніи миссіи и что пере-

говоры между руководителями и представителями персидскаго правительства велись въ присутствіи англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Грантъ-Деффа, руководствовавшагося въ этомъ случаѣ указаніями своего правительства. Ни одинъ изъ русскихъ дѣятелей, хорошо знакомыхъ съ Персіей, не рѣшился бы, конечно, оспаривать, что примѣненіе конституціонныхъ учрежденій въ отсталой во всѣхъ отношеніяхъ Персіи представлялось явленіемъ въ высшей степени ненормальнымъ и что оно могло породить лишь всеобщую анархію, каковая должна была крайне невыгодно отразиться какъ на политическихъ, такъ и на матеріальныхъ интересахъ Россіи въ странѣ этой. Всѣ эти соображенія обязывали Императорское Правительство позаботиться о средствахъ оградить какъ Персію, такъ и свои собственные интересы отъ грозившей имъ опасности и ни въ какомъ случаѣ не спѣшить изъявленіемъ согласія на сдѣланное ему Англійскимъ правительствомъ предложеніе.

Для правильнаго разрѣшенія вопроса о томъ, насколько принятое А. П. Извольскимъ вслѣдствіе англійскаго предложенія рѣшеніе могло служить благонадежной гарантіей нашихъ интересовъ, необходимо сопоставить рѣшеніе это со взглядами, коими до того политика Россіи руководствовалась по отношенію къ Персіи.

Императорское Правительство давно уже прониклось убѣжденіемъ, что сосѣдство Персіи представляло для насъ значительныя удобства. Персія не могла быть для насъ опасной, а между тѣмъ абсолютная власть, которой пользовались въ предѣлахъ своихъ владѣній персидскіе шахи, обезпечивала имъ возможность охранять неприкосновенность и самостоятельность Персіи и такимъ образомъ способствовала обезпеченію въ краяхъ этихъ желательнаго съ нашей точки зрѣнія statu quo. Та же власть оказывалась необходимой для обузданія

своеволія поселившихся вдоль кавказской границы персидскихъ кочевыхъ племенъ, пытавшихся по временамъ нарушать спокойствіе на границѣ. Наши энергическія представленія въ Тегеранѣ оказывались достаточными для побужденія шахскаго правительства къ принятію дѣйствительныхъ мѣръ въ видахъ возстановленія порядка и наказанія его нарушателей.

Руководствуясь этими соображеніями, Императорское Правительство признавало, со своей стороны, необходимымъ оберегать Персію и оказывать ей содѣйствіе, въ которомъ она нерѣдко нуждалась. Доказательствомъ этому служатъ, между прочимъ, слѣдующія услуги, въ разныя времена оказанныя нами Персіи. Въ 1842 г. учреждена была нами въ юго-восточной части Каспійскаго моря, на островѣ Ашурадэ, морская станція, которая обезпечивала берега Астерабадской и Мазендеранской провинцій отъ морскихъ набѣговъ Туркменъ, отъ каковыхъ съ давняго времени жестоко страдало персидское прибрежное населеніе. Равнымъ образомъ, благодаря воздѣйствію Россіи, закрылись существовавшіе въ Бухарѣ и Хивѣ невольничьи рынки, на которыхъ туркменскіе разбойники выгодно сбывали захватываемыхъ ими въ плѣнъ многочисленныхъ Персіянъ. Въ издавна существующихъ между Персіей и Турціей спорахъ изъ-за границъ мы никогда не отказывались поддерживать справедливыя домогательства персидскаго правительства, а на Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г. уполномоченными Россіи возбужденъ былъ вопросъ о возвращеніи Персіи округа Котура, несправедливо захваченнаго Турціей; вопросъ этотъ получилъ благопріятное для Персіи разрѣшеніе. Въ 1880 г., когда турецкіе Курды внезапно вторглись въ Азербейджанъ и захватили нѣсколько округовъ, Императоръ Александръ II, вслѣдствіе ходатайства Насиръ-эд-динъ шаха, повелѣлъ сосредоточить на гра-

нищѣ Азербейждана военный отрядъ, который долженъ былъ дать понять Курдамъ, что мы не намѣрны безучастно относиться къ захватамъ ими персидской территоріи. Наконецъ, успѣхъ предпринятой нами въ 1880 г. для покоренія Ахалъ-Текинскаго оазиса экспедиціи надежнымъ образомъ обезпечилъ восточную персидскую провинцію Хорасанъ отъ постоянныхъ набѣговъ текинскихъ Туркменъ и способствовалъ быстрому развитію благосостоянія этой области и преуспѣянію ея торговыхъ сношеній съ Россіей. Нельзя не упомянуть при этомъ, что представители наши въ Тегеранѣ, движимые чувствомъ доброжелательства, считали, между прочимъ, своею обязанностью постоянно обращать вниманіе шахскаго правительства на всѣ, доходившія до нихъ черезъ консуловъ нашихъ или иными путями, свѣдѣнія о неблагопріятныхъ явленіяхъ въ области внутренней жизни Персіи и такимъ образомъ облегчали правительству средства предупрѣждать вредныя послѣдствія означенныхъ явленій. Всѣ эти обстоятельства способствовали установленію довѣрчивыхъ и добрососѣдскихъ отношеній между Императорскимъ и Персидскимъ Правительствами, а также укрѣпленію нашего вліянія въ Персіи и, сколько мнѣ извѣстно, ни одинъ изъ предмѣстниковъ А. П. Извольскаго или представителей нашихъ въ Тегеранѣ не усматривали ни малѣйшей потребности измѣнить въ чемъ бы то ни было характеръ сложившихся между Россіей и Персіей отношеній.

Изъявленное А. П. Извольскимъ согласіе на предложеніе Англійскаго правительства воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи въ ту минуту, когда въ странѣ этой уже проявились рѣзкіе признаки революціоннаго движенія, становясь въ противорѣчіе съ предшествовавшей политикой Императорскаго Правительства, должно было крайне не-

благопріятно отразиться какъ на тѣхъ существенныхъ выгодахъ, которыя обезпечивалъ за нами предшествовавшій режимъ, такъ и на судьбѣ Персіи. Означенное согласіе обязывало Россію соблюдать строгій нейтралитетъ въ виду борьбы, возникшей между Мохаммедъ-Али шахомъ и революціонными элементами, а такой нейтралитетъ получалъ двойственное значеніе. Съ одной стороны, свидѣтельствуя о нашемъ полномъ равнодушіи къ судьбѣ шаха, онъ способствовалъ дальнѣйшему упадку пошатнувшагося уже вслѣдствіе предшествовавшихъ событій авторитета шаха въ глазахъ не только революціонеровъ, но и всѣхъ его подданныхъ, съ другой же стороны онъ послужилъ прямымъ поощреніемъ замысламъ революціонеровъ. Не требовалось особой прозорливости, чтобы предусмотрѣть и дальнѣйшія послѣдствія такого переворота. Если революція, гдѣ бы она ни проявлялась, неизбѣжно влечетъ за собой потрясеніе всего организма государства, то тѣмъ болѣе опасными испытаніями грозила она слабой Персіи, гдѣ не существуетъ никакихъ элементовъ, способныхъ сознательно противодѣйствовать надвигающимся опасностямъ. Потрясая вѣковые устои внутренняго быта Персіи, революція могла служить поощреніемъ лишь самымъ грубымъ инстинктамъ. Въ связи съ безучастнымъ отношеніемъ Россіи и Англіи къ возникшимъ внутреннимъ смутамъ, революція расчищала путь честолюбивымъ, корыстолюбивымъ и беззастѣнчивымъ авантюристамъ, которые, ради привлеченія на свою сторону народныхъ массъ и обѣленія себя въ глазахъ легковѣрной Европы, не стѣснялись выдавать себя за патріотовъ и защитниковъ конституціонныхъ правъ персидскаго народа. Таковое положеніе дѣлъ должно было породить всеобщій хаосъ и грозило Персіи гибелью.

Въ виду таковыхъ послѣдствій, неизбѣжность коихъ не могла укрыться отъ вниманія лицъ, близко зна-

комыхъ съ Персіей, естественно возникали два вопроса, требовавшіе тщательнаго и всесторонняго обсужденія, а именно: 1) вѣрило ли само Англійское правительство въ то, что соблюденіе Россіей и Англіей строгаго нейтралитета въ виду борьбы, возникшей между шахомъ и революціей, приведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ, то есть къ возстановленію въ Персіи порядка и 2) не руководствовалось ли означенное правительство въ настоящемъ случаѣ какими-либо сторонними, эгоистическими побужденіями.

Наше положеніе относительно Персіи и наши интересы въ странѣ этой были далеко не тождественны съ положеніемъ и интересами Англіи, и потому слѣпое довѣріе къ доброжелательству этой державы было совершенно неумѣстно.

Отвѣтъ на первый изъ поставленныхъ выше двухъ вопросовъ могъ быть, по моему мнѣнію, лишь отрицательнымъ.

Исторія не представляетъ ни одного примѣра среднеазіятскаго государства, которое управлялось бы на основаніи конституціонныхъ, заимственныхъ у Западной Европы, учрежденій. Исторія свидѣтельствуетъ напротивъ того, что поддержаніе порядка въ этихъ государствахъ возможно лишь при условіи существованія сильной центральной власти.

Англичане тщательно изучали и изучаютъ Среднюю Азію. Англійская литература богата книгами, посвященными описанію различныхъ государствъ Средней Азіи. Во многихъ изъ этихъ описаній заключаются весьма дѣльныя и добросовѣстныя указанія на многочисленныя темныя стороны внутренняго быта этихъ государствъ, и однако ни одинъ изъ добросовѣстныхъ англійскихъ изслѣдователей и публицистовъ не рѣшался рекомендовать конституціонныя учрежденія, какъ

средство уврачевать внутренніе недуги означенныхъ государствъ.

Само Англійское правительство никогда, сколько мнѣ извѣстно, не рѣшалось поощрять примѣненія либеральныхъ, несвойственныхъ среднеазіятскому востоку, учрежденій въ странахъ, гдѣ государственные интересы Великобританіи требовали благонадежной охраны внутренняго порядка. Примѣромъ этому можетъ служить пограничный съ индійскими владѣніями Англіи Афганистанъ. Не разъ, и еще не такъ давно, Англія была вынуждаема вмѣшаться въ возникшія въ Афганистанѣ внутреннія смуты, и въ этихъ случаяхъ всѣ ея усилія были всегда направляемы къ созданію въ Кабулѣ сильной правительственной власти, которая располагала бы необходимыми средствами для подавленія внутреннихъ смутъ и охраненія цѣлости Афганистана. Только при этихъ условіяхъ Афганистанъ могъ, по мнѣнію Англичанъ, служить послушнымъ орудіемъ англійской національной политики.

Наконецъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ Англія считаетъ своей обязанностью рѣшительно противодѣйствовать попыткамъ туземныхъ элементовъ добиться конституціонной свободы,—попыткамъ, которыя, при незрѣлости, какъ Индіи, такъ и Египта, могли бы, въ случаѣ отсутствія противодѣйствія, повести къ внутреннимъ осложненіямъ. Въ семидесятыхъ годахъ Англійское правительство согласилось было допустить въ Индіи свободу печати, но распоряженіе это повлекло за собою такія злоупотребленія и оказалось настолько вреднымъ для обаянія Англіи, что свобода печати была въ скоромъ времени отмѣнена.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что ни одна изъ европейскихъ державъ, имѣющихъ колоніи въ Азіи или Африкѣ, не рѣшалась до сихъ поръ преобразовывать

управленіе этими колоніями на конституціонныхъ основаніяхъ.

Въ виду этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ нельзя не спросить: на основаніи какихъ соображеній Англія сочла необходимымъ примѣнить къ отсталой Персіи совершенно другой масштабъ?

Разрѣшеніе этого вопроса слѣдуетъ, повидимому, искать въ тѣхъ предубѣжденіяхъ, съ которыми Англійское правительство издавна относилось къ положенію, занятому Россіей въ Персіи.

Означенное правительство никогда не могло примириться съ преобладающимъ вліяніемъ, которымъ Россія пользовалась въ Тегеранѣ и каковое обезпечивалось какъ непосредственнымъ сосѣдствомъ нашимъ съ Персіей, такъ и доброжелательной политикой, которой мы держались по отношенію къ этому государству. Усилія Англійскаго правительства были постоянно направляемы къ тому, чтобы поколебать довѣріе, которое Персія питала къ Россіи. Въ теченіе семи лѣтъ, проведенныхъ мною въ Тегеранѣ въ качествѣ чрезвычайнаго посланника при Насиръ-эд-динъ шахѣ, мнѣ постоянно приходилось наталкиваться на тайные происки англійскихъ агентовъ. Съ особенною яркостью происки эти проявлялись съ тѣхъ поръ, какъ Императорское Правительство признало необходимымъ усмирить разбойничье населеніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, бывшее грозою Персіи и препятствовавшее развитію нашей торговли въ Закаспійскомъ краѣ. Во время экспедиціи 1880—1881 гг., во главѣ коей находился генералъ-адъютантъ Скобелевъ, англійскіе агенты и офицеры постоянно посѣщали сѣверную границу Хорасана и вступали въ сношенія съ Туркменами съ очевидною цѣлью поощрять ихъ къ сопротивленію. Одновременно англійская миссія въ Тегеранѣ не переставала внушать персидскому правительству недовѣріе къ нашимъ якобы завоевательнымъ

замысламъ, съ цѣлью, между прочимъ, лишить наши войска возможности запасаться продовольствіемъ въ предѣлахъ Персіи. Для достиженія этой цѣли были пускаемы въ ходъ какъ угрозы, такъ и заманчивыя обѣщанія, но, къ счастью, они не помѣшали успѣшному завершенію нашего предпріятія.

Англичане какъ нельзя болѣе устойчивы въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, и потому нисколько не удивительно, что и послѣ состоявшагося между Россіей и Англіей сближенія они не усмотрѣли необходимости, въ виду возможныхъ въ будущемъ случайностей, отречься отъ своей прежней программы, одинъ изъ главныхъ пунктовъ которой требовалъ настойчиваго противодѣйствія распространенію вліянія Россіи въ Средней Азіи и ея преобладанію въ Персіи. Въ каждомъ шагѣ нашемъ въ Средней Азіи, обусловливавшемся настоятельной необходимостью обезпечить безопасность нашихъ азіятскихъ окраинъ, Англійское правительство постоянно усматривало признаки нашихъ якобы враждебныхъ Англіи замысловъ и не упускало случая обращаться къ Императорскому Правительству съ запросами и замѣчаніями и даже не разъ пыталось исторгнуть у насъ обѣщаніе, что мы не пойдемъ далѣе.

Возникшая въ Персіи революція показалась Англійскому правительству удобнымъ моментомъ для осуществленія его политической программы. Не считая возможнымъ примириться съ руссофильскими убѣжденіями Мохаммедъ-Али шаха, оно поставило себѣ задачей дать событіямъ неблагопріятный для него оборотъ и въ этихъ видахъ предложило Россіи воздержаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, каковое обстоятельство, какъ выше объяснено было, должно было послужить поощреніемъ революціонному движенію.

Гораздо труднѣе понять, вслѣдствіе какихъ соображеній А. П. Извольскій далъ увлечь себя англійскимъ

предложеніемъ и согласился пожертвовать пріобрѣтеннымъ Россіей въ Персіи выгоднымъ положеніемъ. Въ изданномъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ сборникѣ документовъ не заключается никакихъ указаній по этому предмету. Умолчаніе объ этихъ соображеніяхъ составляетъ существенный пробѣлъ и оставляетъ широкій просторъ разнообразнымъ преположеніямъ. Находя излишнимъ останавливаться на предположеніяхъ, я позволю себѣ намѣтить въ главныхъ чертахъ тотъ путь, который Императорскому Правительству слѣдовало бы избрать, какъ только возникли въ Персіи осложненія и встрѣтилась потребность войти въ переговоры съ Англіей.

Не слѣдовало прежде всего упускать изъ виду, что возникшее въ Персіи революціонное движеніе, будучи предоставлено само себѣ, должно было неизбѣжно принять широкіе размѣры, крайне опасные для слабой Персіи и вовсе нежелательные съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ. Равнымъ образомъ немыслимо было допускать существованіе революціонныхъ, анархическихъ очаговъ по сосѣдству съ Кавказомъ, гдѣ, какъ доказали событія, существовали въ средѣ туземнаго населенія многочисленные элементы, враждебныя правительству. Въ виду этихъ соображеній необходимо было, вслѣдъ за появленіемъ несомнѣнныхъ признаковъ революціоннаго движенія и обнаружившагося безсилія шахскаго правительства бороться съ этимъ движеніемъ, сосредоточить на сѣверной границѣ Персіи военный отрядъ и въ то же время усилить военные конвои при нашихъ консульствахъ въ сѣверныхъ персидскихъ областяхъ. Въ пользу этихъ мѣръ высказались съ самаго начала какъ посланникъ нашъ въ Тегеранѣ, г. Гартвигъ, такъ и консулы, и послѣдующія событія подтвердили правильность ихъ взгляда. Въ то время обаяніе Россіи въ глазахъ Персіянъ еще не пострадало, и потому появле-

ніе нашего отряда на персидской границѣ и возможность вступленія его въ предѣлы Персіи оказались бы достаточными для удержанія персидскихъ авантюристовъ отъ ихъ дерзкихъ предпріятій, а обезпеченіе спокойствія въ сѣверной Персіи не преминуло бы произвести отрезвляющее дѣйствіе на состояніе умовъ и въ остальныхъ персидскихъ областяхъ. Послѣдующія событія принудили Россію прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ, и при томъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, но, къ сожалѣнію, нами потеряно было много драгоцѣннаго времени, а за это время революція успѣла охватить всю Персію.

Наше исключительное положеніе относительно Персіи, каковое признавало само Англійское правительство, не только давало намъ право, но и обязывало насъ заявить ему, что предложенная имъ политика невмѣшательства не могла служить достаточнымъ обезпеченіемъ нашихъ интересовъ и что интересы эти и, въ особенности, необходимость охраненія спокойствія по близости кавказской границы ставили насъ въ необходимость сохранить за собою извѣстную свободу дѣйствій, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ областяхъ Персіи, гдѣ сосредоточивались преимущественно наши интересы, и не допускать распространенія революціоннаго движенія на эти области. Таковое заявленіе мы могли сдѣлать съ тѣмъ большимъ авторитетомъ, что скудныя средства персидскаго правительства были направлены исключительно на борьбу съ революціонными элементами въ Тегеранѣ, что средствъ этихъ не хватало даже на содержаніе въ Тегеранѣ войскъ и полиціи, необходимыхъ для охраненія порядка въ столицѣ, и что само персидское правительство сознавалось въ полной невозможности охранять своими средствами порядокъ въ областяхъ. Въ случаѣ таковой постановки вопроса Англійское правительство, конечно, не рѣшилось бы потребовать отъ

насъ, чтобы мы пожертвовали всѣми нашими интересами ради удовлетворенія персидскихъ революціонеровъ. Наша предшествовавшая доброжелательная политика относительно Персіи могла служить благонадежнымъ ручательствомъ въ томъ, что намъ совершенно чужды какіе бы то ни было враждебные замыслы противъ этой страны, и потому мы могли дать Англіи положительное увѣреніе въ томъ, что мы откажемся отъ всякихъ исключительныхъ мѣръ, какъ только возстановится въ Персіи порядокъ.

Что же касается возстановленія порядка въ Персіи, то простѣйшій и даже единственный благонадежный путь къ достиженію этой цѣли заключался въ поддержаніи авторитета шаха и въ предоставленіи ему средствъ, необходимыхъ какъ для организаціи матеріальной силы, на которую онъ могъ бы опереться, такъ и для осуществленія наиболѣе необходимыхъ преобразованій, на первый разъ въ финансовой и военной областяхъ. Руководство этими реформами могли бы совмѣстно принять на себя Россія и Англія. Англійское правительство уже давно домогалось заключенія съ Россіей соглашенія, которое гарантировало бы неприкосновенность и независимость Персіи. Императорское Правительство не уклонялось отъ этого, но настаивало на томъ, чтобы соглашеніе распространялось на всѣ вопросы, въ коихъ проявлялся антагонизмъ между нашими и англійскими интересами. Англійское правительство не соглашалось на это, и потому переговоры были прерваны. За послѣдніе года многія предубѣжденія, препятствовавшія сближенію обѣихъ державъ, уже отжили свой вѣкъ и между ними установились болѣе довѣрчивыя отношенія. Русско-англійское соглашеніе по вопросу о Персіи было для Англіи едва ли не болѣе желательно, чѣмъ для насъ, и казалось бы, что при этихъ условіяхъ не могло встрѣтиться непреодолимыхъ препятствій къ заключенію ра-

зумнаго соглашенія, равномѣрно обезпечивавшаго интересы и достоинство обѣихъ державъ. Во всякомъ случаѣ Англія не могла требовать отъ насъ безусловнаго принятія ея рискованной программы невмѣшательства, каковая, подрывая авторитетъ шаха, служила поощреніемъ революціонному движенію, а мы, съ своей стороны, не были нисколько обязаны принять эту программу.

Благонадежны и плодотворны лишь тѣ международныя соглашенія, коими въ одинаковой степени обезпечиваются достоинство и законные интересы обѣихъ договарпвающихся сторонъ, а никакъ не тѣ, въ силу коихъ одна изъ сторонъ всецѣло подчиняетъ свои интересы благоусмотрѣнію другой стороны. Состоявшееся между сэромъ Эдуардомъ Греемъ и А. П. Извольскимъ въ февралѣ 1907 г. соглашеніе безспорно принадлежитъ къ послѣдней категоріи. Таковое соглашеніе едва ли удовлетворило бы даже второстепенную державу. Тѣмъ менѣе можетъ примириться съ нимъ первостепенная держава, какова Россія.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не воспользовался примѣромъ Франціи, которая вслѣдъ за возникновеніемъ смутъ въ Морокко предъявила заинтересованнымъ державамъ домогательство о предоставленіи ей во владѣніяхъ мароккскаго султана исключительныхъ привиллегій въ дѣлѣ охраненія порядка въ этихъ владѣніяхъ,—привиллегій, оказывавшихся безусловно необходимыми для обезпеченія спокойствія и безопасности въ Алжирѣ. Благодаря своей послѣдовательности и настойчивости, Франція успѣла добиться признанія этихъ привиллегій на конференціи, собравшейся въ Альджезирасѣ въ 1906 году.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Назначеніе Атабекъ-Азама на постъ перваго персидскаго министра. — Его убійство. — Неудачная попытка Мохаммеда Али шаха совершить переворотъ.

Изложивъ выше общую характеристику создавшагося въ Персіи вслѣдъ за введеніемъ конституціи положенія дѣлъ, я почитаю совершенно излишнимъ подробно описывать всѣ фазисы борьбы, возникшей между шахомъ и враждебными ему элементами. Описаніе наиболѣе существенныхъ эпизодовъ этой борьбы представляется мнѣ вполнѣ достаточнымъ для всесторонней оцѣнки событій.

Утративъ надежду найти между окружавшими его сановниками лицъ, способныхъ съ успѣхомъ бороться съ революціонными элементами, Мохаммедъ Али шахъ рѣшился въ апрѣлѣ 1907 г. вызвать проживавшаго за границей мирзу Али-Асгеръ-хана, пользовавшагося почетнымъ титуломъ Атабекъ-Азама, занимавшаго въ царствованія Насир-эд-динъ шаха и Музаффер-эд-динъ шаха должность великаго везира и обнаружившаго далеко недюжинныя способности. Атабекъ-Азамъ не замедлилъ откликнуться на этотъ призывъ и въ серединѣ апрѣля прибылъ въ Тегеранъ. Кратковременное пребываніе его во главѣ персидскаго правительства описано въ слѣдующихъ выраженіяхъ въ 1-мъ выпускѣ изданнаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ сборника документовъ.

«24-го апрѣля Атабекъ-Азамъ выступилъ передъ меджлисомъ съ сообщеніемъ, что имъ приняты мѣры къ

снабженію хлѣбомъ столицы, сильно страдавшей отъ недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, и вызваны въ Тегеранъ, для объясненій, тѣ изъ областныхъ правителей, противъ которыхъ были возбуждены жалобы въ меджлисѣ. Выступленіе Атабека было встрѣчено сочувственно. Однако положеніе перваго министра все-таки было весьма непрочно и неопредѣленно, такъ какъ въ странѣ все сильнѣе и сильнѣе развивалась анархія, борьба съ которой могла быть успѣшной лишь при наличіи хорошаго войска и денегъ. Между тѣмъ, ни того, ни другого не было въ распоряженіи правительства. Нѣкоторое время Атабекъ пользовался извѣстной поддержкой меджлиса; особенно же ему оказывалъ содѣйствіе предсѣдатель собранія Сани-уд-доулэ. Симпатіи къ Атабеку не раздѣлялись, однако, вліятельной группой въ самомъ меджлисѣ, а среди *націоналистическихъ круговъ* [1]) населенія онъ встрѣчалъ лишь ненависть и вражду. Министру ставили въ упрекъ его пристрастіе къ иностранцамъ и преданность царствующему шаху, чѣмъ, конечно, объяснялось органически непріязненное къ нему отношеніе лѣвыхъ партій, основывавшихъ свою политическую программу на рѣзко выраженномъ націонализмѣ. Жизнь Атабека была въ опасности съ самаго момента его прибытія въ страну, и слухи о заговорахъ противъ него носились въ теченіе всего лѣта 1907 г. Въ концѣ августа Сани-уд-доулэ, поддерживавшій Атабека, покинулъ свой постъ; на его мѣсто былъ избранъ Ихтишам-ус-сальтанэ. Послѣ этого событія большинство меджлиса перешло, подъ вліяніемъ новаго предсѣдателя, въ оппозицію Атабеку, и работа послѣдняго постоянно тормозилась враждебнымъ къ нему отношеніемъ парламента».

---

[1]) Такъ называемые націоналистическіе круги состояли по большой части изъ ярыхъ революціонеровъ и анархистовъ.

18-го августа 1907 г. Атабекъ былъ убитъ при выходѣ изъ меджлиса. Изъ двухъ убійцъ одинъ успѣлъ скрыться, а другой покончилъ самоубійствомъ. Въ ознаменованіе этого событія Тегеранъ былъ въ тотъ же день иллюминованъ, а на сороковой день послѣ кончины Атабека на могилѣ его убійцы состоялась демонтсрація, на которую собралось до 15.000 человѣкъ, при чемъ произнесены были рѣчи, въ конхъ убійца былъ восхваляемъ какъ патріотъ, пожертвовавшій жизнью ради блага своей родины. Кончина Атабека, какъ засвидѣтельствовалъ англійскій повѣренный въ дѣлахъ Г. Марлингъ въ донесеніи своему правительству отъ 17-го сентября н. ст. 1907 г., имѣла послѣдствіемъ ухудшеніе положенія дѣлъ въ Тегеранѣ и усугубленіе общей анархіи во всей Персіи. Точность этого взгляда подтверждена была послѣдующими событіями.

Образовавшійся въ Тегеранѣ кружокъ, въ составъ коего вошли нѣкоторые изъ принцевъ Каджарскаго рода, высшіе военные и гражданскіе сановники, крупные землевладѣльцы и вообще выдающіеся реакціонеры, обратился къ шаху съ заявленіемъ, что, если онъ не сохранитъ конституцію и не войдетъ въ соглашеніе съ меджлисомъ, то означенный кружокъ откажется поддерживать престолъ. Члены кружка не замедлили явиться въ меджлисъ и поклялись въ своей вѣрности конституціи. Такъ какъ демонстрація эта не оправдывалась никакими внѣшними событіями, то организація кружка приписана была глубокому впечатлѣнію, которое произвела на реакціонеровъ насильственная смерть Атабека и опасенію ихъ подвергнуться той же самой участи. На сдѣланное ему заявленіе шахъ отвѣтилъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, которыя были истолкованы въ смыслѣ его рѣшимости подчиниться переданнымъ ему совѣтамъ. Какъ доказали однако послѣдующія событія, вліяніе означеннаго кружка оказалось лишь кратковременнымъ.

Между тѣмъ враждебныя отношенія между шахскимъ дворомъ и радикальными элементами продолжали обостряться. 1-го декабря 1907 г. въ городской мечети Сепехсаляра собрались группы различныхъ крайнихъ энджуменовъ. Въ присутствіи наполнявшей мечеть толпы произносимы были мятежныя рѣчи и въ заключеніе постановлено было потребовать отъ шаха изгнанія изъ столицы нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ. Признавъ требованіе это противнымъ конституціи, шахъ повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ передать кабинету и меджлису, что онъ не только отвергаетъ требованіе это, но и предлагаетъ правительству немедленно принять мѣры противъ энджуменовъ, мутящихъ населеніе и возбуждающихъ его къ безпорядкамъ. Министры попытались было склонить шаха отказаться отъ своего рѣшенія, но, пригласивъ ихъ къ себѣ, шахъ категорически объявилъ имъ, что онъ ни на шагъ не отступитъ отъ конституціи, которую поклялся охранять, и потому требуетъ привести въ исполненіе его рѣшеніе, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, онъ самъ будетъ вынужденъ озаботиться водвореніемъ порядка. Сознавая свое безсиліе, министры предпочли подать въ отставку. Принявъ ихъ отставку, шахъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи предпринять всѣ необходимыя мѣры къ водворенію порядка. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по городу и вызвала въ народѣ демонстраціи, сочувственныя къ шаху и враждебныя по отношенію къ энджуменамъ. Члены послѣднихъ запаслись оружіемъ, заперлись въ мечети Сепехсаляра, а въ меджлисѣ состоялось тайное засѣданіе въ присутствіи принца Зилли-Султана, честолюбивые замыслы коего были хорошо извѣстны.

Во исполненіе высказаннаго имъ намѣренія покончить съ революціей шахъ не замедлилъ приступить къ осуществленію своего плана. Наблюденіе за горо-

домъ и поддержаніе въ немъ порядка возложено было на казачью бригаду и изъ Верамина вызваны были всадники племени Усаллу, отличавшіеся полнымъ отсутствіемъ дисциплины. Одновременно отъ имени шаха предъявлено было меджлису требованіе объ удаленіи изъ мечети вооруженныхъ защитниковъ парламента и прекращеніи занятій меджлиса впредь до полнаго успокоенія города. Распоряженія эти произвели глубокое впечатлѣніе, какъ на организаторовъ революціонныхъ собраній, такъ и на членовъ меджлиса. Послѣдніе поспѣшили заранѣе заручиться убѣжищемъ въ иностранныхъ миссіяхъ и обратились къ начальникамъ миссій съ ходатайствомъ объ оказаніи защитникамъ конституціи содѣйствія противъ посягательствъ на послѣднюю со стороны приближенныхъ къ шаху сановниковъ. По мнѣнію какъ нашего посланника г. Гартвига, такъ и англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ г. Марлинга, положеніе дѣлъ было какъ нельзя болѣе благопріятно для шаха и, рѣшись онъ въ эту минуту занять войсками мечеть Сепехсаляра и зданіе парламента, побѣда была бы на его сторонѣ. Къ несчастью для шаха, у него не хватило твердости; вызвавъ къ себѣ бывшихъ министровъ, онъ вступилъ съ ними въ новые переговоры и упустилъ удобную минуту. Замедленіемъ этимъ энджумены не преминули воспользоваться. Они стали созывать своихъ единомышленниковъ и въ короткое время очутились во главѣ скопища въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, выражавшихъ готовность съ оружіемъ въ рукахъ защищать какъ мечеть, такъ и зданіе парламента. Успѣху энджуменовъ способствовало настроеніе въ провинціяхъ, откуда стали получаться телеграммы съ выраженіемъ сочувствія либеральнымъ элементамъ и готовности пожертвовать собою на защиту конституціи. Изъ Тавриза получена была, между прочимъ, телеграмма, которою мѣстный энджуменъ отъ имени тавризскаго

населенія сообщалъ, что Мохаммедъ-Али шахъ, какъ клятвопреступникъ, низложенъ и что народъ подчинится тому лицу, которое будетъ избрано меджлисомъ. Усиленію возникшей въ Тегеранѣ тревоги не мало способствовало и буйное поведеніе вызванныхъ изъ Верамина всадниковъ, которыми были убиты два мирныхъ жителя и совершены насилія.

На данные ему лично русскимъ посланникомъ и англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ совѣты избѣгать кровопролитія шахъ отвѣтилъ увѣреніями въ его неизмѣнномъ рѣшеніи блюсти въ цѣлости и неприкосновенности дарованную его отцомъ и утвержденную имъ самимъ конституцію.

Что же касается переговоровъ съ меджлисомъ, возобновленныхъ при посредствѣ министровъ, то результаты ихъ оказались весьма неблагопріятными для шаха. Всѣ его домогательства были отвергнуты и самъ онъ вынужденъ былъ согласиться на предъявленныя ему условія, а именно: на удаленіе одного изъ приближенныхъ къ нему лицъ, Саад-уд-доулэ, на ограниченіе лежавшихъ на другомъ его приверженцѣ, Эмиръ-Бехадуръ-Дженгѣ, обязанностей завѣдываніемъ шахской главной квартирой, на поступленіе всѣхъ военныхъ частей, въ томъ числѣ какъ казачьей бригады, такъ и личнаго караула шаха, въ вѣдѣніе военнаго министра, на наказаніе виновниковъ совершенныхъ въ городѣ безчинствъ и, наконецъ, на предоставленіе въ полное распоряженіе меджлиса 200 сербазовъ. Состоявшееся между обѣими сторонами соглашеніе подкрѣплено было клятвою на коранѣ, при чемъ депутаты обязались охранять верховныя права падишаха, согласно съ основными законами, доколѣ шахъ будетъ охранять и блюсти основные законы и принципы конституціи.

Наступленію временнаго успокоенія не мало, по всей вѣроятности, способствовали и шаги, предпри-

нятые нашимъ посланникомъ г. Гартвигомъ и англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Марлингомъ на основаніи сообща выработанной ими программы, въ коей изложено было нижеслѣдующее:

«Изъ обмѣна взглядовъ, происшедшаго между русскимъ посланникомъ и великобританскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, собравшихся съ цѣлью выясненія мѣръ, которыя слѣдовало бы осуществить для предотвращенія опаснаго создавшагося положенія, выясняется, что

1) является необходимымъ предпринять совмѣстные шаги передъ Его Величествомъ шахомъ, чтобы получить отъ него увѣренія, что онъ не питаетъ замысла осуществить какія-либо предположенія, клонящіяся къ уничтоженію конституціоннаго режима, и что онъ намѣренъ работать совмѣстно съ парламентомъ на благо страны,

2) по полученіи вышеуказаннаго завѣренія, о немъ слѣдуетъ сообщить парламенту, чтобы возстановить отношенія взаимнаго довѣрія между короной и парламентомъ. Получивъ эти завѣренія, парламентъ будетъ въ состояніи освободиться отъ опеки революціонныхъ энджуменовъ, которые, не неся никакой отвѣтственности въ правительственныхъ дѣйствіяхъ, не стѣсняются увлекать страну къ серьезнѣйшей опасности. Доказательствомъ этому служитъ объявленіе о сверженіи Его Величества, которое только два дня назадъ позволилъ себѣ сдѣлать тавризскій комитетъ,

3) что, съ другой стороны, въ виду положенія, занятаго съ нѣкотораго времени принцемъ Зилли-Султаномъ, который не замедлилъ воспользоваться создавшимися обстоятельствами, чтобы войти въ сношенія съ агитаторами и выставить свою кандидатуру на престолъ, равнымъ образомъ необходимо дать строгое предупрежденіе этому лицу. Представители Россіи и Англіи рѣ-

шаютъ отправиться къ Зилли-Султану и указать ему на опасность его образа дѣйствій, не согласнаго съ неоднократно данными имъ обѣимъ миссіямъ завѣреніями. Такъ какъ русское и англійское Правительства признали Мохаммеда-Али наслѣдникомъ Музаффер-эддинъ шаха, они не могутъ допустить нынѣшняго поведенія Зилли-Султана и сохраняютъ за собой право указать ему на проистекающія изъ того опасности». (Телеграмма г. Гартвига Императорскому Министерству Иностранныхъ Дѣлъ отъ 8-го декабря 1907 г.).

Получивъ отъ шаха увѣренія въ его твердомъ намѣреніи соблюдать конституцію и основные законы, каждый изъ двухъ представителей счелъ долгомъ довести о томъ до свѣдѣнія предсѣдателя меджлиса письмомъ, съ просьбою сообщить содержаніе письма членамъ собранія.

Въ депешѣ на имя Императорскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ отъ 14-го декабря 1907 г. нашъ посланникъ г. Гартвигъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ очертилъ создавшееся въ Персіи положеніе.

«Несмотря на наступившее затишье, положеніе всей страны нужно признать крайне тревожнымъ, такъ какъ, при натянутости обѣихъ сторонъ, каждую минуту слѣдуетъ ожидать новой вспышки. Могущіе произойти безпорядки, въ виду хорошей организаціи сторонниковъ меджлиса и полной растерянности ихъ противниковъ, послужатъ лишь новымъ шагомъ къ упроченію господства энджуменовъ, которое до сихъ поръ не привело еще къ какимъ-либо раціональнымъ мѣрамъ для успокоенія страны или улучшенія *отчаяннаго экономическаго положенія*».

Усмотрѣвъ изъ послѣдующихъ бесѣдъ съ нѣсколькими изъ министровъ и заслуживающихъ нѣкотораго довѣрія депутатовъ, что они весьма сожалѣютъ о недовѣріи, которое питаетъ къ нимъ шахъ, г. Гартвигъ

счелъ своевременнымъ сдѣлать новую попытку въ видахъ прекращенія существовавшей натянутости.

Будучи принятъ его величествомъ въ частной аудіенціи 30-го декабря 1907 г., нашъ посланникъ передалъ шаху все слышанное имъ отъ означенныхъ лицъ и посовѣтовалъ ему стараться сблизиться съ ними. Шахъ обѣщалъ г. Гартвигу воспользоваться его доброжелательнымъ совѣтомъ и, пригласивъ къ вечеру во дворецъ министровъ и нѣкоторыхъ депутатовъ, очаровалъ ихъ своею любезностью и вниманіемъ къ нимъ. На другой день утромъ во дворцѣ состоялось новое совѣщаніе, закончившееся полнымъ и, какъ полагалъ г. Гартвигъ, болѣе искреннимъ примиреніемъ. Шахъ сказалъ собравшимся, что онъ считаетъ этотъ день первымъ своего царствованія, а, со своей стороны, депутаты были въ восторгѣ. Засѣданіе меджлиса посвящено было прославленію монарха. Въ виду свойственнаго азіятамъ лицемѣрія, нельзя было придать сколько-нибудь существеннаго значенія платоническимъ любезностямъ, коими шахъ обмѣнялся со своими недавними противниками. Интересы обѣихъ сторонъ были слишкомъ противоположны. Между ними велась борьба за существованіе, и потому прежнее недовѣріе и прежняя ненависть должны были воскреснуть при первой попыткѣ объединить взгляды обѣихъ сторонъ.

Въ дополненіе къ вышеизложенному считаю необходимымъ привести здѣсь переводъ весьма интересной депеши, адресованной 2-го января н. ст. 1907 г. англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ его правительству и въ которой г. Марлингъ высказалъ свой взглядъ какъ на значеніе, такъ и на послѣдствія только что окончив-, шагося кризиса.

«Хотя въ Тераніѣ и наступило сравнительное спокойствіе и извѣстія о событіяхъ, совершившихся въ столицѣ, и не вызвали въ провинціяхъ всѣхъ тѣхъ

послѣдствій, которыхъ можно было опасаться, тѣмъ не менѣе я не могу отрѣшиться отъ опасенія, что наступившее спокойствіе лишь временное и что Персія все болѣе и болѣе приближается къ полной анархіи».

«Борьба между шахомъ и его народомъ окончилась полною побѣдою послѣдняго, но я далеко не убѣжденъ въ томъ, что обстоятельство это облегчило установленіе конституціоннаго правительства на прочныхъ основаніяхъ. Въ настоящую минуту запуганный шахъ удалился въ свой андерунъ (внутренніе покои). Народная партія, будучи возбуждена доставленными мѣстнымъ тавризскимъ комитетомъ свѣдѣніями относительно двойственности и неспособности, обнаруженныхъ шахомъ въ бытность его правителемъ Азербейджана, питаетъ къ нему глубочайшія недовѣріе и ненависть. Существуетъ полное основаніе опасаться, что, въ случаѣ проникновенія въ публику убѣжденія въ намѣреніи шаха сдѣлать новую попытку съ цѣлью противодѣйствія народному собранію, онъ не устоитъ противъ бури бѣшенства и негодованія и будетъ прогнанъ съ престола, если только ему удастся спастись живымъ. Какъ я рѣшился высказать въ другой депешѣ, единственная возможность сохраненія конституціоннаго правительства заключается въ поддержаніи Мохаммеда-Али на престолѣ, но было бы напрасно надѣяться на то, что онъ будетъ въ состояніи воздержаться отъ вмѣшательства въ дѣла, котораго здѣсь очень опасаются».

«Съ другой стороны, какъ народное собраніе, такъ и его пособники далеко не безупречны. Вслѣдствіе пагубнаго вмѣшательства эндженовъ собраніе обнаружило неспособность выполнять присвоенныя ему функціи, и я слышалъ отъ персіянина, одареннаго наблюдательностью, что если бы шахъ на нѣсколько мѣсяцевъ отложилъ свою попытку произвести перево-

ротъ, то общественное мнѣніе, убѣдившись въ преждевременности опыта установленія представительнаго правительства, потребовало бы роспуска парламента».

«Помимо этого, народное собраніе отличается невѣжествомъ и испорченностью. Въ составѣ его находится, по всей вѣроятности, небольшое меньшинство искренно сочувствующее реформамъ и хотя сколько-нибудь понимающее въ чемъ должны заключаться реформы. Но, хотя нѣкоторыя лица изъ этого меньшинства, какъ напримѣръ Таги-Задэ, и пользуются значительнымъ вѣсомъ въ собраніи, но невѣжественное большинство депутатовъ подчиняется вліянію пяти или шести могущественныхъ и своекорыстныхъ членовъ, которые и руководятъ дѣятельностью парламента. Въ доказательство испорченности собранія достаточно привести одинъ примѣръ. Преимущественно при помощи косвенныхъ угрозъ, направленныхъ противъ лицъ, подозрѣвавшихся въ склонности къ реакціи, собраны были, съ цѣлью учрежденія національнаго банка, значительныя суммы, каковыя были ввѣрены одному изъ вице-предсѣдателей собранія. Объ употребленіи этихъ суммъ, которыя достигли въ сложности 50,000 тумановъ, не было представлено никакого отчета. Можетъ быть онѣ израсходованы были на уплату жалованій и вознагражденій; но вообще здѣсь утверждаютъ, что означенныя суммы были спокойно *поглощены* членами собранія и энджуменовъ. Если только это справедливо, то при существованіи такой безчестности, а также своекорыстія и взаимнаго недовѣрія, нельзя ожидать многаго отъ собранія въ его настоящемъ составѣ. При этомъ нельзя повѣрить, чтобы новые выборы могли имѣть послѣдствіемъ избраніе лучшихъ членовъ собранія. Дѣло въ томъ, что *Персія еще не подготовлена для представительныхъ учрежде-*

ній и что и два будущія поколѣнія окажутся столь же мало подготовленными къ этимъ учрежденіямъ».

«Въ то же время министры совершенно не отвѣчаютъ, повидимому, условіямъ, необходимымъ для выполненія лежащихъ на нихъ обязанностей. Несмотря на безпомощность, до которой доведенъ шахъ, они почти столько же боятся его, какъ боялись во дни процвѣтанія абсолютизма. Будучи поставлены между традиціоннымъ уваженіемъ къ особѣ монарха, съ одной стороны, и страхомъ оскорбить меджлисъ и энджумены, съ другой, исполнительная власть оказывается совершенно парализованной. Дабы не распасться на части вслѣдствіе присущей ей слабости, Персія нуждается въ сильномъ человѣкѣ, но такой человѣкъ до сихъ поръ не нашелся, и потому представляется невозможнымъ, что бы Персія могла избѣгнуть означенной участи».

«Можетъ быть народные вожаки сознаютъ, что лучшее средство сохранить существующій режимъ заключается въ удержаніи настоящаго шаха, и въ такомъ случаѣ худшее, что можетъ наступить, будетъ періодъ всеобщей, но сравнительно мирной анархіи. Но, съ другой стороны, представляется болѣе вѣроятнымъ, что шахъ вновь рѣшится на какой-либо неосторожный поступокъ, который вызоветъ противъ него народное негодованіе, а въ такомъ случаѣ шахъ будетъ прогнанъ съ престола. Впрочемъ, существуетъ и еще одинъ факторъ, дозволяющій надѣяться, что имѣющія послѣдовать неурядицы окажутся не особенно серьезными и продолжительными; факторомъ этимъ служитъ миролюбивый, чтобъ не сказать робкій, характеръ народа. О существенномъ значеніи этого фактора можно заключить изъ того, что, не смотря на остроту послѣдняго кризиса, не послѣдовало особенно серьезнаго столкновенія между соперничествующими партіями».

Оставляя въ сторонѣ вышеизложенныя предположенія Г. Марлинга относительно ближайшей будущности Персіи, нельзя не обратить особеннаго вниманія на слѣдующіе, констатированные имъ факты:

1) Непригодность и порочность, отличавшіе значительное большинство членовъ перваго народнаго собранія.

2) Невозможность разсчитывать, чтобы въ случаѣ новыхъ выборовъ составъ слѣдующаго собранія оказался болѣе удовлетворительнымъ, и

3) неприспособленность настоящей Персіи къ конституціоннымъ учрежденіямъ,—неприспособленность, которая распространится и на слѣдующія два поколѣнія персіянъ.

Ни одинъ добросовѣстный дѣятель, который приметъ на себя трудъ ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ Персіи, не рѣшится отрицать безошибочность этихъ заключеній.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Покушеніе на жизнь Мохаммедъ Али Шаха.— Переворотъ 10-го Іюня 1908 г.

Отправившись 15-го февраля 1908 года на охоту, шахъ, при выѣздѣ изъ Тегерана, подвергся преступному покушенію на его жизнь. Впереди шахскаго поѣзда шелъ автомобиль съ поднятымъ верхомъ; за автомобилемъ слѣдовалъ конный конвой, а затѣмъ самъ шахъ въ каретѣ. Предположивъ, что шахъ находится въ автомобилѣ, злоумышленники бросили въ него двѣ бомбы, взрывами коихъ были убиты два кон-

ные ферраша и два постороннія лица и ранено до десяти человѣкъ. Воспользовавшись смятеніемъ, преступники успѣли скрыться, а шахъ, оставшійся невредимымъ, вошелъ въ сосѣдній домъ. При выходѣ его оттуда раздались два выстрѣла. По возвращеніи шаха во дворецъ, туда съѣхались всѣ принцы, за исключеніемъ Зилли-Султана. Послѣдній въ адресованномъ имъ на имя шаха письмѣ объяснилъ, что извѣстіе о совершившемся такъ на него повліяло, что онъ захворалъ. Какъ это обстоятельство, такъ и то, что покушеніе совершилось по близости дома Зилли-Султана подало поводъ къ подозрѣнію, что онъ былъ не чуждъ покушенію, но обстоятельство это осталось невыясненнымъ. Во всякомъ случаѣ шахъ, признавъ необходимымъ удалить своего дядю изъ столицы, назначилъ его губернаторомъ Фарса.

Покушеніе послужило поводомъ для ряда демонстрацій со стороны меджлиса, имѣвшихъ цѣлью подчеркнуть установленную будто бы солидарность между монархомъ и народнымъ представительствомъ. Во всѣ провинціи полетѣли телеграммы объ устройствѣ иллюминацій по случаю избавленія шаха отъ опасности. Парламентъ отправилъ къ шаху депутацію съ поздравленіями; въ засѣданіи 16-го февраля отъ лица народа было выражено негодованіе по поводу злодѣйскаго покушенія, стоившаго столькихъ жертвъ. Шахъ ассигновалъ тысячу тумановъ семьямъ пострадавшихъ, а въ меджлисѣ поднятъ былъ вопросъ о назначеніи имъ пенсій, или объ открытіи въ пользу ихъ общественной подписки.

За исключеніемъ этихъ демонстрацій, общее положеніе дѣлъ не только не улучшилось, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ухудшилось, какъ свидѣтельствовали о томъ отзывы какъ нашего посланника, такъ и англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ.

Въ двухъ депешахъ отъ 27-го марта и 24-го апрѣля н. ст. 1908 г. г. Марлингъ сообщилъ своему правительству слѣдующее: «Вслѣдъ за неудавшимся покушеніемъ на его жизнь, шахъ, несмотря на настойчивые совѣты дворцовыхъ реакціонеровъ, сохранилъ по внѣшности пассивное положеніе. Сношенія его съ собраніемъ сопровождались меньшими треніями, чѣмъ прежде. Но не слѣдуетъ однако приписывать обстоятельства эти тому, что измѣнились будто бы взгляды шаха на собраніе. Болѣе правдоподобно, что обстоятельство это было слѣдствіемъ покушенія, а, можетъ быть, и сознанія, что меджлисъ настолько дискредитировалъ себя и настолько сталъ непопулярнымъ, что онъ можетъ умереть естественною смертью. Утрата собраніемъ общественнаго уваженія зависѣла какъ отъ присущей ему неспособности къ труду, такъ и отъ неудачныхъ попытокъ, предпринятыхъ его предсѣдателемъ, Ихтишам-ус-сальтанэ, съ цѣлью поднять его трудоспособность. Хотя и не произошло серьезныхъ безпорядковъ, но мирная анархія продолжается и нѣтъ никакихъ признаковъ, которые давали бы поводъ заключить, что авторитетъ центральнаго правительства усилился».

«Хотя общее положеніе дѣлъ въ Персіи и представляется болѣе спокойнымъ, тѣмъ не менѣе, судя по всему тому, что дѣлается въ столицѣ, слѣдуетъ заключить, что борьба между шахомъ и энджуменами столь же упорна, какъ и раньше. Во время послѣдняго эпизода борьбы, шахъ вновь потерпѣлъ пораженіе, но участіе собранія было при этомъ ничтожно, а что касается министровъ, то вся дѣятельность ихъ ограничилась тѣмъ, что въ теченіе сорока восьми часовъ они то подавали въ отставку, то брали отставку обратно. Что же касается энджуменовъ, то, сознавая свою силу, они вмѣшиваются во всѣ дѣла администраціи. Вслѣд-

ствіе отличающихъ большинство ихъ вожаковъ невѣжества и подозрительности вмѣшательство ихъ лишаетъ правительство почти всякой возможности что-либо дѣлать».

Столь же безотрадное впечатлѣніе производятъ и нижеслѣдующіе отзывы русскаго посланника.

«Нынѣшнее правительство откровенно сознается, что оно не въ состояніи совладать съ редакторами газетъ, которые не признаютъ никакихъ предѣловъ пресловутой свободы печати. Большинство газетъ чернитъ болѣе или менѣе вліятельныхъ или состоятельныхъ сановниковъ. Парламентъ вмѣшивается въ самыя мелкія дѣла министерствъ и въ тоже время упрекаетъ послѣднія въ бездѣятельности и въ недостаткѣ организаціонной иниціативы» (приложеніе къ депешѣ отъ 21-го февраля 1908 г.).

«Подъ предлогомъ финансоваго кризиса, лишающаго министровъ возможности заниматься дѣлами, кабинетъ въ полномъ составѣ подалъ въ отставку, которая была принята шахомъ. И безъ того крайне тяжелое положеніе можетъ отъ этого въ серьезной степени осложниться» (телеграмма отъ 19-го апрѣля 1908 г.).

«Изъ предшествующихъ донесеній моихъ Императорскому Министерству хорошо извѣстно, какую всеобъемлющую власть захватили въ свои руки энджумены; за послѣднее время они стали распоряжаться представителями правительства какъ своими собственными агентами,давая имъ отъ себя общія указанія и непосредственно вмѣшиваясь во всѣ внутренніе распорядки каждаго отдѣльнаго вѣдомства. При такихъ условіяхъ, конечно, какая бы то ни было работа становилась невозможной» (депеша отъ 24-го апрѣля 1908 г.).

«Усиливается тревожное настроеніе. Вчерашніе переговоры у Азид-уль-мулька не привели къ благопріятнымъ результатамъ; крайніе элементы энджуменовъ,

видимо желая лишить шаха всякой опоры и надежной личной охраны, настойчиво требовали удаленія нѣкоторыхъ изъ его приближенныхъ, и особливо Эмиръ-Дженга, который вѣдаетъ всею дворцовою стражею. Послѣдній, по совѣту самого шаха, въ ночь на сегодня прибылъ въ Зергендэ (лѣтнее мѣстопребываніе русской миссіи) искать убѣжища въ миссіи. Отказать въ бестѣ этому сановнику не представлялось возможнымъ» (телеграмма отъ 21-го мая 1908 г.).

22-го мая нашъ посланникъ г. Гартвигъ и англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Марлингъ имѣли свиданіе съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Муширъ-уд-доулэ, и сдѣлали ему слѣдующее заявленіе.

«Цѣль энджуменовъ—лишить шаха преданныхъ людей и охраны, чтобы безпрепятственно осуществить свои преступные замыслы. Министры и народные представители обязаны предотвратить это несчастіе, которое повлечетъ за собой гибельныя послѣдствія» (телеграмма г. Гартвига отъ 22-го мая 1708 года.).

Муширъ, какъ явствуетъ изъ той же телеграммы, призналъ положеніе крайне тревожнымъ и подтвердилъ, что борьбу съ шахомъ затѣяли революціонныя общества, но прибавилъ, что правительство, не имѣя средствъ даже на организацію городской полиціи, не въ силахъ что-либо предпринять для успокоенія страны. Это и заставило нѣкоторыхъ министровъ подать въ отставку. Въ заключеніе министръ иностранныхъ дѣлъ обѣщалъ передать совѣты обоихъ представителей меджлису и обсудить совмѣстно со своими коллегами и народными представителями возможныя мѣропріятія.

Результатъ совѣщанія обоихъ представителей съ персидскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ изложенъ въ нижеслѣдующей телеграммѣ г. Гартвига отъ 25-го мая 1908 г.

«Послѣ свиданія со мной и Марлингомъ Мушир-уддоулэ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ прочими министрами и депутатами; на всѣхъ произвели впечатлѣніе наши предостереженія, и кое-что уже было ими предпринято въ цѣляхъ прекращенія подпольной агитаціи противъ шаха. Но министръ иностранныхъ дѣлъ сознаетъ, что, при отсутствіи денегъ, войска и полиціи, борьба съ эндженуменами очень затруднительна. Послѣдніе, дѣйствительно, не встрѣчая оппозиціи, пріободрились и продолжали предъявлять шаху дерзкія требованія. Вчера, говорятъ, открыто послана была телеграмма Зилли-Султану съ предложеніемъ прибыть въ Тегеранъ для принятія регенства. Видя надвигающуюся опасность, шахъ, повидимому, рѣшился дѣйствовать энергично».

Предсказаніе г. Гартвига не замедлило осуществиться.

Сдѣлавъ распоряженіе о заарестованіи нѣсколькихъ видныхъ дѣятелей, основательно заподозрѣнныхъ въ сочувствіи и содѣйствіи преступнымъ замысламъ принца Зилли-Султана, шахъ съ ранняго утра 10-го іюня объявилъ столицу на военномъ положеніи и вслѣдъ затѣмъ отправилъ казачій отрядъ для задержанія агитаторовъ, укрывшихся въ мечети. Отрядъ встрѣченъ былъ выстрѣлами, вслѣдствіе чего было выслано ему подкрѣпленіе съ артиллеріей. Такъ какъ агитаторы не прекратили сопротивленія, то открытъ былъ огонь изъ орудій, выстрѣлами коихъ были разрушены помѣщенія нѣкоторыхъ эндженуменовъ, а также дома Зилли-Султана и нѣкоторые другіе, откуда произведены были выстрѣлы по шахскимъ войскамъ. Вслѣдъ затѣмъ разосланы были по городу отряды для захвата бѣжавшихъ революціонеровъ. Къ ночи было задержано и доставлено въ помѣщеніе шаха до тридцати революціонеровъ, изъ числа коихъ двое казнены были на дру-

гой день. Найденная при одномъ изъ нихъ переписка выяснила причастность къ революціи многихъ лицъ и ясно доказала виновность Зилли-Султана, щедро снабжавшаго революціонеровъ деньгами. 12-го и 13-го іюня обнародованы были шахскіе фирманы, коими населеніе столицы приглашалось вернуться безъ всякаго страха къ своимъ занятіямъ и объявлена была полная амнистія жителямъ за исключеніемъ задержанныхъ революціонеровъ.

Доводя объ обстоятельствахъ этихъ до свѣдѣнія Императорскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, г. Гартвигъ присовокупилъ въ телеграммѣ своей отъ 16-го іюня 1908 г. слѣдующее заключеніе.

«Не предрѣшая будущаго, слѣдуетъ признать, что шахъ успѣлъ возстановить то относительное спокойствіе, которымъ возможно было бы легко воспользоваться для полнаго умиротворенія страны и постепеннаго введенія порядка во всѣ отрасли управленія. Шахъ исполненъ благихъ намѣреній. Онъ проявилъ большую сдержанность, милосердіе, не злоупотребилъ репрессивными мѣрами и многихъ виновныхъ помиловалъ. Онъ подкрѣпилъ манифестомъ свое обѣщаніе сохранить конституціонный режимъ. Во многихъ, прежде враждебныхъ монарху, кругахъ проявляется примирительное настроеніе».

Принятыя, по распоряженію шаха, для возстановленія въ Тегеранѣ спокойствія мѣры послужили поводомъ къ недоразумѣніямъ между англійской миссіей и персидскимъ правительствомъ. Такъ какъ послѣ разгрома помѣщеній энджуменовъ часть бѣжавшихъ оттуда главарей революціонной агитаціи укрылась въ англійской миссіи, то, въ видахъ предупрежденія доступа туда другихъ, установлены были по близости миссіи посты жандармовъ и персидскихъ казаковъ, а также умножено число разъѣздовъ и патрулей по

улицамъ, непосредственно примыкавшимъ къ миссіи. Англійскій повѣренный въ дѣлахъ г. Марлингъ предъявилъ персидскому правительству протестъ противъ этого распоряженія, а вслѣдъ за тѣмъ великобританскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ поручилъ англійскому представителю въ С.-Петербургѣ обратиться къ А. П. Извольскому съ просьбой поручить г. Гартвигу оказать г. Марлингу содѣйствіе къ полученію надлежащаго удовлетворенія за нанесенное миссіи оскорбленіе. Персидскому правительству предъявлены были слѣдующія требованія:

1) Немедленное отозваніе казаковъ и полиціи изъ окрестностей англійской миссіи и обезпеченіе великобританскихъ подданныхъ и служащихъ отъ насильственныхъ съ ихъ стороны дѣйствій;

2) принесеніе формальнаго и полнаго извиненія передъ миссіей лично и въ мундирѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ отъ имени персидскаго правительства и оберъ-камергеромъ отъ имени шаха, послѣ предварительнаго о семъ извѣщенія;

3) немедленное освобожденіе всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ послѣднее время, направлявшихся въ миссію или изъ нея по обыкновеннымъ дѣламъ;

4) письменная гарантія, подписанная самимъ шахомъ, о неприкосновенности жизни, личности и имущества лицъ, находящихся въ бестѣ;

5) правильный судъ, съ участіемъ члена англійской миссіи, надъ такими, находящимися въ бестѣ, лицами, которыя обвиняются въ преступленіяхъ неполитическаго свойства.

Во исполненіе преподанныхъ ему указаній, г. Гартвигъ употребилъ всѣ зависящія отъ него старанія къ примиренію между англійской миссіей и персидскимъ правительствомъ и телеграммою отъ 4-го іюля 1908 г. довелъ до свѣдѣнія Императорскаго Министерства Ино-

странныхъ Дѣлъ о выполненіи шахомъ всѣхъ вышеизложенныхъ требованій.

Донеся своему правительству телеграммою отъ 28 (15) іюня о вышеизложенномъ инцидентѣ, г. Марлингъ присовокупилъ, что отвѣтственность за происшедшее падаетъ на русскаго полковника Ляхова, на котораго возложены были шахомъ обязанности генералъ-губернатора Тегерана, но изъ телеграммы г. Гартвига отъ 23 іюня явствуетъ, что тотъ же г. Марлингъ высказалъ ему убѣжденіе въ непричастности Ляхова къ установленію надзора за англійской миссіей.

Преступная дѣятельность Зилли-Султана уже ранѣе побудила нашего посланника г. Гартвига обратить вниманіе Императорскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на гибельныя для Персіи послѣдствія, которыя повлекутъ за собой происки принца, и на необходимость принять дѣйствительныя мѣры къ противодѣйствію его замысламъ. Признавъ основательность этихъ соображеній, Министерство поручило послу нашему въ Лондонѣ объясниться по этому предмету съ Лондонскимъ кабинетомъ, который высказалъ мнѣніе, что, въ видахъ предупрежденія осложненій, казалось бы наиболѣе удобнымъ поручить представителямъ обѣихъ Державъ въ Тегеранѣ исходатайствовать отъ шаха принцу Зилли-Султану разрѣшеніе покинуть Персію и уѣхать въ Европу. Предложеніе это было вполнѣ одобренно нашимъ Министерствомъ, а такъ какъ шахъ, съ своей стороны, не встрѣтилъ препятствій къ дарованію означеннаго разрѣшенія своему дядѣ, то послѣдній рѣшился, наконецъ, отправиться въ Европу.

Какъ явствуетъ изъ опубликованныхъ Англійскимъ правительствомъ документовъ, принцъ Зилли-Султанъ не отрекся, однако, отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Въ 1909 г., находясь въ Вѣнѣ, онъ, по полученіи извѣстія объ удаленіи Мохаммедъ-Али шаха съ престола,

пригласилъ къ себѣ англійскаго посла при Австро-Венгерскомъ правительствѣ и объявилъ какъ ему, такъ и сопровождавшему его секретарю русскаго посольства, что онъ намѣренъ вернуться въ Персію, воздерживаться тамъ отъ дѣйствій, способныхъ нарушить спокойствіе, и поселиться въ Тегеранѣ въ домѣ своего родственника принца Азид-уль-мулька, избраннаго регентомъ. Прибывъ въ Рештъ, Зилли-Султанъ выѣхалъ оттуда 23-го іюля въ Тегеранъ, но, по распоряженію персидскаго правительства, очевидно заподозрившаго его въ честолюбивыхъ замыслахъ, былъ задержанъ въ Менджилѣ и возвращенъ въ Рештъ, гдѣ къ нему приставлено было 20 человѣкъ, названныхъ почетной стражей, но получившихъ порученіе зорко слѣдить за нимъ. Вслѣдствіе заступничества русской и англійской миссій въ Тегеранѣ, персидское правительство согласилось разрѣшить принцу вернуться въ Европу, но лишь подъ условіемъ, чтобы онъ внесъ предварительно выкупъ. Принцу пришлось заплатить правительству 20.000 тумановъ и сверхъ того выдать два обязательства на 40.000 тумановъ, послѣ чего онъ отправился черезъ Баку въ Европу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Революція въ Азербейджанѣ.

Возстановленіе сравнительнаго спокойствія въ столицѣ Персіи осталось безъ всякаго воздѣйствія на положеніе дѣлъ въ провинціяхъ, куда проникла революція и гдѣ событія развивались подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Не только во всѣхъ главныхъ, но и во второ-

степеныхъ административныхъ центрахъ создались самозванные энджумены, ставшіе въ положеніе открытой, безпощадной борьбы съ правительственными властями. Послѣднія были безсильны бороться съ революціей, а, съ другой стороны, и персидское правительство, до крайности стѣсненное въ матеріальныхъ средствахъ, лишено было возможности поддержать авторитетъ своихъ ставленниковъ. Анархія распространилась на цѣлыя области; образовались многочисленныя шайки, которыя грабили мирное населеніе, а со стороны кочевыхъ племенъ стали дѣлаться частые набѣги на главные торговые пути, вслѣдствіе чего страдала торговля.

Судя по опубликованнымъ русскимъ и англійскимъ правительствами даннымъ, таковое положеніе дѣлъ распространилось преимущественно на слѣдующія области и мѣстности: Керманшахъ, Хамаданъ, Арабестанъ, Фарсъ, Бендеръ-Буширъ, Исфаханъ, Керманъ, Іездъ, Хорасанъ и нѣкоторыя другія.

Съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ особенно вредными представлялись безпорядки, возникшіе въ сѣверной Персіи, и преимущественно въ сопредѣльной съ Кавказомъ Азербейджанской области, населеніе коей, принадлежащее къ тюркской расѣ, отличается особенной грубостью нравовъ.

Въ концѣ марта 1908 г. отъ вице-консула нашего въ Ардебилѣ получено было въ Петербургѣ извѣстіе, что шайка персидскихъ разбойниковъ изъ кочеваго племени Шахсевеновъ совершила нападеніе на нашъ пограничный Белясуварскій постъ, причемъ убитъ былъ ротмистръ Двоеглазовъ и убито и ранено нѣсколько нижнихъ чиновъ. Это безпримѣрное преступленіе переполнило чашу нашего терпѣнія, вслѣдствіе чего намѣстнику на Кавказѣ предложено было распорядиться срочнымъ отправленіемъ въ мѣста убѣжища

разбойниковъ, не стѣсняясь переходомъ границы, достаточно сильнаго отряда для производства карательной экспедиціи и захвата тѣхъ изъ виновныхъ, кохъ удастся обнаружить. Намѣстникомъ рѣшено было выслать въ Джульфу отрядъ изъ 400 нижнихъ чиновъ съ пулеметами, и начальнику отряда генералъ-майору Снарскому предписано было потребовать отъ шахсевенскихъ старшинъ:

1) разыскать убійцъ ротмистра Двоеглазова и нижнихъ чиновъ и требовать совершенія надъ ними смертной казни въ присутствіи делегатовъ отъ нашего отряда,

2) выдачи бѣглецовъ,

3) письменнаго ручательства шахсевенскихъ главарей въ прекращеніи нападеній на посты и мирныхъ жителей, и

4) взысканія съ шахсевеновъ 20.000 рублей въ уплату за экспедицію, 30.000 рублей въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ и 30.000 рублей по судебнымъ приговорамъ, всего 80.000 рублей.

Для удовлетворенія этихъ требованій генералъ Снарскій имѣлъ назначить двухнедѣльный срокъ; въ случаѣ неудовлетворенія, карательный отрядъ обязанъ былъ приступить къ уничтоженію шахсевенскихъ селеній, къ коимъ принадлежали разбойники. Вслѣдствіе усиленныхъ ходатайствъ персидскаго правительства, не имѣвшаго возможности удовлетворить нашимъ требованіямъ въ назначенный короткій срокъ, рѣшено было дать пятнадцатидневную отсрочку. Впослѣдствіи, въ виду того же обстоятельства, допущены были и нѣкоторыя другія облегченія. Уплата части потребованной суммы была разсрочена на годъ и дѣло о наказаніи убійцъ Двоеглазова было поручено наблюденію нашего вице-консула въ Ардебилѣ. Карательный отрядъ нашъ былъ отозванъ съ границы.

Между тѣмъ тревожное положеніе дѣлъ въ главномъ городѣ Азербейджана, Тавризѣ, наступившее вскорѣ послѣ выѣзда въ Тегеранъ, въ декабрѣ 1906 г., наслѣдника престола Мохаммедъ-Али-мирзы, значительно обострилось къ іюню 1908 г. Образовавшійся въ этомъ городѣ революціонный энджуменъ оказался наиболѣе дѣятельнымъ и вліятельнымъ во всей Персіи. Онъ имѣлъ свое отдѣленіе въ Тегеранѣ и энергичныхъ пособниковъ среди членовъ меджлиса. На сторону энджумена перешла большая часть кварталовъ Тавриза, а въ остальныхъ кварталахъ, оставшихся вѣрными шахскому правительству, создался другой энджуменъ, принявшій названіе «Исламіэ». Между обоими враждебными другъ другу лагерями началась орудійная и ружейная перестрѣлка, которая по временамъ прекращалась. Правительственная власть совершенно упразднилась и для борьбы съ революціонерами шахъ, за неимѣніемъ другихъ средствъ, рѣшился прибѣгнуть къ весьма рискованной мѣрѣ, а именно къ посылкѣ въ Тавризъ нѣкоего Рахимъ-хана, который въ наказаніе за ранѣе совершенные имъ дерзкіе разбои былъ высланъ въ Тегеранъ и подвергнутъ тюремному заключенію. Во исполненіе возложеннаго на него порученія Рахимъ-ханъ приступилъ въ Караджадахѣ къ набору охотниковъ и въ концѣ іюля вступилъ въ Тавризъ во главѣ 500 всадниковъ, принадлежавшихъ къ азербейджанскимъ полукочевымъ племенамъ, отличающимся хищническими наклонностями. Съ другой стороны, во главѣ скопища федаевъ, создавшагося подъ вліяніемъ революціоннаго энджумена, выступилъ безграмотный авантюристъ Саттаръ, служившій раньше на конюшнѣ наслѣдника престола, когда послѣдній управлялъ Азербейджаномъ, занялся затѣмъ барышничествомъ, а въ послѣднее время промѣнялъ этотъ промыселъ на воровской, какъ болѣе выгодный. Въ Тавризѣ Саттара

причисляли къ классу люти, т.-е. бродягъ, способныхъ ради личныхъ выгодъ на всякія мерзости и даже на преступленія.

Саттаръ взялъ себѣ въ помощники другого авантюриста Багира, бывшаго каменщика. Оба революціонныхъ вождя, дабы придать себѣ болѣе значенія въ глазахъ городской черни, присвоили себѣ титулы хановъ. Нельзя не признать, что на первыхъ порахъ Саттаръ обнаружилъ недюжинныя энергію и распорядительность въ организаціи обороны перешедшихъ на его сторону тавризскихъ кварталовъ, въ чемъ усердно помогали ему прибывавшіе въ Тавризъ выходцы изъ Кавказа, болѣе смѣлые и предпріимчивые, чѣмъ тавризскіе жители. По иниціативѣ Саттара образовался въ Тавризѣ комитетъ подъ названіемъ «меджлиси-гейбэ» (секретный совѣтъ), который сталъ разсылать зажиточнымъ жителямъ города, за печатями Саттара и Багира, повѣстки, въ коихъ предъявлялись означеннымъ жителямъ требованія о взносѣ опредѣленныхъ суммъ на покрытіе расходовъ по защитѣ конституціи. Требованія эти удовлетворялись безпрекословно, но, конечно, не особенно охотно.

Позже, а именно въ концѣ 1908 г., къ числу пособниковъ Саттара присоединились два иностранца: американецъ Баскервиль (Howard C. Baskewille) и ирландецъ Муръ (Moore), заинтересовавшіеся возникшимъ въ Персіи либеральнымъ движеніемъ. Баскервиль, окончившій курсъ въ одномъ изъ американскихъ университетовъ, поступилъ въ качествѣ наставника англійскаго языка и наукъ въ находящуюся въ Тавризѣ и учрежденную американскими миссіонерами мужскую школу и покинулъ ее съ тѣмъ, чтобы принять участіе въ борьбѣ тавризскихъ революціонеровъ противъ шахскаго правительства. Муръ прибылъ въ Тавризъ въ качествѣ корреспондента нѣсколькихъ лондонскихъ

газетъ. По распоряженію Саттара, каждый изъ этихъ двухъ иностранцевъ получилъ команду надъ извѣстнымъ числомъ федаевъ и участвовалъ съ ними въ стычкахъ съ шахскими войсками. Въ одной изъ этихъ стычекъ, въ апрѣлѣ 1909 г., Баскервиль, будучи покинутъ своими соратниками, былъ убитъ, послѣ чего Муръ вернулся въ Англію.

Скопленіе въ Тавризѣ перечисленныхъ выше разнообразныхъ и неблагонадежныхъ элементовъ имѣло послѣдствіемъ продленіе ранѣе создавшагося хаотическаго положенія, сопровождавшагося перестрѣлками между враждебными кварталами, стычками между федаями и правительственными всадниками и грабежами тѣми и другими имущества мирнаго населенія. Убѣдившись, наконецъ, въ полной недѣйствительности ранѣе принятыхъ имъ мѣръ, шахъ рѣшился возложить управленіе Азербейджаномъ на своего бывшаго перваго министра принца Айн-уд-доулэ, проживавшаго въ Мешедѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Мохаммедъ-Вели-хану-Сенехдару предписано было отправиться въ Тавризъ и принять начальство надъ высылаемыми туда войсками. Слухъ объ этихъ распоряженіяхъ произвелъ на революціонные элементы извѣстное впечатлѣніе, но, по прибытіи названныхъ двухъ сановниковъ къ Тавризу (7-го мая 1908 г.), оказалось, что оспровождавшія ихъ военныя силы ничтожны, и это обстоятельство послужило поощреніемъ революціонерамъ. Самъ Айн-уд-доулэ, остановившійся за городомъ, сознавая свое безсиліе, предпочелъ на первыхъ порахъ вступить въ мирные переговоры съ мятежниками, но такъ какъ послѣдніе не согласились на предъявленное имъ требованіе сложить оружіе, то переговоры были прерваны. 10-го сентября 1908 г. Айн-уд-доулэ предъявилъ тавризскому энджумену новое требованіе о сдачѣ ему города въ теченіе 48 часовъ и пригрозилъ, что, въ случаѣ неисполненія,

приступлено будетъ къ карательнымъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе этого энджуменъ обратился къ иностраннымъ консуламъ съ письмами, въ коихъ заявилъ, что предпринятая имъ борьба имѣетъ цѣлью возстановленіе народныхъ правъ и что, не будучи увѣренъ въ томъ, что по сдачѣ имъ оружія требованіе это будетъ выполнено, онъ вынужденъ продолжать сопротивленіе.

Въ послѣднихъ числахъ сентября между федаями Саттаръ-хана, поддержанными прибывавшими изъ Закавказья русскими соціалистами, татарами, армянами и даже русскими, и небольшимъ отрядомъ макинской кавалеріи произошла стычка близъ нашей дорожной станціи на рѣчкѣ Аджичай. Макинцамъ нанесено было пораженіе, послѣ чего федаи приступили къ разстрѣлянію захваченныхъ ими плѣнныхъ и затѣмъ дочиста ограбили нашу дорожную станцію. Самъ начальникъ станціи инженеръ Трескинскій едва не сталъ жертвою ихъ жестокости и спасся отъ угрожавшей ему опасности благодаря лишь заступничеству одного изъ служащихъ на дорогѣ и одному изъ федаевъ. Создавшееся положеніе дѣлъ описано было нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Тавризѣ въ телеграммѣ отъ 29-го сентября въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Послѣ пятидесятидневнаго сосредоточенія карательнаго отряда Айн-уд-доулэ, не принимающаго на себя никакой отвѣтственности, общее положеніе въ Тавризѣ слѣдующее: 1) отсутствіе въ Тавризѣ всякой защиты для мирнаго населенія, со включеніемъ иностранцевъ; 2) наплывъ изъ Закавказья членовъ тамошнихъ революціонныхъ комитетовъ, не стѣсняющихся громкою площадною бранью по адресу начальниковъ русскихъ учрежденій и тѣмъ ободряющихъ мѣстные подонки революціи къ свободному разграбленію имущества нашихъ учрежденій, какъ уже поступлено съ аджичайскою дорожною заставою; 3) грабежи по доро-

гамъ, ведущимъ къ Тавризу, и по окрестностямъ, чинимые полудикими правительственными всадниками, составляющими мюнческую военную силу Айн-уд-доулэ, препятствующими подвозу въ городъ жизненныхъ продуктовъ и топлива къ наступающему зимнему времени. Факты эти, при безпомощности шахскаго правительства, заслуживаютъ нынѣ самаго серьезнаго вниманія и требуютъ отъ нашего Правительства безотлагательныхъ и рѣшительныхъ мѣръ къ огражденію безопасности русско-подданныхъ, начавшихъ проявлять послѣ аджичайскаго событія и все увеличивающагося наплыва темныхъ элементовъ изъ Закавказья, въ виду полнѣйшей своей беззащитности, основательный страхъ за свою участь».

Изъ опубликованныхъ Англійскимъ правительствомъ документовъ явствуетъ, что, освѣдомившись о намѣреніи Русскаго Правительства направить въ Тавризъ сосредоточенный въ Джульфѣ отрядъ, великобританскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ поручилъ, телеграммой отъ 4—17-го октября 1908 г., англійскому послу въ С.-Петербургѣ предупредить русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, что мѣра эта произведетъ весьма дурное впечатлѣніе въ Англіи и попытаться отклонить Министра отъ приведенія ея въ исполненіе. Г. Никольсонъ имѣлъ по этому предмету продолжительное объясненіе съ временно-управлявшимъ Министерствомъ гофмейстеромъ Чарыковымъ, который заявилъ ему, что Русское Правительство не можетъ оставаться равнодушнымъ къ положенію дѣлъ въ Тавризѣ пока не начнутся болѣе серьезныя покушенія на русскихъ подданныхъ и русскія учрежденія, что высылка русскаго отряда представляется лишь предохранительною мѣрою, и что Русское Правительство намѣрено по прежнему воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреніе дѣла Персіи. Передавъ вышеизложенное сэру Эдуарду Грею въ те-

леграммѣ отъ 5—18-го октября, г. Никольсонъ присовокупилъ, что, по его мнѣнію, представляется невозможнымъ убѣдить Русское Правительство отказаться отъ предпринятой имъ мѣры. Слѣдующей телеграммой отъ 7—20-го октября англійскій посолъ довелъ до свѣдѣнія великобританскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ, что, какъ онъ узналъ отъ г. Чарыкова, въ виду полученія изъ Тавриза болѣе удовлетворительныхъ свѣдѣній, сдѣлано распоряженіе о пріостановкѣ выступленія русскаго отряда въ Тавризъ и что русскому генеральному консулу въ этомъ городѣ предписано не вызывать отрядъ иначе, какъ въ томъ случаѣ, если онъ убѣдится, что русскимъ подданнымъ и европейцамъ грозитъ неминуемая опасность. Получивъ тѣ же самыя свѣдѣнія отъ нашего посла въ Лондонѣ графа Бенкендорфа, сэръ Эдуардъ Грей поручилъ г. Никольсону сообщить Русскому Правительству, что онъ высоко цѣнитъ готовность, съ которою означенное Правительство отнеслось къ его представленіямъ, и что онъ съ особымъ удовольствіемъ освѣдомился объ этомъ распоряженіи.

Нѣсколько дней спустя, англійскій посолъ имѣлъ новое объясненіе по тому же предмету съ русскимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. А. П. Извольскій объявилъ ему, что, несмотря на его крайне нежеланіе вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи, Русское Правительство, въ виду тяжкихъ убытковъ, которые терпитъ русская торговля, не можетъ безконечно терпѣть существующее въ Азербейджанѣ положеніе дѣлъ. Г. Никольсонъ возразилъ на это, что, если и прекратилось сообщеніе по дорогѣ въ Джульфу, то въ самомъ Тавризѣ господствуетъ полное спокойствіе (телеграмма г. Никольсона отъ 18—31-го октября). Телеграммою отъ того же числа сэръ Эдуардъ Грей поручилъ г. Никольсону выразить г. Извольскому надежду, что окажется воз-

можнымъ пріискать средство предупредить русское вмѣшательство, каковое произвело бы дурное впечатлѣніе въ Англіи; что, отдавая себѣ отчетъ въ затрудненіяхъ, съ коими сопряжено положеніе дѣлъ въ Азербейджанѣ, онъ, сэръ Эдуардъ Грей, убѣжденъ, что порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь при условіи побужденія шаха выполнить свои обѣщанія (относительно возстановленія конституціоннаго режима), и что Англійское правительство готово поручить своему генеральному консулу въ Тавризѣ г. Вратиславу употребить всѣ свои усилія въ видахъ возстановленія порядка въ Тавризѣ и преподанія жителямъ совѣта воздерживаться отъ дѣйствій, вредящихъ русской торговлѣ. Заявленіе это передано было русскому Министру Иностранныхъ Дѣлъ г. Никольсономъ 2-го ноября (20 октября), и въ тотъ же день англійскій посолъ донесъ своему правительству, что г. Извольскій объявилъ ему, что русскій отрядъ не будетъ высланъ въ Тавризъ, если только не встрѣтится безусловной необходимости въ его покровительствѣ, и что если возникнетъ такая необходимость, то онъ, г. Извольскій, заранѣе предупредитъ о томъ англійское посольство. Г. Извольскій присовокупилъ къ этому, что въ виду серьезныхъ убытковъ, которые терпитъ русская торговля, предъ нимъ сильно настаиваютъ на принятія какихъ-либо активныхъ мѣръ, но что тѣмъ не менѣе онъ намѣренъ отъ нихъ воздерживаться; по его мнѣнію, Россія проявила много терпимости въ настоящемъ дѣлѣ. Телеграммою отъ того же числа сэръ Эдуардъ Грей поручилъ г. Никольсону сообщить г. Извольскому, что Лондонскій кабинетъ высоко цѣнитъ проявленную Русскимъ Правительствомъ умѣренность; что онъ надѣется, что Правительство это не будетъ вынуждено къ принятію активныхъ мѣръ и весьма признателенъ г. Извольскому за его обѣщаніе заранѣе предупредить

англійское посольство о таковыхъ мѣрахъ, если встрѣтится въ нихъ надобность.

Настойчивость, съ которой Англійское правительство домогалось отмѣны высылки нашего отряда въ Тавризъ, объяснялась тѣмъ, что означенное правительство опасалось, что, въ случаѣ появленія въ городѣ русской военной части, революціонеры оказались бы вынужденными сложить оружіе и прекратить борьбу противъ шахскаго правительства, каковое обстоятельство разрушило бы ихъ планы и подняло бы въ то же время авторитетъ шаха въ глазахъ мѣстнаго населенія, до крайности тяготившагося установленнымъ Саттаромъ и Багиромъ режимомъ.

О томъ, насколько было основательно заявленіе англійскаго посла о господствовавшемъ будто бы въ Тавризѣ спокойствіи и насколько задержаніе русскаго отряда въ Джульфѣ оправдывалось обстоятельствами, можно судить на основаніи нижеслѣдующихъ телеграммъ, полученныхъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ отъ нашего генеральнаго консула въ Тавризѣ.

«Въ Джульфѣ было вчера совѣщаніе изъ мусульманъ и армянъ при участіи нѣкоторыхъ русскихъ подданныхъ, на которомъ рѣшено укрѣпить персидскую Джульфу на случай движенія русскихъ войскъ. Въ этомъ засѣданіи, по приказанію Саттаръ-хана, избранъ мѣстнымъ губернаторомъ житель селенія Егянда, революціонеръ Кочали-Султанъ. Сегодня утромъ толпа изъ мусульманъ и армянъ съ красными флагами отправилась въ Егяндъ для доставленія въ Джульфу избранника. Сегодня же съ поѣздомъ прибыли въ Джульфу до 150 подозрительныхъ лицъ, по преимуществу татаръ, затѣмъ грузинъ и армянъ. Всѣ они перебрались на персидскую сторону. Положеніе въ Тавризѣ безъ перемѣнъ. Багиръ-ханъ въ подвѣдомственномъ ему кварталѣ Хіабанъ началъ чинить насилія надъ проживающими

тамъ русско-подданными; такъ, на дняхъ былъ продержанъ подъ арестомъ въ цѣпяхъ въ теченіе 8-ми сутокъ Акберъ-Агаевъ, выпущенный на свободу послѣ уплаты ему 100 тумановъ. Вчера же у другого русскаго подданнаго, Хаджи Мамета Карабачи, отобрана Багиромъ провизія, доставлявшаяся ему на зиму изъ деревни. Мѣръ къ обузданію его произвола не принимается (телеграмма отъ 30-го октября 1908 г.).

«Положеніе дѣлъ въ Тавризѣ остается безъ перемѣнъ. Серьезной торговли не производится. Главными покупателями являются любители легкой наживы за счетъ неповиннаго населенія—вооруженные федаи, уплачивающіе за все забираемое половину стоимости. При наружномъ спокойствіи происходятъ тайныя убійства съ вымогательствомъ денегъ, какъ въ городѣ, такъ и по отдаленнымъ окрестностямъ. Со стороны «комиссіи помощи» Саттаръ-хана и Багиръ-хана одинаковымъ образомъ безвозмездно отбирается отъ помѣщиковъ по деревнямъ хлѣбъ, продаваемый въ свою пользу самими вымогателями. Комитеты «домогающихся конституціи» въ Константинополѣ, Лондонѣ и другихъ столицахъ Европы доставляютъ средства тавризскимъ анархистамъ, предполагая борьбу за идею, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ несчастномъ Азербейджанѣ происходитъ открытый грабежъ и полнѣйшее раззореніе провинціи, гибельно отражающееся на нашихъ какъ политическихъ, такъ и торговыхъ интересахъ» (телеграмма отъ 3-го ноября 1908 г.).

«Тавризскими агитаторами всюду организуются энджумены и вербуются охотники, которыхъ вооружаютъ. Послѣ собранія въ смежномъ съ Джульфой селеніи Алемдарѣ около 700 федаевъ, изъ которыхъ до двухсотъ русскихъ подданныхъ, преимущественно грузинъ, армянъ и татаръ, оттуда выступилъ значительный отрядъ въ Хой. Происходятъ попытки овладѣть Марандомъ».

«Чрезъ нашу Джульфу проходитъ въ персидскую партіями сбродъ, сочувствующій азербейджанской анархіи. Если все происходящее нынѣ будетъ продолжаться еще мѣсяцъ, при повсемѣстномъ неудовольствіи въ Азербейджанѣ со стороны лояльнаго населенія бездѣятельностью шахскаго правительства, можно ожидать, что по истеченіи этого срока провинція станетъ жертвой общаго разграбленія подъ флагомъ достиженія конституціоннаго самоуправленія (телеграмма отъ 10-го ноября 1908 г.).

«За послѣднее время дѣятельное участіе въ мѣстномъ революціонномъ движеніи начали принимать закавказскія организаціи дашнакцутюнъ и соціалъ-демократовъ. Сказанныя организаціи непрерывно высылаютъ въ Азербейджанъ своихъ адептовъ, принимающихъ открытое вооруженное участіе въ походахъ. Ими же устроенъ въ Тавризѣ митингъ съ соотвѣствующими ихъ ученію рѣчами» (телеграмма отъ 27-го ноября 1908 года).

Изъ двухъ донесеній, адресованныхъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ сэру Эдуарду Грею 14 и 18-го ноября 1908 г. и опубликованныхъ Великобританскимъ правительствомъ, явствуетъ, что нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ имѣлъ по поводу положенія дѣлъ въ Азербейджанѣ нѣсколько объясненій съ г. Никольсономъ. Передавъ послѣднему полученныя изъ Тавриза свѣдѣнія, А. П. Извольскій заявилъ ему, что распоряженія Саттаръ-хана всецѣло подчинившагося воздѣйствію прибывшихъ изъ Закавказья русскихъ революціонеровъ, грозятъ безопасности русскихъ подданныхъ; что ему, г. Извольскому, дѣлаются частые упреки за его бездѣятельность и что равнымъ образомъ русская печать энергически настаиваетъ на необходимости принятія рѣшительныхъ мѣръ къ возстановленію въ Азербейджанѣ порядка. Высказавъ г. Никольсону убѣжде-

ніе, что новый персидскій парламентъ, въ случаѣ его созыва, будетъ по примѣру перваго парламента заниматься агитаціей и окажется безсильнымъ возстановить нормальный порядокъ, А. П. Извольскій присовокупилъ, что въ самомъ непродолжительномъ времени возникнетъ необходимость пріискать средства, способныя сколько-нибудь облегчить существующее въ Азербейджанѣ положеніе. Г. Никольсонъ отвѣтилъ А. П. Извольскому, что Англійское правительство весьма цѣнитъ умѣренность, которую Россія проявляла и проявляетъ, несмотря на существующія неблагопріятныя обстоятельства, но что, по мнѣнію его, г. Никольсона, Россія и Англія должны были бы продолжать настаивать предъ шахомъ на изданіи выборнаго закона и созваніи парламента, такъ какъ осуществленіе этихъ мѣръ будетъ имѣть послѣдствіемъ облегченіе прискорбнаго положенія.

Въ отвѣтѣ своемъ отъ 23-го ноября 1908 г. на упомянутыя выше депеши г. Никольсона, сэръ Эдуардъ Грей высказалъ слѣдующія соображенія.

Въ виду рескрипта шаха, отмѣнившаго персидскую конституцію, Русское и Англійское Правительства обязаны зрѣло обсудить существующее положеніе. Всего лучше было бы предоставить персидскимъ націоналистамъ произвести давленіе на шаха. Согласно этому, представители обѣихъ державъ въ Тегеранѣ должны были бы совмѣстно объявить шаху, что въ виду доказаннаго безсилія его величества возстановить свой авторитетъ, обѣ державы намѣрены возложить на силы *азербейджанскихъ націоналистовъ* заботы объ охраненіи торговли и иностранцевъ. Въ конституціи заключается единственное средство улучшить положеніе дѣлъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, и если шахъ, ради укрѣпленія своего личнаго положенія, предприметъ какую-либо попытку въ послѣднемъ смыслѣ до возстановленія

конституціи и обстоятельство это повлечетъ за собоій дальнѣйшіе безпорядки, то обѣ державы возложатъ на него отвѣтственность за послѣдствія. Въ виду этого, по мнѣнію сэра Эдуарда Грея, было бы всего лучше воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи и предоставить самому персидскому народу непосредственно пріискать какое-либо разрѣшеніе. Но, если наиболѣе сильная въ Азербейджанѣ партія будетъ продолжать враждебное относиться къ Россіи, то Англійское правительство пойметъ, какъ трудно будетъ для Россіи соблюдать политику невмѣшательства. Г. Никольсону поручалось передать это сообщеніе г. Извольскому и, въ случаѣ его согласія, попросить его снабдить русскаго представителя въ Тегеранѣ соотвѣтствующей инструкціей.

Не легко объяснить себѣ, какимъ образомъ англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, настаивавшій до тѣхъ поръ на соблюденіи Россіей принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, рѣшился предложить ей опереться на азербейджанскихъ революціонеровъ и разбойниковъ, которыхъ, вѣроятно, изъ чувства вѣжливости, онъ назвалъ націоналистами.

Между тѣмъ организованныя Саттаромъ и Багиромъ изъ федаевъ и кавказскихъ анархистовъ шайки помогли революціонерамъ распространить свою дѣятельность и на другіе округи Азербеджана. 6-го ноября 1908 г. ими занята была безъ боя Марага, о затѣмъ Салмасъ и Дильманъ. Въ Марагинскомъ арсеналѣ означенными шайками захвачены были два артиллерійскія орудія, 600 ружей и 400.000 патроновъ. Тавризскими агитаторами были повсюду организованы энджумены и вербовались охотники, которые вооружались. Послѣ собранія въ смежномъ съ Джульфою селеніи Алямдарѣ около 700 федаевъ, въ числѣ коихъ находилось до 200 русскихъ подданныхъ, преимущественно грузинъ, ар-

мянъ и татаръ, значительный отрядъ выступилъ на Хой. Сдѣланы были попытки овладѣть Марандомъ, находящимся на полпути между Джульфою и Тавризомъ, въ сторону котораго стали направляться большія партіи. Одна изъ партій напала по пути на нашу Дорадизскую заставу и обезоружила находившихся для охраны ея трехъ марандскихъ всадниковъ; служащіе при заставѣ покинули ее ночью. Засимъ Марандъ былъ занятъ федаями.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Настоянія русскаго и англійскаго представителей въ Тегеранѣ предъ Мохаммедъ Али Шахомъ по вопросу о возстановленіи конституціи.

Какъ изложено было выше, Мохаммедъ-Али шахъ вслѣдъ за насильственнымъ закрытіемъ меджлиса объявилъ населенію столицы о своемъ намѣреніи сохранить въ силѣ конституціонный режимъ. Такъ какъ никакихъ мѣръ къ выполненію обѣщанія этого не принималось, то Великобританское правительство признало необходимымъ обратить вниманіе Императорскаго Правительства на своевременность напомнить шаху объ означенномъ обѣщаніи. Въ письмѣ отъ 21-го августа 1908 г., адресованномъ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ временно управлявшему Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ, гофмейстеру Чарыкову, предложеніе это было, между прочимъ, мотивировано положеніемъ дѣлъ въ Тавризѣ, каковое, по мнѣнію лондонскаго кабинета, могло поправиться лишь въ случаѣ появленія шахскаго манифеста о сохраненіи

новыхъ законовъ и о созывѣ новаго меджлиса. Въ виду этого Г. Никольсонъ просилъ г. Чарыкова поручить нашему посланнику въ Тегеранѣ сдѣлать совмѣстно съ англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Марлингомъ соотвѣтствующее представленіе шаху. На предложеніе это управлявшимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ было изъявлено согласіе, вслѣдствіе чего представителямъ обѣихъ державъ въ Тегеранѣ преподаны были указанія въ означенномъ смыслѣ.

Предписанное обоимъ представителямъ представленіе сдѣлано было ими шаху, хотя г. Гартвигъ, какъ явствуетъ изъ депеши его отъ 24-го августа 1908 г., и сомнѣвался въ дѣйствительности означенной мѣры и находилъ, что умиротвореніе Азербейджана возможно только при помощи военной силы. При личномъ свиданіи съ нашимъ посланникомъ, состоявшемся 30-го августа 1908 г., шахъ подтвердилъ свое намѣреніе послѣдовать совѣту Императорскаго Министерства, но заявилъ при этомъ, что дабы не дать революціонерамъ повода думать, что возстановленіе конституціоннаго режима вынуждено тавризскими событіями, онъ полагаетъ необходимымъ отложить приведеніе въ исполненіе этой мѣры до окончательнаго успокоенія Тавриза. Вслѣдствіе новыхъ настояній обоихъ представителей шахъ согласился однако обнародовать декретъ о возстановленіи конституціи, но такъ какъ содержаніе декрета и его редакція не удовлетворили ни Г. Гартвига, ни г. Марлинга, то, вслѣдствіе состоявшагося между обоими правительствами соглашенія, вручены были 26-го августа драгоманами русской и англійской миссій персидскому министру иностранныхъ дѣлъ, для представленія шаху, тождественныя заявленія отъ имени представителей обоихъ правительствъ. Въ заявленіяхъ этихъ сообщалось, что въ видахъ *окончательнаго умиротворенія* страны и въ интересахъ торговли и общаго

благосостоянія оба правительства полагаютъ своевременнымъ и желательнымъ, чтобы шахъ соизволилъ объявить, что его рѣшеніе сохранить конституціонную форму правленія, которую онъ даровалъ своему государству, неизмѣнно и что меджлисъ, къ выборамъ въ который скоро приступятъ, соберется въ Тегеранѣ 1-го будущаго ноября. Къ этому было присовокуплено, что оба правительства считаютъ своимъ долгомъ обратить вниманіе шаха на серьезность положенія въ Тавризѣ и предупредить его величество, что оба правительства возлагаютъ на персидское правительство отвѣтственность за безопасность ихъ подданныхъ, живущихъ въ Тавризѣ, и что при этихъ условіяхъ они признаютъ необходимымъ, чтобы рѣшеніе шаха приступить къ выборамъ и собрать меджлисъ 1-го ноября было сообщено въ Тавризъ и обнародовано въ этомъ городѣ.

Въ отвѣтъ на означенное заявленіе персидскій министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ г.г. Гартвигу и Марлингу слѣдующее заявленіе Мохаммедъ-Али шаха:

«Какъ неоднократно уже высказывалъ я вамъ по этому поводу, я далъ своему народу и представителямъ обѣихъ державъ обѣщаніе созвать меджлисъ, который, будучи въ согласіи съ характеромъ страны, религіей и шаріатомъ, не могъ бы повести къ прежнимъ безпорядкамъ. Теперь я самъ занятъ обсужденіемъ всѣхъ, касающихся этого проекта, предположеній. Нынѣ на письмо ваше я могу сообщить, что есть надежда, что я буду въ состояніи издать въ назначенный вами срокъ дестехаттъ (собственноручный указъ) о созывѣ меджлиса выборныхъ, и онъ дѣйствительно будетъ изданъ. Но этотъ меджлисъ, означенный выше, соберется лишь послѣ окончательнаго водворенія порядка въ Азербейджанѣ, когда высшіе сановники страны будутъ въ состояніи безъ всякихъ заботъ обсудить составленіе, созывъ и открытіе новаго меджлиса».

Вскорѣ послѣ этого до свѣдѣнія обоихъ представителей дошло, что 25-го октября въ шахскомъ дворцѣ собрались ахунды, муллы, выдающіеся муджтехиды, купцы и политическіе дѣятели, въ числѣ приблизительно трехсотъ человѣкъ. Имъ прочтены были Сепехсаляромъ полученныя изъ провинцій телеграммы, въ коихъ высказывался протестъ противъ возстановленія конституціи. Присутствующіе присоединились къ этому мнѣнію и тутъ же составили прошеніе на имя шаха въ томъ же смыслѣ. Прошеніе вручено было депутаціей человѣкъ въ шестьдесятъ лично шаху, который обѣщалъ подумать и дать отвѣтъ черезъ нѣсколько дней. По мнѣнію г. Гартвига, эта демонстрація была организована партіей реакціи, хотя въ числѣ присутствовавшихъ были искренніе противники конституціи, особенно изъ среды духовенства.

Вслѣдствіе состоявшагося между ними соглашенія г. Гартвигъ и только что прибывшій въ Тегеранъ англійскій посланникъ г. Барклай сочли необходимымъ лично объясниться по этому поводу съ шахомъ. Г. Гартвигъ высказалъ шаху надежду, что только что состоявшаяся демонстрація, *искусственно вызванная и далеко не выражающая чувства и мнѣнія народа, не окажетъ вліянія на рѣшеніе и обѣщанія шаха*; что страна, утомленная безпорядками, злоупотребленіями и неизвѣстностью, ожидаетъ выполненія означенныхъ обѣщаній, и что какъ Русское, такъ и Англійское правительства считаютъ себя обязанными привлечь самое серьезное вниманіе шаха на вѣроятность возникновенія новыхъ безпорядковъ, предотвратить которые можетъ только выполненіе шахскихъ обѣщаній. На заявленіе это шахъ далъ г. Гартвигу слѣдующій отвѣтъ. «Я былъ убѣжденъ, что происшедшее во дворцѣ будетъ истолковано какъ уловка съ моей стороны; но мнѣ было бы обидно, если бы и вы такъ подумали. Я твердо рѣшилъ выпол-

нить свои обѣщанія, но дѣйствовать мнѣ приходится обдуманно и съ большой осторожностью во избѣжаніе серьезныхъ внутреннихъ осложненій. Партія, не желающая конституціи, гораздо многочисленнѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ принято думать; на ея сторонѣ все духовенство, которое угрожаетъ мнѣ проклятіемъ, какъ вѣроотступнику; я получаю отовсюду письма, петиціи, телеграммы съ обѣщаніями силою противиться возстановленію конституціи, которая принесла столько зла населенію. Если вновь возникнутъ серьезные безпорядки, мнѣ трудно будетъ возстановить спокойствіе безъ войска и денегъ. Если бы дружественныя державы гарантировали мнѣ помощь, я, конечно, не колебался бы».—Г. Гартвигъ возразилъ шаху, что въ одинаковой степени растетъ возбужденіе и въ другой партіи, что можетъ точно такъ же привести къ безпорядкамъ, съ которыми правительство не справится. Въ виду этого, присовокупилъ г. Гартвигъ, было бы крайне полезно изыскать способъ къ примиренію обѣихъ партій дарованіемъ, напримѣръ, конституціи, предварительно согласовавъ законы съ постановленіями шаріата, чтобы успокоить духовенство. Послѣ нѣкотораго колебанія шахъ отвѣтилъ, что онъ послѣдуетъ совѣту и на дняхъ постарается собрать общее собраніе изъ представителей обѣихъ партій и сдѣлать все возможное для скорѣйшаго возстановленія конституціи.

На другой день англійскимъ посланникомъ сдѣлано было шаху тождественное представленіе, на каковое его величество отвѣтилъ г. Барклаю почти въ томъ же смыслѣ, какъ и г. Гартвигу.

Изъ опубликованныхъ въ англійской синей книгѣ двухъ телеграммъ англійскаго посла въ Петербургѣ на имя сэра Эдуарда Грея отъ 9-го и 14-го ноября н. ст. 1908 г. явствуетъ, что онъ имѣлъ дважды случай объясняться съ г. Извольскимъ по поводу положенія дѣлъ

въ Персіи и средствъ заставить шаха послѣдовать совѣтамъ обѣихъ державъ. Г. Никольсонъ объявилъ нашему Министру Иностранныхъ Дѣлъ, что однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ достигнуть этой цѣли было бы, по его мнѣнію, временное отозваніе русскихъ офицеровъ, командующихъ персидской казачьей бригадою. Г. Извольскій вполнѣ основательно отвѣтилъ г. Никольсону, что, при существующихъ въ Персіи обстоятельствахъ, мѣра эта была бы весьма рискованною, такъ какъ, въ случаѣ удаленія русскихъ офицеровъ, существующій въ казачьей бригадѣ порядокъ былъ бы нарушенъ.

Въ первыхъ числахъ ноября 1908 г. г. Гартвигъ былъ вызванъ въ Петербургъ, каковое обстоятельство приписывалось разногласію во взглядахъ на дѣла Персіи между нимъ и А. П. Извольскимъ. Управленіе миссіей въ Тегеранѣ было возложено на только что прибывшаго въ столицу Персіи въ качествѣ перваго секретаря миссіи г. Саблина, весьма юнаго и совершенно незнакомаго со страной. Мѣра эта представлялась весьма несвоевременною, такъ какъ, въ виду смутнаго положенія дѣлъ въ Персіи, требовалось присутствіе въ Тегеранѣ человѣка болѣе опытнаго и авторитетнаго, а при томъ англійское правительство незадолго передъ тѣмъ замѣнило своего повѣреннаго въ дѣлахъ г. Марлинга г-мъ Барклаемъ, который аккредитованъ былъ при шахѣ въ качествѣ посланника. Повѣренный въ дѣлахъ не можетъ имѣть въ глазахъ персидскаго правительства того же значенія, какъ посланникъ, и потому замѣна г. Гартвига г-мъ Саблинымъ какъ бы указывала на то, что Императорское Правительство рѣшило предоставить передовую роль въ Персіи представителю Англіи.

Тотчасъ по вступленіи г. Саблина въ званіе повѣреннаго въ дѣлахъ между нимъ и англійскимъ послан-

никомъ состоялось соглашеніе сдѣлать шаху энергическое представленіе въ видахъ побужденія его возстановить конституціонный режимъ, и 8-21 ноября 1908 года адресована была ими шахскому министру иностранныхъ дѣлъ, Ала-ус-сальтанэ, слѣдующая коллективная нота:

«Представители Великобританіи и Россіи узнали съ удивленіемъ, что его шахово величество, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ своихъ окружающихъ и пользуясь, какъ предлогомъ, ходатайствами, нисколько не выражающими истинныхъ чувствъ его народа, имѣетъ намѣреніе не созывать собранія представителей народа».

«Представители обѣихъ державъ не преминутъ телеграфировать своимъ правительствамъ, чтобы сообщить имъ объ этомъ, заслуживающемъ сожалѣнія, рѣшеніи шаха, коимъ онъ показываетъ свое намѣреніе не исполнять обѣщаній, данныхъ имъ много разъ своему народу и обоимъ представителямъ, и они будутъ считать своею обязанностью впослѣдствіи выяснить его величеству, по приказанію своихъ правительствъ, обязанность его, въ своихъ собственныхъ интересахъ и въ интересахъ его страны, отказаться отъ исполненія намѣренія, о которомъ идетъ рѣчь».

«Въ ожиданіи указаній своихъ правительствъ оба представителя, хотя и желаютъ избѣгать какого-либо вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, считаютъ своимъ долгомъ повторить свое убѣжденіе, что единственнымъ средствомъ умиротворить народъ, который, въ виду занятаго шахомъ по отношенію къ конституціи положенія, находится въ состояніи открытаго возстанія въ Азербейджанской провинціи и броженія въ столицѣ и провинціяхъ, было бы уклоненіе отъ совѣтовъ лицъ, заинтересованныхъ въ продолженіи нынѣшняго печальнаго образа управленія, и возстановленіе конституціоннаго режима».

Въ русскомъ сборникѣ документовъ нѣтъ никакихъ указаній относительно отвѣта шахскаго министра иностранныхъ дѣлъ на приведенную выше коллективную ноту, но изъ англійской синей книги явствуетъ, что Ала-ус-сальтанэ отвѣтилъ англійскому посланнику г. Барклаю нотою отъ 23-го ноября 1908 г., содержаніе коей заключалось въ слѣдующемъ:

«Министръ выразилъ сожалѣніе по поводу того, что представители Англіи и Россіи безъ провѣрки повѣрили дошедшимъ до нихъ слухамъ о совѣтахъ, даваемыхъ будто бы шаху его приближенными, каковые слухи противорѣчатъ истинѣ. Благодаря отличающимъ его дарованіямъ и заботамъ о правильномъ примѣненіи монархической системы и о благѣ своего народа, шахъ вовсе не нуждается въ совѣтахъ своихъ приближенныхъ. Его величество понимаетъ свои обязанности по отношенію къ своему государству и своему народу. Равнымъ образомъ шахъ хорошо знакомъ съ обычаями и привычками персидскаго народа. Онъ намѣренъ руководствоваться потребностями времени и даруетъ меджлисъ, который будетъ соотвѣтствовать этимъ потребностямъ, религіи и обычаямъ персидскаго народа, но не вызоветъ въ странѣ анархіи и смутъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ считаетъ долгомъ обратить вниманіе представителя Англіи на положеніе, въ которомъ находилась Персія въ теченіе двухъ лѣтъ, когда существовало конституціонное управленіе. Существованіе этого режима послужило поводомъ ко всевозможнымъ безпорядкамъ, и потому созваніе меджлиса, подобнаго первому меджлису, не можетъ отвѣчать вожделѣніямъ народа. Нельзя предоставлять меджлису прежней свободы, такъ какъ это поведетъ къ возобновленію анархіи и бѣдствій. Министръ иностранныхъ дѣлъ просилъ представителя Англіи довести до свѣдѣнія кого слѣдуетъ о намѣреніи шаха даровать меджлисъ,

соотвѣтствующій свойствамъ Персіи, законамъ ислама и обычаямъ персидскаго народа и каковой обезпечитъ благоденствіе страны подъ сѣнью престола его величества».

Въ половинѣ ноября Мохаммедъ Али шахъ рѣшилъ организовать совѣщательный совѣтъ, коему поручено было его величествомъ составленіе и изданіе новыхъ выборныхъ и основныхъ законовъ, и сообщилъ объ этомъ представителямъ Россіи и Англіи. Какъ явствуетъ изъ телеграммы г. Саблина отъ 17-го ноября 1908 г., оба представителя заключили изъ этого, что настоянія ихъ произвели на шаха желательное впечатлѣніе. Позднѣе, телеграммой отъ 2-го декабря, нашъ повѣренный въ дѣлахъ довелъ до свѣдѣнія Императорскаго Министерства, что какъ онъ, такъ и г. Барклай пришли къ убѣжденію, что нѣтъ основаній ожидать какихъ-либо положительныхъ результатовъ отъ новаго государственнаго совѣта и что вслѣдствіе этого они признали необходимымъ заявить шаху, что учрежденіе государственнаго совѣта они не могутъ считать выполненіемъ шахскихъ обѣщаній, такъ какъ члены его не выбираются народомъ, и потому просятъ его величество увѣдомить ихъ, когда послѣдуетъ созывъ обѣщаннаго собранія, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, лишь созывъ выборныхъ народомъ лицъ и амнистія могутъ положить конецъ ненормальнымъ событіямъ, происходящимъ въ Персіи.

Избранная какъ Русскимъ, такъ и Англійскимъ правительствами почва для переговоровъ съ шахомъ была въ высшей степени не практична, и потому переговоры не могли дать сколько-нибудь удовлетворительныхъ результатовъ.

Положеніе шаха было до крайности тягостно. Въ виду полнаго оскудѣнія персидской казны руки его были совершенно связаны. Не имѣя между прочимъ средствъ уплатить высланнымъ для подавленія тавриз-

скаго мятежа войскамъ жалованье, онъ не могъ помѣшать имъ продовольствоваться на счетъ мирнаго населенія. Онъ не разъ обращался къ представителямъ обѣихъ великихъ державъ съ просьбами облегчить ему заключеніе займа, необходимаго для покрытія самыхъ неотложныхъ потребностей. О томъ же, какъ явствуетъ изъ донесенія Императорскому Правительству г. Саблина отъ 10-го января 1909 г., настойчиво ходатайствовалъ и пользовавшійся довѣріемъ обоихъ представителей министръ иностранныхъ дѣлъ Саад-уд-доулэ, увѣрявшій г. Саблина въ томъ, что для Персіи авансъ въ пять милліоновъ рублей необходимѣе, чѣмъ самая совершенная конституція, и что у персидской казны не хватаетъ средствъ даже на покупку бумаги и чернилъ для изготовленія программы реформъ. Правительства обѣихъ великихъ державъ оставались глухи къ этимъ ходатайствамъ и представители ихъ въ Тегеранѣ неизмѣнно отвѣчали персидскому правительству, что къ переговорамъ о займѣ можетъ быть приступлено лишь послѣ фактическаго осуществленія обѣщаній шаха и лишь тогда, когда какъ русская, такъ и англійская миссіи убѣдятся въ прочности *предлагаемой ими реформы* и получатъ несомнѣнную гарантію въ томъ, что заемъ будетъ использованъ цѣлесообразно. Одновременно оба представителя не переставали настаивать на осуществленіи предложенныхъ ими реформъ, то есть на возстановленіи конституціи и на безотлагательномъ созваніи новаго народнаго собранія, и увѣряли шаха въ томъ, что, въ случаѣ выполненія ихъ совѣтовъ, въ Персіи возстановится порядокъ. Общее положеніе дѣлъ въ Персіи, охваченной анархіей, исключало возможность увѣровать въ дѣйствительность означенныхъ завѣреній. Событія доказали, что безучастное отношеніе, которое обѣ великія державы, и въ особенности Россія, проявили по отношенію къ Мохаммедъ

Али шаху въ первый періодъ революціи, послужило лишь поощреніемъ революціоннымъ элементамъ и что развитію анархіи способствовали главнымъ образомъ тѣ уступки, которыя шахъ вынужденъ былъ сдѣлать мятежнымъ собранію и энджуменамъ весною 1908 г. Очутившись въ унизительномъ положеніи, шахъ вынужденъ былъ прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ для закрытія парламента и разгона членовъ энджуменовъ, и потому вполнѣ естественно, что онъ не рѣшался на созывъ новаго собранія изъ опасенія, что повтореніе перваго опыта повлечетъ за собою тѣ же самыя, если не еще болѣе прискорбныя, послѣдствія. Весьма легко сочинять проекты реформъ и давать совѣты, когда не несешь за нихъ никакой отвѣтственности, но нельзя было ожидать отъ шаха, чтобы онъ, встрѣтивъ со стороны обѣихъ державъ отказъ въ безусловно необходимой для него матеріальной помощи, съ безусловнымъ довѣріемъ отнесся къ необоснованнымъ и голословнымъ увѣреніямъ представителей державъ въ томъ, что созывъ новаго парламента положитъ конецъ смутамъ и заставитъ мятежные элементы отказаться отъ ихъ преступныхъ замысловъ. Нельзя было также удивляться тому, что, зная объ этихъ замыслахъ, шахъ не рѣшался удалить отъ себя двухъ непопулярныхъ министровъ, въ преданность коихъ онъ безусловно вѣрилъ и которые всегда были готовы охранять его отъ грозившихъ ему опасностей. Таковы были причины, побуждавшія шаха ограничиться уклончивыми отвѣтами на настойчивые совѣты представителей Россіи и Англіи.

О томъ, насколько современное положеніе дѣлъ въ Персіи внушало довѣріе самому нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Тегеранѣ, свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія выписки изъ депеши, адресованной имъ Императорскому Министерству Иностранныхъ Дѣлъ 24-го января 1909 г.

«Характерно отмѣтить, что гдѣ бы ни возникали безпорядки *на національстической почвѣ*, участники оныхъ изъ обыкновенныхъ разбойниковъ и дикарей быстро превращаются въ націоналистовъ и всѣ свои дѣянія прикрываютъ патріотической маской».

«Въ здѣшнихъ политическихъ сферахъ усиленно интересуются результатами переговоровъ между Петербургскимъ и Лондонскимъ кабинетами по персидскимъ дѣламъ. Какъ ко мнѣ, такъ и къ англійскому посланнику неоднократно обращались различные политическіе дѣятели, чтобы узнать о сущности и деталяхъ вышеупомянутыхъ переговоровъ. Болѣе всего персидскіе дѣятели заинтересованы вопросомъ: облегчатъ ли Персіи оба правительства заемъ».

«Наиболѣе интересуется вопросомъ о финансовой сторонѣ переговоровъ между Петербургомъ и Лондономъ министръ иностранныхъ дѣлъ Саад-уд-доулэ, человѣкъ несомнѣнно благонамѣренный, но не надѣющійся что-либо сдѣлать на пути къ реформамъ безъ небольшой денежной поддержки».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обмѣнъ между Русскимъ и Англійскимъ Правительствами записокъ по дѣламъ Персіи.

Безотрадное положеніе, въ которомъ находилась Персія къ началу 1909 г., а также, по всей вѣроятности, неудача переговоровъ представителей Россіи и Англіи въ Тегеранѣ съ Мохаммедъ-Али шахомъ побудили наконецъ русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ обратить серьезное вниманіе Англійскаго правительства

на всеобщую анархію, охватившую страну эту, и на необходимость принятія мѣръ въ видахъ предупрежденія еще болѣе прискорбныхъ послѣдствій. 2-го января 1909 г. передана была А. П. Извольскимъ англійскому послу г. Никольсону записка, въ коей изложено было слѣдующее.

«Положеніе дѣлъ въ Персіи вмѣсто того, чтобы улучшаться, съ каждымъ днемъ осложняется, и условія, въ которыхъ находится эта страна, дѣлаются крайне тяжелыми. Въ Азербейджанѣ дѣла ухудшаются. Власть шаха существуетъ лишь номинально, борьба партій продолжается, ввозъ прогрессивно падаетъ; совсѣмъ недавно революціонная партія потребовала, чтобы взносы, которые должна дѣлать компанія индо-европейскаго телеграфа, были переданы въ кассу тавризскаго энджумена. За послѣднее время безпорядки вспыхнули равнымъ образомъ въ Исфаханѣ, и этотъ городъ находится нынѣ во власти бахтіаровъ. Населеніе Мешеда отказывается платить налоги. Положеніе въ Гилянѣ и во многихъ другихъ провинціяхъ стало не менѣе угрожающимъ. Часть неджефскихъ муджтехидовъ распространяетъ по всей странѣ воззванія съ цѣлью поднять населеніе противъ шаха, призывая народъ къ защитѣ своихъ правъ и привиллегій. Съ другой стороны, шахская казна пуста, и армія, какъ равно и администрація, оказываются вынужденными, не получая содержанія, жить поборами и вымогательствами съ мирнаго населенія. Если обстоятельства будутъ продолжать развертываться въ этомъ направленіи, никто не можетъ предсказать, когда остановится распадъ имперіи Каджаровъ».

«Россія и Англія, экономическіе интересы которыхъ значительно пострадали за послѣднее время вслѣдствіе волненій въ Персіи, должны были бы серьезно взвѣсить нынѣшнее положеніе дѣлъ въ странѣ и

постараться установить планъ дѣйствій въ цѣляхъ устраненія дальнѣйшихъ осложненій, которыя могли бы заставить ихъ измѣнить *пассивное* отношеніе къ событіямъ въ Персіи».

«Въ строгомъ соотвѣтствіи съ принципомъ невмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи Русское и Англійское правительства ограничились до сихъ поръ исключительно преподаніемъ шаху дружескихъ совѣтовъ на предметъ возстановленія конституціоннаго режима, фактически упраздненнаго событіями 10-го іюня 1908 г. Оба правительства слѣдовали этому образу дѣйствій въ увѣренности, что возстановленіе неограниченной монархіи въ Персіи было невозможно и что единственный способъ умиротворенія страны былъ бы въ осуществленіи шахомъ народныхъ пожеланій. Одновременно оба правительства должны были убѣдиться, что возстановленіе конституціи въ формѣ подобной той, которая существовала до распущенія меджлиса, равнымъ образомъ нежелательно, такъ какъ это могло бы лишь ввергнуть страну въ состояніе еще болѣе глубокой анархіи. Первый меджлисъ, опиравшійся на революціонные энджумены, далъ убѣдительныя доказательства своей полной неспособности направлять страну по новому пути; это мнѣніе раздѣляется значительнымъ числомъ выдающихся людей въ Персіи, которые покинули прогрессивную партію, чтобы примкнуть къ реакціонерамъ».

«Императорское Правительство полагаетъ, что при этихъ обстоятельствахъ одно лишь давленіе на шаха въ цѣляхъ возстановленія конституціи не достигло бы цѣли, поставленной себѣ обѣими державами. Если желательно добиться умиротворенія Персіи и установленія въ этой странѣ прочнаго порядка, необходимо не только введеніе разумной формы представительнаго правленія, но одновременно помощь шахскому прави-

тельству въ проведеніи насущно нужныхъ реформъ, между которыми выдвигается въ первую очередь финансовая реформа, а затѣмъ реформы административная, военная и судебная».

На основаніи этихъ соображеній Россія и Англія могли бы, по мнѣнію г. Извольскаго, прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ:

1) не отступая отъ установленнаго принципа невмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, дать шаху дружественный совѣтъ призвать ко власти способныхъ и энергичныхъ людей для составленія проекта реорганизаціи персидскихъ финансовъ, равно какъ и перваго проекта нормальнаго бюджета.

2) выражая шаху пожеланіе объ установленіи въ Персіи представительнаго правленія, посовѣтовать ему безотлагательно приступить, при помощи благонамѣренныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ и только что учрежденнаго государственнаго совѣта, къ выработкѣ закона, устанавливающаго учрежденіе новой избирательной палаты, которая, отвѣчая нравамъ и обычаямъ персидскаго народа и его религіознымъ воззрѣніямъ, способствовала бы возстановленію мира и порядка въ Персіи.

3) Если шахъ дастъ достаточныя доказательства своего рѣшенія слѣдовать совѣтамъ Россіи и Англіи, предоставить ему поддержку обѣихъ державъ въ цѣляхъ заключенія внѣшняго болѣе или менѣе крупнаго займа при условіи учрежденія особой комиссіи съ участіемъ въ ней директоровъ русскаго и англійскаго банковъ въ Тегеранѣ и персидскихъ представителей.

4) Чтобы дать шахскому правительству доказательства своихъ дружественныхъ чувствъ, Россія и Англія могли бы предоставить въ распоряженіе означенной выше комиссіи авансъ въ 5.000,000 франковъ на по-

крытіе ближайшихъ расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ реформъ».

Вышеизложенныя предложенія русскаго Министра Иностранныхъ Дѣлъ, часть которыхъ заслуживала серьезнаго вниманія и обсужденія, встрѣтили въ Лондонѣ неблагопріятный пріемъ, какъ доказала это отвѣтная записка Великобританскаго правительства отъ 21-го января 1909 г., врученная г. Извольскому англійскимъ посломъ г. Никольсономъ.

Содержаніе этой записки заключалось въ слѣдующемъ:

«Великобританское правительство склонно думать, что для Россіи и Великобританіи было бы лучше всего оставаться совершенно въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ Персіи и предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболѣе сильный элементъ въ странѣ не возьметъ верхъ. Тѣмъ временемъ Британское правительство *готово подвергнуться опасности, которая могла бы при этомъ угрожать британскимъ коммерческимъ интересамъ*. Правительство Великобританіи не можетъ, однако, не признать, что для Россіи было бы трудно занять такое положеніе; у нея имѣются граница и населенныя области, смежныя съ тѣми частями Персіи, въ которыхъ происходятъ наибольшіе безпорядки. Поэтому, если Русское Правительство придерживается того мнѣнія, что для Россіи не представляется возможнымъ принять тотъ образъ дѣйствій, который Великобританское правительство считаетъ наиболѣе желательнымъ, послѣднее готово дѣйствовать совмѣстно съ Русскимъ Правительствомъ въ отношеніи будущихъ мѣръ».

«Великобританское правительство раздѣляетъ опасенія Русскаго Правительства касательно настоящаго положенія дѣлъ въ Персіи и оно согласно съ тѣмъ, что условія, въ которыхъ страна эта находится, едва ли

улучшатся пока не будетъ установлено въ ней представительное правительство. *Оно даже получило изъ заслуживающихъ довѣрія* (reliable) *источниковъ завѣреніе въ томъ, что если бы конституція была дарована, то спокойствіе возстановилось бы во всей Персіи.* Въ виду этого Британское правительство полагаетъ, что въ настоящее время усплія обѣихъ державъ должны бы быть направлены къ тому, чтобы склонить шаха къ выполненію данныхъ имъ по сему предмету обѣщаній».

Возвращаясь засимъ въ отдѣльности къ предложеніямъ Русскаго Правительства, изложеннымъ въ запискѣ А. П. Извольскаго отъ 2-го января 1909 г., Великобританское правительство высказало слѣдующія соображенія:

1) Великобританское правительство съ удовольствіемъ привѣтствуетъ предложеніе, чтобы оба правительства посовѣтовали шаху привлечь въ составъ его совѣта дѣльныхъ и энергичныхъ людей, способныхъ содѣйствовать его величеству въ выработкѣ основныхъ положеній представительнаго правленія. Оно находитъ вмѣстѣ съ тѣмъ полезнымъ рекомендовать шаху уволить реакціонныхъ совѣтниковъ, каковы садразамъ и эмиръ Бахадуръ-Дженгъ, которые считаются главными противниками популярной политики и отвѣтственными въ значительной мѣрѣ за положеніе дѣлъ въ Азербейджанѣ и Исфаханѣ. Великобританское правительство предлагаетъ также склонить шаха къ провозглашенію общей амнистіи всѣмъ его подданнымъ, поднявшимъ противъ него оружіе.

2) Великобританское правительство вполнѣ присоединяется къ предложенію посовѣтовать шаху немедленно выработать основныя положенія выборнаго правленія, въ соотвѣтствіи съ гражданскими понятіями персидскаго народа. Принимая однако въ соображеніе обнаруженную до сихъ поръ шахомъ уклон-

чивость слѣдовать совѣтамъ обѣихъ державъ, Великобританское правительство высказываетъ мысль, чтобы шаху предложенъ былъ срокъ, дольше коего не могло бы быть отложено исполненіе его обязательствъ, и объявить его величеству, что если къ установленному сроку не будетъ дарована представительное правленіе, соотвѣтствующее нуждамъ страны, ему не будетъ оказываемо никакой поддержки со стороны обоихъ правительствъ, которыя подвергнутъ пересмотру свое отношеніе къ его величеству и примутъ мѣры къ огражденію своихъ интересовъ.

3) Великобританское правительство считаетъ, что вопросъ о займѣ не представляется спѣшнымъ и что его лучше отложить до полученія отчета финансоваго совѣтника, каковой отчетъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, будетъ вѣроятно готовъ черезъ нѣсколько недѣль. Если этотъ отчетъ покажетъ, что внѣшній заемъ необходимъ для возстановленія персидскаго кредита, то условія, при которыхъ могъ бы быть выданъ авансъ, пришлось бы тщательно обсудить. Великобританское правительство отнеслось бы отрицательно ко всякому предложенію въ смыслѣ крупнаго займа и не могло бы согласиться на какой-либо авансъ, пока выборное собраніе не одобрило бы сдѣлки.

Великобританское правительство полагаетъ, что вопросъ о контролѣ также можетъ быть отложенъ до тѣхъ поръ, пока установленіе конституціоннаго правленія не станетъ совершившимся фактомъ.

4) Великобританское правительство считаетъ, что ссуда шаху денегъ при настоящихъ условіяхъ была бы сочтена за демонстрацію противъ конституціональности въ пользу личной власти шаха и что она явилась бы вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Персіи».

Выраженные въ англійской запискѣ взгляды находились въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми, которыми

А. П. Извольскій руководствовался въ своей запискѣ отъ 2-го января 1909 г., но, тогда какъ русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ ссылался на наглядные, не подлежавшіе спору, факты, Англійское правительство въ оправданіе своихъ взглядовъ прибѣгло къ доводамъ, не выдерживающимъ даже снисходительной критики.

Англійское правительство утверждало, что оно получило изъ *заслуживающихъ довѣрія* (reliable) *источниковъ* завѣренія въ томъ, что если бы конституція была дарована, то спокойствіе возстановилось бы во всей Персіи.

Вся Персія охвачена была анархіей. Во всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ городахъ учредились революціонные энджумены, не признававшіе надъ собою никакой власти и навязывавшіе, напротивъ того, свою волю всѣмъ существовавшимъ органамъ, а именно: шаху, народному собранію, министрамъ, мѣстнымъ губернаторамъ и такъ далѣе. Кто же, въ виду такого положенія дѣлъ, имѣлъ право и возможность авторитетно заявить, что, въ случаѣ дарованія конституціи, порядокъ возстановится во всей Персіи. Если подобное заявленіе и было получено Англійскимъ правительствомъ отъ отдѣльныхъ личностей или же отъ существовавшихъ революціонныхъ организацій, то нельзя допустить, чтобы означенное правительство было настолько наивно и легковѣрно, чтобы искренно увѣровать въ осуществимость этого фантастическаго заявленія.

Англійское правительство, какъ явствуетъ изъ его записки, полагало, что для Великобританіи и Россіи было бы лучше всего оставаться совершенно въ сторонѣ отъ внутреннихъ дѣлъ Персіи и *предоставить существующему хаосу продолжаться, пока наиболѣе сильный элементъ въ странѣ не возьметъ верхъ.*

Персія жестоко страдала отъ охватившаго ее хаоса и продолженіе послѣдняго грозило ей гибелью. Вышеизложенный взглядъ Англійскаго правительства свидѣтельствовалъ о его узкомъ эгоизмѣ и едва ли можетъ быть примиренъ съ достоинствомъ великой христіанской державы, которая не должна бы, повидимому, отрѣшаться отъ чувства гуманности, въ особенности по отношенію къ столь слабому государству, какова Персія.

Въ виду изложенныхъ въ его запискѣ соображеній Англійское правительство предложило Россіи принять слѣдующую программу: посовѣтовать шаху привлечь въ составъ его совѣта дѣльныхъ и энергичныхъ людей, способныхъ содѣйствовать его величеству въ выработкѣ основныхъ положеній представительнаго правленія и потребовать отъ шаха какъ удаленія двухъ его совѣтниковъ, заявившихъ себя реакціоннымъ направленіемъ, такъ и провозглашенія общей амнистіи всѣмъ его подданнымъ, поднявшимъ противъ него оружіе. Къ этимъ предложеніямъ присоединены были и два другія: 1) посовѣтовать шаху *немедленно* выработать основныя положенія выборнаго правленія въ *соотвѣтствіи съ гражданскими понятіями персидскаго народа* (in conformity with the civic ideas of the persian people) и 2) предложить шаху срокъ, дольше коего не могло бы быть отложено исполненіе его обязательствъ, и объявить ему, что если къ установленному сроку не будетъ даровано представительное правленіе, соотвѣтствующее нуждамъ страны, то ему, шаху, не будетъ оказываемо никакой поддержки со стороны Британскаго и Русскаго Правительствъ, которыя подвергнутъ пересмотру свои отношенія къ его величеству и примутъ мѣры къ огражденію своихъ интересовъ.

Что же касается затронутаго въ запискѣ А. П. Извольскаго вопроса объ оказаніи шаху денежнаго пособія, безусловно необходимаго въ виду его безпомощ-

наго и безвыходнаго положенія, то Англійское правительство заявило, что оно не согласится ни на персидскій крупный заемъ, ни на выдачу какого-либо аванса, пока выборное собраніе (которое предстояло еще создать) не одобритъ сдѣлки.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ не трудно было составить себѣ вѣрное понятіе о цѣляхъ, которыя преслѣдовала Англія.

Минувшій опытъ введенія въ Персіи конституціи далъ одни прискорбные результаты, въ чемъ имѣли вполнѣ возможность убѣдиться какъ Русское, такъ и Англійское правительства. Выборное народное собраніе оказалось не только неспособнымъ къ труду, но и склоннымъ подчиняться вредному вліянію революціонныхъ энджуменовъ. Въ составѣ длинной вереницы министерствъ, смѣнившихся со времени введенія конституціи, находились люди, не лишенные энергіи и способностей, но, будучи связаны по рукамъ и по ногамъ конституціей, въ томъ смыслѣ, какъ ее понимали руководители революціи, они вынуждены были отказаться отъ всякой иниціативы и лишены были возможности удовлетворять самымъ справедливымъ требованіямъ шаха и охранять его достоинство. Нельзя не припомнить при этомъ содержанія депеши отъ 2-го января 1908 г., адресованной Англійскому правительству его бывшихъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегеранѣ г. Марлингомъ, переводъ коей помѣщенъ былъ выше. Охарактеризовавъ въ депешѣ этой въ самыхъ нелестныхъ выраженіяхъ составъ и дѣятельность перваго персидскаго народнаго собранія, г. Марлингъ пришелъ къ заключенію, что новый опытъ созыва такового собранія дастъ столь же прискорбные результаты и что не только современное поколѣніе персіянъ не доросло до конституціонныхъ учрежденій, но что и два будущія поколѣнія окажутся столь же мало подготовленными къ этимъ учрежденіямъ.

Нельзя не подивиться тому, что, несмотря на столь строгій, но вполнѣ справедливый приговоръ, Англійское правительство оставило безъ всякаго вниманія предъявленныя ему А. П. Извольскимъ въ запискѣ отъ 2-го января 1908 года въ высшей степени серьезныя соображенія относительно безусловной необходимости оказать помощь персидскому правительству и предложило ограничиться давленіемъ на шаха въ видахъ побужденія его повторить неудачный опытъ, совершенно упустивъ при этомъ изъ виду, что со времени роспуска перваго народнаго собранія революція въ Персіи сдѣлала гигантскіе шаги, что цѣлые города и области очутились во власти революціонеровъ, что началась гражданская война и что, слѣдовательно, повтореніе неудачнаго опыта должно было повлечь за собой еще болѣе прискорбныя, по всей вѣроятности, роковыя послѣдствія. Помимо всего этого, требованіе о введеніи намѣчаемыхъ Россіей и Англіей реформъ осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что шахъ обязывался осуществить эти реформы въ извѣстный, заранѣе опредѣленный, срокъ, подъ страхомъ, въ случаѣ несоблюденія этого условія, лишиться всякаго права на содѣйствіе обѣихъ великихъ державъ. Но развѣ мыслимо было ожидать, чтобы шахъ, даже въ случаѣ готовности сообразоваться съ совѣтами обѣихъ державъ, въ состояніи былъ въ заранѣе опредѣленный срокъ превратить свое раздираемое революціей государство въ государство конституціонное?

Всѣ эти обстоятельства исключали возможность вѣрить въ искренность Англіи. Онѣ свидѣтельствовали, напротивъ того, о томъ, что держава эта вовсе не думала отречься отъ своей прежней политики, что прискорбное положеніе Персіи ее нисколько не озабочивало, и что въ сущности она намѣрена была неуклонно преслѣдовать свою первоначальную цѣль, заключавшуюся въ

устраненіи Мохаммедъ-Али шаха, какъ приверженца Россіи.

Несмотря на встрѣченныя имъ со стороны Англійскаго правительства возраженія, А. П. Извольскій счелъ долгомъ повторить высказанныя имъ въ запискѣ отъ 2-го января 1909 г. соображенія въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ въ Петербургѣ, содержаніе коей передано было г. Никольсономъ лондонскому кабинету въ депешѣ отъ 23 (10) февраля 1909 г.

Вотъ что писалъ г. Никольсонъ:

«Вчера г. Извольскій сказалъ мнѣ, что онъ не можетъ понять сильныхъ возраженій Великобританскаго правительства по вопросу о предоставленіи персидскому правительству средствъ, которыя дали бы ему возможность приступить къ осуществленію благоустроенной администраціи. Безполезно настаивать предъ шахомъ на изданіи избирательнаго закона и созваніи собранія пока правительство сидитъ безъ денегъ. Г. Извольскій самъ намѣренъ предложить что-нибудь практическое, но ни въ одной странѣ міра нельзя ожидать полезныхъ результатовъ, когда нѣтъ на лицо средствъ, необходимыхъ для начала дѣла».

«Я сказалъ г. Извольскому, что мое правительство не можетъ снабдить шаха средствами, пока не существуетъ увѣренности въ томъ, что онъ установитъ конституціонный режимъ. Помимо этого условія, это значило бы укрѣпить шаха въ его сопротивленіи націоналистическому движенію».

«Г. Извольскій сказалъ, что онъ вовсе не желаетъ снабжать шаха средствами. Сдѣланное имъ предложеніе вкратцѣ заключалось въ слѣдующемъ: настаивать предъ шахомъ на удаленіи реакціонныхъ совѣтниковъ и на приглашеніи въ совѣтъ компетентныхъ и либеральныхъ людей, на дарованіи амнистіи, на обнародованіи избирательнаго закона и на назначеніи сроковъ для

выборовъ и для созванія собранія. Лишь послѣ осуществленія всего этого, а никакъ не раньше, долженъ быть сдѣланъ умѣренный авансъ, но никакъ не шаху, а преобразованному правительству, въ видахъ удовлетворенія неотложныхъ потребностей. Расходованіе аванса должно быть подчинено тщательному контролю и надзору и имѣть исключательною цѣлью пустить въ ходъ административную машину. Вышеизложенныя предложенія представляются весьма разумными и практическими. Когда есть возможность разсчитывать на введеніе лучшей администраціи, нельзя тормозить дѣло изъ-за недостатка денежныхъ средствъ. Между тѣмъ Великобританское правительство отказываетъ въ своемъ согласіи на выдачу такихъ средствъ пока Собраніе не одобритъ этого. Въ силу этого предстоитъ настаивать предъ шахомъ на дарованіи концессій, которыя онъ признаетъ опасными, и въ то же время не давать ему никакой надежды на то, что, въ случаѣ его благоразумія, ему будетъ оказано содѣйствіе въ видахъ упроченія администраціи. Великобританское правительство не испытало тѣхъ серьезныхъ неудобствъ и опасностей настоящаго положенія, которыя испытало Русское Правительство. Послѣднее не можетъ безконечно терпѣть продолженія общей смуты и безпорядковъ на сѣверѣ Персіи. Оно искренно желаетъ введенія и упроченія либеральныхъ учрежденій, чему служатъ достаточнымъ доказательствомъ его предложенія, но при этомъ оно глубоко убѣждено въ томъ, что было бы въ высшей степени неблагоразумнымъ терпѣть существованіе администраціи, опирающейся на пустое казначейство и на неоплаченные войска и чиновниковъ».

Въ имѣвшихся въ моемъ распоряженіи матеріалахъ я не нашелъ никакихъ указаній относительно дальнѣйшихъ объясненій, которыми Русское и Англійское правительства обмѣнялись по вопросамъ, затронутымъ въ

бесѣдѣ А. П. Извольскаго съ англійскимъ посломъ, и потому перехожу къ послѣдней запискѣ отъ 26-го марта 1909 г., которая вручена была нашимъ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ г. Никольсону для сообщенія лондонскому кабинету.

Содержаніе этой записки заключалось въ слѣдующемъ:

«Императорское правительство *принимаетъ измѣненія, которыя Британское правительство предлагаетъ внести въ программу совѣтовъ, имѣющихъ быть даннымі шаху правительствами Русскимъ и Британскимъ.* Окончательно установленное содержаніе этой программы, измѣненной согласно пожеланіямъ, выраженнымъ лондонскимъ кабинетомъ, будетъ таково»:

«1) Правительства Русское и Великобританское тотчасъ же потребуютъ отъ шаха отставки садразама, равно и эмира Бахадуръ-Дженга; отставка этого послѣдняго распространится на всѣ исполняемыя имъ обязанности, какъ въ кабинетѣ министровъ, такъ и во дворцѣ. Тѣмъ не менѣе, если шахъ особенно настойчивымъ образомъ воспротивится удаленію этого сановника изъ дворца, оба правительства не будутъ настаивать на этомъ пунктѣ».

«2) Россія и Англія должны добиться отъ шаха возстановленія конституціоннаго режима въ Персіи посредствомъ немедленнаго введенія реформъ, перечисленныхъ въ слѣдующихъ §§.

«3) Оба правительства настоятъ передъ шахомъ на образованіи кабинета, составленнаго изъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, и на безотлагательномъ введеніи въ составъ государственнаго совѣта просвѣщенныхъ людей, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ, каковому совѣту будетъ поручено выработать новый выборный законъ. Русская и англійская миссіи въ Тегеранѣ представятъ шаху, частнымъ образомъ, списокъ

кандидатовъ, наиболѣе подходящихъ для участія въ кабинетѣ и государственномъ совѣтѣ; само собою разумѣется, что если выборъ шаха упадетъ на лицъ, не внушающихъ необходимаго довѣрія, Персіи не будетъ выданъ какой бы то ни было авансъ.

«4) Оба правительства потребуютъ отъ шаха общей амнистіи всѣмъ, кто взялись за оружіе противъ него и оказались виновными въ политическихъ преступленіяхъ; само собою разумѣется, что эта мѣра не распространится на тѣхъ революціонеровъ, которые совершили сверхъ того преступленія общаго характера.

«Что касается лицъ, уличенныхъ въ разбоѣ и другихъ злоупотребленіяхъ, совершившихъ общія преступленія, пользуясь конституціоннымъ движеніемъ, шахское правительство должно будетъ дать гарантію въ томъ, что на нихъ не будетъ наложено наказанія иначе, какъ по приговору безпристрастнаго суда, какъ это было въ свое время сдѣлано по отношенію къ лицамъ, сѣвшимъ въ бестъ британской миссіи въ Тегеранѣ.

«5) Россія и Англія потребуютъ сверхъ того немедленнаго назначенія времени парламентскихъ выборовъ, какъ равно и срока созванія меджлиса. Эти числа должны быть безотлагательно доведены до свѣдѣнія всей страны.

«6) Русское правительство можетъ, если найдетъ это нужнымъ, выдать персидскому правительству, какъ только будутъ осуществлены шахомъ мѣры, перечисленныя въ §§ 1—5 программы, сумму въ $2^1/_2$ милліона франковъ, предназначенную на покрытіе ближайшихъ расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ реформъ. Съ своей стороны британское правительство, если найдетъ это нужнымъ, можетъ сдѣлать шахскому правительству авансъ такого же размѣра, какъ только законодательное собраніе приметъ проектъ внѣшняго, болѣе или менѣе круп-

наго займа. Въ случаѣ такового рѣшенія меджлиса, обѣ державы окажутъ Персіи свою поддержку въ цѣляхъ заключенія этого займа.

«Императорское правительство полагаетъ, что осуществленіе вышеозначенной программы является для Персіи единственнымъ средствомъ выйти изъ нынѣшняго, почти безвыходнаго, положенія, въ которомъ она теперь находится, и что, если шахъ не приметъ эту программу во всѣхъ ея деталяхъ, Россіи и Англіи придется лишь перестать давать свои совѣты и предоставить Мохаммедъ-Али его собственнымъ средствамъ, послѣ чего онъ не могъ бы болѣе разсчитывать на какую-либо поддержку съ ихъ стороны. Вслѣдствіе этого Русское правительство находило бы желательнымъ, чтобы представители Россіи и Великобританіи, представляя шаху упомянутую программу, сдѣлали ему категорическое заявленіе въ изложенномъ смыслѣ.

Въ первой своей запискѣ отъ 2-го января 1909 г. А. П. Извольскій обращалъ вниманіе Англійскаго правительства на прискорбное положеніе дѣлъ въ Персіи и высказался за необходимость серьезно взвѣсить это положеніе и *установить такой планъ дѣйствій, который имѣлъ бы цѣлью устраненіе дальнѣйшихъ осложненій*. Соображенія эти были совершенно упущены изъ виду въ его второй запискѣ отъ 26-го марта 1909 г. и въ ней перечисленъ былъ лишь рядъ требованій, которыя предполагалось предъявить шаху. Требованія эти не только были тождественны съ тѣми, на которыхъ Россія и Англія и до того настаивали предъ шахомъ, но и усложнялись еще тѣмъ, что для выполненія ихъ предлагалось назначить извѣстный срокъ. Съ мнѣніемъ англійскаго правительства А. П. Извольскій разошелся по одному пункту, а именно по вопросу о выдачѣ персидскому правительству аванса, необходимаго для покрытія ближайшихъ расходовъ, вызываемыхъ введе-

ніемъ реформъ. Англійское правительство находило, что авансъ можетъ быть выданъ лишь послѣ одобренія его меджлисомъ, который обязывался созвать шахъ, тогда какъ А. П. Извольскій подчинялъ выдачу аванса предварительному выполненію шахомъ требованій, которыя предполагалось предъявить ему. Въ сущности между обоими мнѣніями не было большой разности, такъ какъ намѣченныя А. П. Извольскимъ требованія были крайне сложны и стѣснительны. Отъ шаха предполагалось потребовать согласія на удаленіе двухъ преданныхъ ему сановниковъ, возстановленія конституціоннаго режима, образованія кабинета изъ лицъ, заслуживающихъ довѣрія, амнистіи всѣмъ, кто взялся за оружіе противъ шаха, и немедленнаго назначенія сроковъ какъ для парламентскихъ выборовъ, такъ и для созыва меджлиса. При этомъ не былъ вовсе затронутъ вопросъ о выполнимости всѣхъ этихъ требованій, а между тѣмъ вопросъ этотъ представлялъ капитальное, первостепенное значеніе.

Болѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ Тегеранѣ впервые проявилось революціонное движеніе, и за это время революція развилась до крайне опасныхъ размѣровъ. Въ Персіи началась уже гражданская война, и какъ въ Казвинѣ, такъ и въ Исфаханѣ открыто дѣлались приготовленія къ враждебному наступленію на Тегеранъ. Во всѣхъ остальныхъ областяхъ господствовали по прежнему революціонные энджумены, всѣ усилія которыхъ направлены были исключительно къ низведенію шаха и его правительства на степень безпомощныхъ органовъ и которые, выставляя себя защитниками конституціи, интересовались ею лишь настолько, насколько она могла служить покровомъ ихъ эгоистическихъ побужденій и ихъ темныхъ дѣяній. Въ виду такого положенія дѣлъ власть шаха, какъ самъ А. П. Извольскій выразился въ своей за-

пискѣ отъ 2-го января 1909 г., стала лишь *номинальною*. Развѣ возможно было при такихъ условіяхъ требовать отъ Мохаммедъ-Али шаха принятія энергическихъ мѣръ, необходимыхъ для осуществленія сложной программы реформъ, намѣченной въ запискѣ нашего Министра Иностранныхъ Дѣлъ отъ 26-го марта 1909 г. Если бы шахъ подъ давленіемъ представителей Россіи и Англіи и согласился издать фирманъ въ смыслѣ предъявляемыхъ ему требованій, то онъ все же не имѣлъ бы возможности добиться ихъ выполненія. Для созыва новаго меджлиса требовалось, между прочимъ, избраніе депутатовъ въ областяхъ, а такъ какъ въ областяхъ господствовали исключительно революціонеры и анархисты, то они, конечно, послали бы въ меджлисъ депутатовъ, еще болѣе враждебныхъ шаху и его правительству, чѣмъ депутаты, вошедшіе въ составъ перваго меджлиса.

Будущее министерство, какъ бы тщательно оно ни было составлено, неизбѣжно очутилось бы по отношенію къ меджлису въ столь же унизительномъ положеніи, которое пережили всѣ предшествовавшія министерства, и результатомъ всего этого были бы новыя, весьма опасныя осложненія.

Въ виду этого изложенная въ запискѣ А. П. Извольскаго отъ 26-го марта 1909 г. программа совмѣстной дѣятельности Россіи и Англіи представляется ничѣмъ инымъ, какъ безусловною уступкою домогательствамъ Великобританскаго правительства. Она была равносильна произнесенному надъ Мохаммедъ-Али шахомъ безапелляціонному приговору, готовившему ему самую прискорбную участь. Между тѣмъ безсиліе и безпомощность, до которыхъ доведенъ былъ шахъ, были прямымъ послѣдствіемъ того положенія, которое Англія и, по ея примѣру, Россія заняли по отношенію къ событіямъ въ Персіи.

Какъ само собою разумѣется, программа А. П. Извольскаго заслужила полное одобреніе лондонскаго кабинета, вслѣдствіе чего представителямъ обѣихъ великихъ державъ въ Тегеранѣ было предписано сдѣлать шаху соотвѣтствующія представленія и заявить ему, что *осуществленіе программы, о которой идетъ рѣчь, представляетъ для Персіи единственный способъ выйти изъ безвыходнаго положенія, въ которомъ она нынѣ находится*, и что, *если шахъ не приметъ эту программу со всѣми ея подробностями, Россіи и Англіи останется лишь прекратить давать свои совѣты и предоставить Мохаммедъ-Али его собственнымъ силамъ, послѣ чего ему нельзя уже было бы разсчитывать на какую-нибудь съ ихъ стороны поддержку.*

Къ тому времени положеніе Мохаммедъ-Али-шаха стало настолько опаснымъ, что ему не оставалось ничего иного, какъ согласиться на предъявленный ультиматумъ. Получивъ его согласіе, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ г. Саблинъ счелъ необходимымъ адресовать консуламъ нашимъ въ Персіи циркулярную телеграмму, коею консуламъ предписывалось выразить *мѣстнымъ политическимъ дѣятелямъ и областнымъ эндэсумэнамъ* увѣренность, что народъ Персіи окажется достойнымъ довѣрія своего шаха и что представители обѣихъ сосѣднихъ съ Персіей державъ не будутъ раскаиваться въ тѣхъ шагахъ, которые, по порученію своихъ правительствъ, они предприняли передъ шахомъ въ интересахъ счастливаго будущаго персидскаго народа.

«Всякимъ междуусобіямъ», говорилось въ текстѣ телеграммы, «во избѣжаніе серьезныхъ осложненій, долженъ быть нынѣ положенъ конецъ и боровшіеся за конституцію съ оружіемъ въ рукахъ, воспользовавшись дарованною шахомъ амнистіей, должны вернуться къ своимъ обычнымъ, мирнымъ занятіямъ. Лишь

при этомъ непремѣнномъ условіи персидскіе политическіе дѣятели могутъ разсчитывать на симпатіи Россіи, которая, связанная съ Персіей вѣковой дружбой, видитъ дальнѣйшее благополучіе и процвѣтаніе въ тѣсномъ единеніи шаха съ его народомъ».

Какъ и слѣдовало ожидать, краснорѣчивое воззваніе г. Саблина осталось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Положеніе дѣлъ въ Азербейджанѣ.—Блокада Тавриза шахскими войсками и голодъ въ этомъ городѣ.—Вступленіе русскаго отряда въ Тавризъ и другого отряда въ Ардебиль.

Сосредоточенныя въ окрестностяхъ Тавриза шахскія войска были усилены къ началу 1909 г., вслѣдствіе чего начальствующіе ими рѣшились предпринять наступательныя дѣйствія. Ранѣе занятыя революціонерами въ Азербейджанѣ мѣстности стали постепенно переходить во власть правительственныхъ войскъ, а къ концу февраля 1909 г. Тавризъ былъ блокированъ послѣдними и сообщеніе его съ окрестными мѣстностями прекратилось. Сдѣланная шахскими войсками попытка овладѣть Тавризомъ силою не имѣла успѣха, вслѣдствіе чего начальникъ ихъ, принцъ Айн-уд-доулэ, рѣшился голодомъ принудить гарнизонъ и населеніе къ сдачѣ. Дорога между Джульфою и Тавризомъ занята была находившеюся подъ начальствомъ Рахимъ-хана карадагскою конною милиціей, отличавшеюся полнымъ отсутствіемъ дисциплины. Движеніе по этой дорогѣ совершенно прекратилось, и мирное населеніе стало же-

стоко страдать отъ насилій карадагскихъ всадниковъ. Вслѣдствіе обстоятельствъ этихъ въ Тавризѣ въ скоромъ времени обнаружился недостатокъ въ припасахъ, отъ котораго стало страдать городское населеніе. Начавшіеся было между предводителями шахскихъ войскъ и революціонерами переговоры относительно прекращенія военныхъ дѣйствій не имѣли успѣха, и къ началу апрѣля положеніе дѣлъ въ городѣ стало до крайности тревожнымъ, какъ свидѣтельствовала о томъ нижеслѣдующая телеграмма нашего генеральнаго консула въ Тавризѣ г. Миллера отъ 6-го апрѣля 1909 года.

«Доведенное до отчаянія голодное населеніе съ федаями во главѣ не сегодня-завтра попытается разгромить въ поискахъ хлѣба армянскіе кварталы и находящіяся тамъ наше и англійское консульства. Главари увѣрены, что убійство одного изъ консуловъ вызоветъ вмѣшательство Россіи, которая задержитъ сдачу Тавриза шаху и дастъ возможность имъ и нашимъ революціонерамъ скрыться въ Россію, ограбивъ предварительно находящуюся въ консульствѣ кассу банка. Предотвратить возможную катастрофу могла бы лишь присылка чрезъ Джульфу казачьяго полка съ полубатареей и провіантомъ. Обстрѣливаемое со всѣхъ сторонъ консульство продержится лишь нѣсколько часовъ. Хлѣба хватаетъ лишь дня на три. Опасности не преувеличиваю. Она быстро приближается».

Съ своей стороны нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Тегеранѣ телеграфировалъ Императорскому Министерству того же числа нижеслѣдующее:

«Такъ какъ положеніе въ Тавризѣ крайне серьезно, Барклай (англійскій посланникъ) и я рѣшили, для предотвращенія катастрофы въ Тавризѣ, потребовать отъ шаха дать перемиріе съ цѣлью подвоза припасовъ, разъ персидское правительство не въ состояніи военной силой охранить нашихъ консуловъ и подданныхъ. Въ слу-

чаѣ отказа шаха мы намѣрены заявить шаху, что оба правительства сдѣлаютъ его лично отвѣтственнымъ за послѣдствія катастрофы, могущей произойти въ Тавризѣ».

Оба представителя приняты были шахомъ на другой день. Какъ явствуетъ изъ донесенія англійскаго посланника своему правительству отъ 20 (7) апрѣля 1909 г., они изложили положеніе дѣлъ въ Тавризѣ и обратились къ его величеству съ ходатайствомъ объ установленіи перемирія и о дозволеніи ввоза въ Тавризъ извѣстнаго количества съѣстныхъ припасовъ въ видахъ предотвращенія опасности, грозившей какъ консуламъ, такъ и ихъ единоплеменникамъ. Шахъ отвѣтилъ на это, что, согласно имѣющимся у него свѣдѣніямъ, населеніе Тавриза готово подчиниться ему, но что мятежники продолжаютъ нападать на его войска. Онъ прибавилъ, что уже девять мѣсяцевъ мятежники ведутъ борьбу съ нимъ и что въ настоящую минуту, когда мятежники доведены до крайности, онъ затрудняется согласиться на ввозъ въ Тавризъ провіанта и отказаться отъ результатовъ, добытыхъ усиліями его войскъ. Почему же, спросилъ шахъ, консула и ихъ земляки не покидаютъ Тавриза? Г. Саблинъ отвѣтилъ, что консула не считаютъ себя въ правѣ покинуть своихъ единоплеменниковъ на произволъ судьбы и что, съ другой стороны, проживающіе въ Тавризѣ многочисленные русскіе подданные также не имѣютъ возможности покинуть городъ, гдѣ они имѣютъ семейства и имущество. Если бы шахъ,—прибавилъ г. Саблинъ,—располагалъ средствами охраны и тѣхъ и другихъ отъ угрожающей имъ опасности, то представители Россіи и Англіи не преминули бы обратиться къ нему за помощью, но, въ виду невозможности разсчитывать на таковую помощь, оба представителя вынуждены настаивать на своихъ ходатайствахъ. Въ заключеніе шахъ объявилъ, что онъ по телеграфу

предпишетъ принцу Айн-уд-доулэ установить перемиріе на шесть дней и допустить въ теченіе этого срока подвозъ припасовъ въ Тавризъ подъ условіемъ, чтобы шахскія войска за это время не подвергались нападеніямъ со стороны мятежниковъ.

Вышеизложенное заявленіе шаха сообщено было обоими представителями ихъ генеральнымъ консуламъ въ Тавризѣ, но когда консулы обратились чрезъ своихъ делегатовъ къ принцу Айн-уд-доулэ съ цѣлью условиться съ нимъ относительно способовъ выполненія шахскихъ приказаній, принцъ отвѣтилъ, что никакихъ приказаній онъ не получалъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ Императорскимъ Правительствомъ рѣшено было немедленно и форсированно двинуть въ Тавризъ отрядъ для защиты русскихъ подданныхъ и иностранцевъ, для обезпеченія сообщенія по Джульфо-Тавризской дорогѣ и для безпрепятственнаго подвоза провіанта въ Тавризъ, коей возложенъ былъ на правленіе дороги. Отрядъ долженъ былъ состоять изъ трехъ батальоновъ, четырехъ казачьихъ сотенъ, роты саперъ и двухъ батарей.

Такъ какъ между тѣмъ обѣщанные шахомъ приказы относительно дарованія перемирія и пропуска въ Тавризъ продовольствія были подтверждены шахомъ какъ принцу Айн-уд-доулэ, такъ и другимъ начальникамъ шахскихъ войскъ, то Императорскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ адресована была 14-го апрѣля нашему генеральному консулу въ Тавризѣ слѣдующая телеграмма:

«Если ко времени прибытія нашихъ войскъ къ Тавризу приказаніе шаха относительно перемирія и пропуска провіанта будетъ исполнено и необходимости во вступленіи въ городъ не будетъ, войска должны остановиться за городомъ у Аджичайскаго моста, откуда имъ надлежитъ высылать части для выставленія ка-

рауловъ въ нашемъ и иностранныхъ консульствахъ, а также другихъ русскихъ и иностранныхъ учрежденіяхъ, если это признано будетъ нужнымъ».

15-го апрѣля получена была Министерствомъ отъ г. Миллера слѣдующая телеграмма:

«Событія въ Константинополѣ [1]) сдѣлали націоналистовъ несговорчивыми. Переговоры ихъ съ шахомъ безрезультатны. Перемиріе пока соблюдается. Провіантъ доставляется въ Тавризъ въ недостаточномъ количествѣ. Федаи перехватываютъ провіантъ. Они рѣшили продолжать борьбу, увеличивъ предварительно свои запасы. Саттаръ-ханъ открыто грозитъ перестрѣлять всѣхъ европейцевъ при появленіи нашихъ войскъ. Багиръ, повидимому, намѣренъ перейти на сторону шаха. Общее положеніе въ Тавризѣ крайне неудовлетворительно и опасно. Европейская колонія въ большомъ безпокойствѣ и волненіи. Чѣмъ скорѣе прибудетъ отрядъ, тѣмъ лучше. Всякое замедленіе въ движеніи отряда гибельно отзовется на безопасности всѣхъ европейцевъ въ Тавризѣ».

Отрядъ нашъ подъ начальствомъ генералъ-майора Снарскаго прибылъ къ Аджичайскому мосту 17-го апрѣля. Мирное населеніе возликовало, и Саттаръ ханъ, несмотря на свои предшествовавшія угрозы, явился къ генералу, котораго привѣтствовали равнымъ образомъ представители какъ шаха, такъ и тавризскаго энджумена. Но 26-го апрѣля раненъ былъ неизвѣстнымъ рядовой стрѣлковаго взвода Петренко, охранявшій въ кварталѣ Арменистанъ Русское и Англійское консульства. Въ виду этого генералъ Снарскій счелъ долгомъ, по соглашенію съ нашимъ генеральнымъ консуломъ, предъявить самозванному губернатору Иджлал-ульмульку слѣдующія требованія: розыскъ виновниковъ

[1]) Революціонное движеніе въ Константинополѣ.

покушенія для разстрѣлянія, уплата въ вознагражденіе раненому стрѣлку 10.000 тумановъ, разоруженіе федаевъ и патрулированіе улицъ нашими дозорами съ употребленіемъ, въ случаѣ надобности, въ дѣло оружія. Иджлал-уль-мулькъ былъ предупрежденъ что, въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, приступлено будетъ къ разрушенію артиллерійскимъ огнемъ домовъ, караванъ-сараевъ и цѣлыхъ кварталовъ. Въ вознагражденіе раненаго стрѣлка внесено было лишь 3.000 тумановъ. Тѣмъ не менѣе нашъ генеральный консулъ, по соглашенію съ генераломъ Снарскимъ, призналъ желательнымъ удовольствоваться пока этой суммой и не прибѣгать къ дальнѣйшимъ репрессіямъ, дабы не возстанавливать населеніе, тѣмъ болѣе, что надлежащее впечатлѣніе уже было произведено, что число русскихъ федаевъ значительно уменьшилось и что на улицахъ уже не встрѣчалось вооруженныхъ и вольное оружіе было припрятано.

Присутствіе русскаго отряда успокоительно подѣйствовало на мирное населеніе Тавриза, до крайности утомленное предшествовавшею анархіей, но ободренные заявленіемъ о томъ, что начальникъ отряда намѣренъ воздерживаться отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, предводители возстанія Саттаръ-ханъ и Багиръ не только не захотѣли отказаться отъ занятаго ими положенія, но и попытались, при помощи угрозъ, увеличить число своихъ приверженцевъ, которые изъ-за личныхъ интересовъ разсчитывали на возможность продолженія смутъ. Убѣдившись въ безцѣльности своихъ усилій, Саттаръ и Багиръ рѣшились наконецъ прибѣгнуть къ защитѣ турецкаго генеральнаго консула въ Тавризѣ, который, съ разрѣшенія своего правительства, обѣщалъ предоставить какъ имъ, такъ и ближайшимъ ихъ пособникамъ возможность удалиться въ Турцію и увезти съ собою все ихъ имущество, какъ разумѣется, награбленное.

Саттаръ и Багиръ выразили готовность воспользоваться сдѣланнымъ имъ отъ имени турецкаго правительства предложеніемъ, но вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ удаленіи Мохаммедъ-Али шаха съ престола, они измѣнили свои намѣренія и предпочли остаться въ Тавризѣ, несмотря на негодованіе, которое, какъ свидѣтельствовалъ о томъ исполнявшій обязанности англійскаго консула г. Смартъ, питало противъ нихъ благомыслящее населеніе Тавриза. Г. Смартъ полагалъ съ своей стороны, что удаленіе означенныхъ двухъ авантюристовъ весьма желательно, такъ какъ, по мнѣнію его, въ таковомъ случаѣ было бы легче обуздать безпокойную часть населенія, состоящую преимущественно изъ вооруженныхъ федаевъ.

Около того времени получены были свѣдѣнія о весьма серьезныхъ безпорядкахъ среди кочующихъ по близости кавказской границы многочисленныхъ племенъ шахсевеновъ, которые, пользуясь существовавшею въ Азербейджанѣ анархіей, пустились на грабежи, охватившіе всю восточную часть этой области, вслѣдствіе чего прекратилось торговое движеніе по дорогамъ, соединяющимъ Тавризъ, Ардебиль и Астару. Сократившіеся было на короткое время безпорядки возобновились съ новою силою въ началѣ октября 1909 г., когда упомянутый выше Рахимъ ханъ, принимавшій участіе въ осадѣ Тавриза, двинулся со скопищемъ, состоявшимъ изъ карадагцевъ и шахсевеновъ, на Ардебиль съ намѣреніемъ, какъ онъ объявилъ о томъ, выступить на защиту низложеннаго Мохаммедъ-Али шаха и бороться съ его врагами. За отсутствіемъ другихъ средствъ правитель Азербейджана поручилъ Саттаръ-хану отправиться въ Ардебиль съ отрядомъ изъ федаевъ для возстановленія спокойствія. Рахимъ-ханъ безъ труда овладѣлъ Ардебилемъ, защитники коего заперлись въ крѣпости, городъ подвергся грабежамъ шахсевеновъ

и карадагцевъ, а Саттаръ-ханъ спасся бѣгствомъ въ Серабъ. Состоявшая въ распоряженіи мѣстнаго русскаго консула казачья сотня не въ состояніи была надежнымъ образомъ обезпечить безопасность пребывающихъ въ Ардебилѣ многочисленныхъ русскихъ подданныхъ, вслѣдствіе чего нашъ генеральный консулъ въ Тавризѣ, г. Миллеръ, вынужденъ былъ обратиться къ Рахимъ-хану съ письмомъ, коимъ предупредилъ его ,что на него возлагается отвѣтственность за всякій ущербъ, который могъ бы быть причиненъ русскимъ подданнымъ. Въ виду столь критическаго положенія дѣлъ Императорскимъ Правительствомъ рѣшено было выслать съ Кавказа въ Ардебиль русскій военный отрядъ. Послѣдній прибылъ къ мѣсту назначенія въ концѣ октября. Ардебильское населеніе съ восторгомъ привѣтствовало нашъ отрядъ, а два дня спустя, Рахимъ-ханъ съ своимъ скопищемъ рѣшился вернуться въ Карадагъ.

Не смотря на постигшую его въ Ардебилѣ неудачу, Саттаръ не согласился отказаться отъ дѣятельнаго участія въ персидскихъ смутахъ. Изъ опубликованныхъ Англійскимъ правительствомъ документовъ за время отъ начала декабря 1909 г. до конца 1910 г. явствуетъ, что въ февралѣ 1910 г. какъ Саттаръ, такъ и сподвижникъ его Багиръ находились во главѣ федаевъ въ Тавризѣ, гдѣ пребывалъ также бѣжавшій изъ Сибири армянинъ Ефремъ Давудіанъ съ шайкою кавказскихъ анархистовъ. Въ бесѣдѣ съ англійскимъ посломъ А. П. Извольскій сообщилъ г-ну Никольсону, что, судя по дошедшимъ до него слухамъ, федаи и помянутые анархисты замышляютъ будто бы произвести покушеніе на русскій банкъ, что, за отсутствіемъ войскъ и денегъ, тавризскій губернаторъ лишенъ возможности охранять порядокъ и что положеніе дѣлъ представляется тѣмъ болѣе тревожнымъ, что, вслѣдствіе сокращенія со-

става русскаго отряда, въ Тавризѣ и его окрестностяхъ имѣется не болѣе 500 русскихъ солдатъ, включая въ это число нестроевыхъ, и что въ самомъ Тавризѣ находится на лицо лишь половина всего состава. Вслѣдъ затѣмъ англійскій генеральный консулъ въ Тавризѣ довелъ до свѣдѣнія англійскаго посланника въ Тегеранѣ, что образъ дѣйствій Саттара и Багира внушаетъ страхъ мирному населенію и что большинство европейцевъ крайне опасается ухода русскаго отряда, прежде нежели означенныя два лица будутъ усмирены. Въ виду такового положенія дѣлъ русскому посланнику въ Тегеранѣ поручено было Императорскимъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ потребовать отъ персидскаго правительства безотлагательнаго принятія строгихъ мѣръ противъ Саттара и Багира и предупредить персидскихъ министровъ, что, въ случаѣ неисполненія этого требованія, Императорское Правительство непосредственно приметъ надлежащія мѣры. Сдѣланное въ этомъ смыслѣ г-мъ Поклевскимъ-Козелломъ персидскому правительству заявленіе было поддержано англійскимъ посланникомъ г-мъ Барклаемъ. По предъявленіи Саттару и Багиру приказанія персидскаго правительства явиться въ Тегеранъ, они отказались сначала подчиниться этому распоряженію, но когда означенное приказаніе было повторено, они потребовали отъ тавризскаго губернатора предварительной уплаты весьма крупнаго вознагражденія. Въ концѣ концовъ они удовольствовались полученіемъ 3.500 тумановъ, изъ коихъ 1,000 тумановъ были назначены имъ самимъ, а остальные сопровождавшимъ ихъ всадникамъ. Оба авантюриста покинули Тавризъ 6-го марта 1910 г.; при каждомъ изъ нихъ состояло по 50 всадниковъ.

Въ Тегеранѣ Саттаръ и Багиръ очутились во главѣ мѣстныхъ федаевъ и террористовъ, на которыхъ пало

подозрѣніе въ участіи въ нѣсколькихъ совершенныхъ въ концѣ іюля 1910 г. политическихъ убійствахъ. Между прочимъ былъ убитъ одинъ изъ главныхъ тегеранскихъ муджтехидовъ Сеіидъ-Абдулла, пользовавшійся незавидною репутаціею, но принимавшій весьма дѣятельное участіе въ событіяхъ. Въ видахъ очищенія столицы отъ опасныхъ элементовъ персидское правительство рѣшилось издать прокламацію, коею объявлялось, что всѣ лица, хранящія у себя оружіе, но не имѣющія на то права, обязаны сдать таковое въ теченіе 48 часовъ. На прокламацію эту не было обращено вниманія, но когда распространились слухи о намѣреніи правительства прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, до 300 вооруженныхъ федаевъ собрались въ саду Атабека, гдѣ проживали Саттаръ и Багиръ, съ твердымъ намѣреніемъ защищаться. Противъ нихъ выслано было до 1.000 человѣкъ, надъ которыми принялъ начальство между прочимъ упомянутый выше Ефремъ Давудіанъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки, въ стѣнѣ, окружавшей садъ, была пробита артиллеріей брешь, чрезъ которую осаждающіе проникли въ садъ, гдѣ и захватили въ плѣнъ какъ Саттара и Багира, такъ и ихъ приверженцевъ въ числѣ 270 человѣкъ. Правительственныя войска потеряли при этомъ 5 человѣкъ убитыми и 12 ранеными, а федаи 15 человѣкъ убитыми и 27 ранеными. Въ числѣ раненыхъ находился Саттаръ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Революціонное движеніе въ Гилянѣ.—Походъ Сепехдара на Казвинъ.

Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ Персіи, получавшіяся изъ Тегерана извѣстія о борьбѣ, возникшей между Мохаммедъ-Али шахомъ и революціонными партіями, расшевелили населеніе Гилянской провинціи. Образовавшіеся какъ въ главномъ городѣ этой провинціи, Рештѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городахъ энджумены не замедлили принять мѣры къ захвату въ свои руки власти и вступили въ открытую борьбу съ правительственными органами. Подъ вліяніемъ внушеній, исходившихъ равнымъ образомъ изъ Тегерана, городское населеніе раздѣлилось на партіи, нѣкоторыя изъ конхъ увлеклись революціоннымъ движеніемъ, а другія высказались за сохраненіе существующаго порядка. Между партіями стали возникать уличныя свалки, влекшія за собой мѣстные безпорядки, каковые мѣстные губернаторы не имѣли возможности прекратить. Безпорядки эти, вредившіе мѣстнымъ интересамъ, не представлялись, однако, особенно серьезными до конца января 1909 г., когда въ Рештѣ внезапно появилась шайка кавказскихъ анархистовъ, преимущественно армянъ, которые приняли на себя обязанность обучить мѣстное населеніе болѣе усовершенствованнымъ революціоннымъ пріемамъ. Какъ сообщилъ о томъ нашему посланнику въ Тегеранѣ г. Гартвигу генеральный консулъ въ Рештѣ г. Штриттеръ телеграммою отъ 30-го января 1909 г., губернаторъ Решта Сердаръ-Афхамъ, не подозрѣвавшій существованія заговора, былъ застигнутъ заговорщиками въ саду Сердара-Хумаюна, гдѣ онъ мирно игралъ въ карты. Была брошена бомба, убившая губернатора и

сидѣвшихъ съ нимъ лицъ. Изъ сада заговорщики, въ числѣ 200, большею частью армянъ и кавказцевъ, отправились въ домъ губернатора. Домъ его, почта, телеграфъ и зданіе, принадлежащее министерству юстиціи, были разрушены ручными бомбами. Пушки и арсеналъ были захвачены революціонерами. Персидскіе казаки, сербазы и семья убитаго губернатора укрылись въ нашемъ консульствѣ. Революціонеры сообщили консулу, что главной своей задачей они поставятъ соблюдать неприкосновенность жизни и имущества русскихъ подданныхъ и мѣстныхъ жителей.

Возвращавшійся вскорѣ послѣ того изъ Англіи въ Тегеранъ, путемъ на Баку и Рештъ, восточный секретарь англійской миссіи г. Черчиль сообщилъ англійскому посланнику въ донесеніи отъ 18 (5) марта слѣдующія свѣдѣнія:

«Изъ того, что я слышалъ, а равно изъ сообщеній, полученныхъ мною изъ различныхъ источниковъ, я убѣдился, что планъ движенія въ Рештѣ былъ выработанъ на Кавказѣ и что планъ этотъ былъ выполненъ шайкою рѣшительныхъ кавказцевъ, числомъ не болѣе пятидесяти. Въ теченіе слѣдующихъ шести недѣль число ихъ постоянно увеличивалось и, какъ меня увѣряли, оно достигло нынѣ до 350 человѣкъ. Къ кавказцамъ присоединилось затѣмъ значительное число персіянъ, изгнанныхъ изъ Решта и туда вернувшихся. На пароходѣ, на которомъ я слѣдовалъ изъ Баку въ Энзели, находилось до 30 кавказцевъ, которые, какъ оказалось по выходѣ нашемъ изъ Баку, снабжены были значительнымъ количествомъ оружія. По прибытіи въ Рештъ они встрѣчены были своими товарищами, которые устроили имъ овацію. Мнѣ говорили въ Рештѣ, что лица этой категоріи постоянно прибываютъ, и я полагаю, что ихъ находится нынѣ въ Рештѣ до 300 человѣкъ».

Вскорѣ послѣ описаннаго выше выступленія кавказскихъ анархистовъ, въ Рештъ прибылъ состоятель-

ный гилянскій помѣщикъ Мохаммедъ-Вали ханъ Сепехдаръ, ранѣе занимавшій высокое положеніе въ шахской арміи. Нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ онъ принималъ участіе въ осадѣ Тавриза шахскими войсками, но вслѣдствіе столкновенія, возникшаго между нимъ и находившимся во главѣ означенныхъ войскъ принцемъ Айн-уд-доулэ, покинулъ лагерь и удалился въ свои помѣстья. Вслѣдъ за появленіемъ его въ Рештѣ часть городского населенія восторженно привѣтствовала его и, вслѣдствіе обращенныхъ къ нему просьбъ, онъ рѣшился стать во главѣ партіи, якобы добивавшейся конституціонныхъ реформъ. Въ виду такого положенія дѣлъ нѣкоторые изъ персидскихъ министровъ посовѣтовали шаху назначить Сепехдара правителемъ Гиляна. Не довѣряя благонадежности этого сановника, шахъ не рѣшился послѣдовать этому совѣту и лишь предложилъ Сепехдару позаботиться объ успокоеніи населенія и принять на себя завѣдываніе мѣстными дѣлами впредь до назначенія новаго губернатора. Губернаторомъ былъ назначенъ братъ шаха принцъ Шоа-ус-сальтанэ, находившійся еще за границей. Вслѣдъ за появленіемъ его въ Рештѣ онъ былъ задержанъ революціонерами, которые потребовали съ него выкупъ въ 10.000 тумановъ, и только по уплатѣ значительной части этой суммы принцъ получилъ свободу. Существуетъ полное основаніе полагать, что Сепехдаръ тогда же вступилъ въ сношенія съ руководителями революціонныхъ группъ въ другихъ персидскихъ городахъ, а именно въ Тавризѣ и Исфаханѣ, вслѣдствіе чего и состоялось соглашеніе относительно одновременнаго движенія какъ рештскихъ федаевъ, такъ и бахтіаровъ по направленію къ Тегерану. Во исполненіе этого проекта Сепехдаръ поспѣшилъ занять построенную на русскія средства дорогу, соединяющую Каспійское море съ Казвиномъ и служащую главнымъ путемъ сообщенія съ Россіей, и овладѣть Казвиномъ.

Въ виду смутнаго положенія дѣлъ въ Гилянѣ Императорское Правительство признало необходимымъ во второй половинѣ февраля 1909 г. сдѣлать распоряженіе объ усиленіи конвоя нашего консульства въ Рештѣ полусотней казаковъ съ двумя пулеметами для обезпеченія защиты нашихъ и другихъ европейскихъ учрежденій въ Энзели и Рештѣ, а также жизни и имущества иностранцевъ, и одновременно подготовить въ Баку, на случай могущей встрѣтиться въ немъ надобности, болѣе значительный отрядъ. Наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ телеграммою отъ 18-го февраля 1909 г. поручило нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Лондонѣ предупредить о распоряженіи этомъ Англійское правительство.

Распоряженія эти не помѣшали выполненію проекта Сепехдара. Головной отрядъ федаевъ занялъ Казвинъ 21-го апрѣля 1909 г., почти не встрѣтивъ сопротивленія, а нѣсколько дней спустя, прибылъ туда и Сепехдаръ. Его отрядъ состоялъ приблизительно изъ 1.000 человѣкъ, въ числѣ коихъ находилось до 400 кавказцевъ; какъ явствуетъ изъ депеши, адресованной англійскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ своему правительству 20 (7) мая 1909 г., послѣдніе представляли собой наиболѣе стойкій элементъ и держали въ своихъ рукахъ самого Сепехдара. Въ числѣ кавказцевъ находился и бѣжавшій изъ Сибири Ефремъ Давудіанъ. Онъ былъ душою движенія и за заслуги, оказанныя имъ революціи, былъ впослѣдствіи вознагражденъ назначеніемъ на постъ тегеранскаго полицеймейстера.

Нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Тегеранѣ г. Саблинымъ былъ командированъ въ Казвинъ одинъ изъ секретарей миссіи съ порученіемъ уговорить Сепехдара отказаться отъ похода и вернуться въ Рештъ. Сепехдаръ отвѣтилъ, что онъ не въ силахъ заставить находящихся подъ его начальствомъ націоналистовъ сложить оружіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Луристанъ и бахтіары.—Занятіе ими Исфахана.—Походъ на Тегеранъ.

Еще прежде чѣмъ состоялось въ Рештѣ рѣшеніе относительно похода въ Тегеранъ, къ приготовленіямъ къ таковому же предпріятію приступлено было въ одной изъ южныхъ областей Персіи—Луристанѣ. Границами этой провинціи служатъ: съ сѣвера—провинціи Керманшахъ и Хамаданъ, съ востока—Исфаханская провинція, съ юга—долины Арабестана, а съ запада—горные хребты, окаймляющіе съ востока долину рѣки Тигра. Луристанъ населенъ многочисленными племенами, извѣстными подъ общимъ названіемъ луровъ, происхожденіе коихъ составляетъ до сихъ поръ загадку и свѣдѣнія объ общей численности которыхъ весьма разнорѣчивы. Вслѣдствіе ограниченности культурныхъ земель въ этой гористой части Персіи большинство населенія Луристана ведетъ кочевой образъ жизни, промышляетъ преимущественно скотоводствомъ и отличается первобытной грубостью нравовъ, а также хищническими наклонностями. Между лурскими племенами особеннаго вниманія заслуживаетъ племя бахтіаровъ, занимающее восточную окраину Луристана, граничащую съ Исфаханской областью. Страна эта посѣщена была нѣсколькими европейскими путешественниками, оставившими описанія ея, и, между прочимъ, однимъ русскимъ путешественникомъ—барономъ Боде, занимавшимъ въ тридцатыхъ годахъ должность перваго секретаря нашей миссіи въ Тегеранѣ и оставившимъ по себѣ въ Персіи прекрасную память. Я познакомился съ барономъ Боде, когда онъ находился уже въ пре-

клонномъ возрастѣ, и о сношеніяхъ съ нимъ сохранилъ весьма отрадное воспоминаніе.

Бахтіары дѣлятся на многочисленные роды, между которыми съ давняго времени существуютъ распри, для разрѣшенія конхъ спорящія стороны не разъ прибѣгали къ оружію. Обычай кровомщенія существуетъ между ними въ полной силѣ. Бахтіары играли не послѣднюю роль во время междуусобій, возникшихъ послѣ смерти Надиръ-шаха. Нѣкоторые изъ властителей Персіи пытались было покорить ихъ, но попытки эти не имѣли успѣха, благодаря мужеству, съ которымъ мѣстное населеніе отстаивало свою самостоятельность. Физическія условія страны равнымъ образомъ представляютъ значительныя препятствія вторженію непріятеля. Вслѣдствіе неудачи означенныхъ попытокъ персидское правительство, въ видахъ поддержанія своего авторитета среди бахтіаровъ, стало направлять свои усилія къ поощренію междуусобныхъ распрей между мѣстными главарями. Во главѣ бахтіаровъ находится назначаемый шахомъ ханъ, принадлежащій къ одному изъ наиболѣе знатныхъ мѣстныхъ родовъ и пользующійся титуломъ Ильхани. Бахтіары уплачиваютъ персидскому правительству умѣренныя подати, сообразно количеству имѣющихся у нихъ стадъ, и поставляютъ въ персидскую армію солдатъ, которые, по отзывамъ иностранныхъ инструкторовъ, весьма пригодны для военной службы. Всѣ распоряженія по взиманію податей и поставкѣ рекрутъ сосредоточиваются въ рукахъ Ильхани. Въ бытность принца Зилль-эс-султана верховнымъ правителемъ Исфахана бахтіары подчинялись его вліянію. Его обвинили между прочимъ въ убійствѣ тогдашняго Ильхани, Хусейнъ-Кули-хана, но принцъ оправдывался тѣмъ, что преступленіе это было будто бы совершено по приказанію изъ Тегерана.

Въ изданныхъ какъ Русскимъ, такъ и Англійскимъ правительствами документахъ не заключается никакихъ данныхъ, которыя могли бы служить къ разъясненію естественно напрашивающагося вопроса: вслѣдствіе какихъ побужденій полудикое племя бахтіаровъ, заботившееся до тѣхъ поръ исключительно о сохраненіи своей обособленности, могло выступить на защиту конституціонныхъ учрежденій, которыхъ домогались персидскіе революціонеры, но которыя ни подъ какимъ видомъ не могли быть примѣнены къ быту бахтіаровъ. Свѣдѣнія по этому предмету заключаются въ книгѣ корреспондента англійской газеты «Times», Давида Фрезера, лично посѣтившаго страну бахтіаровъ въ 1909 г., и состоятъ въ слѣдующемъ.

Ильханіемъ бахтіаровъ былъ въ то время Исфендіаръ-ханъ, сынъ помянутаго выше Хусейнъ-Кули-хана, пользовавшійся почетнымъ титуломъ Самсам-ус-сальтанэ (мечъ государства). Заподозривъ его лояльность, Мохаммедъ-Али шахъ рѣшился смѣнить его и намѣревался возложить званіе Ильхани на брата его, Сердара Зафера. Самсамъ былъ глубоко оскорбленъ слухомъ объ этомъ распоряженіи, но изъ осторожности не рѣшился явно выступить противъ шаха и предпочелъ скрыть свое негодованіе. Взглядъ свой на отношенія къ шахскому правительству онъ измѣнилъ позже подъ вліяніемъ брата своего Сердара Асада. Послѣдній, предпринявъ путешествіе въ Европу, побывалъ въ Парижѣ, гдѣ и сошелся съ разноплеменными восточными выходцами: персіянами, турками, египтянами и индійцами. Большинство этихъ выходцевъ, недовольное положеніемъ дѣлъ въ ихъ отечествахъ, мечтало объ ихъ возрожденіи. Сердаръ Асадъ весьма естественно поддался воздѣйствію персидскихъ подданныхъ, которые, навлекши на себя неудовольствіе Мохаммеда-Али шаха, хорошо поняли, какъ важно было бы для успѣха ихъ

плановъ привлечь на свою сторону одного изъ главарей многочисленнаго и извѣстнаго мужествомъ племени бахтіаровъ. Рѣшившись принять на себя роль спасителя своего отечества, Асадъ отправился изъ Парижа въ Лондонъ, гдѣ былъ принятъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ сэромъ Эдуардомъ Греемъ, который высказалъ сочувствіе его планамъ, но не согласился снабдить его необходимыми для ихъ выполненія деньгами. Изъ Лондона Сердаръ рѣшился проѣхать въ Бомбей, но на пути туда остановился въ лежащемъ при сліяніи Каруна съ Шат-эль-арабомъ персидскомъ городѣ Мохаммерѣ, правителемъ коего состоялъ весьма вліятельный и богатый шейхъ Хазаль. Послѣдній уже давно домогался уступки ему нѣкоторыхъ, принадлежащихъ бахтіарамъ, земель, уплатилъ часть ихъ стоимости и, воспользовавшись пріѣздомъ Сердара-Асада, чтобы покончить съ нимъ это дѣло, выдалъ ему значительную сумму. Изъ Мохаммеры Сердаръ пробрался къ себѣ на родину, но на первыхъ порахъ не рѣшился приступить къ осуществленію своего замысла въ виду того, что, судя по получавшимся изъ Тавриза свѣдѣніямъ, шансы успѣха находились на сторонѣ шаха. Вслѣдствіе англо-русскаго вмѣшательства въ тавризскія смуты дѣла приняли оборотъ невыгодный для шаха и благопріятствовавшій его врагамъ.

Перехожу къ изложенію событій на основаніи документовъ, опубликованныхъ Англійскимъ правительствомъ.

Въ концѣ декабря 1908 г. англійскій посланникъ въ Тегеранѣ довелъ до свѣдѣнія своего правительства, что въ странѣ бахтіаровъ образовались двѣ враждебныя другъ другу партіи. Сердаръ Заферъ, способствовавшій организаціи отряда изъ бахтіаровъ, отправленнаго въ Тавризъ на помощь шахскимъ войскамъ, пользовался оказываемымъ ему шахомъ благо-

воленіемъ, чтобы добиться лишенія брата своего Самсам-ус-сальтанэ званія Ильхани. Съ другой стороны, Самсамъ, будучи вызванъ шахомъ въ Тегеранъ, отказался подчиниться приказанію подъ предлогомъ болѣзни и изъ опасенія, что отсутствіе его можетъ повлечь за собой смуты между бахтіарами.

Въ депешѣ отъ 26 (13) января 1909 г. г. Барклаи сообщилъ своему правительству слѣдующія свѣдѣнія.

Въ Исфаханѣ, вслѣдствіе притѣсненій и вымогательствъ мѣстнаго генералъ-губернатора, Икбал-уддоулэ, возникли въ концѣ минувшаго декабря серьезныя волненія, каковыя были поощряемы и до извѣстной степени подготовлены мѣстнымъ духовенствомъ. 28 (15) декабря до 200 мелкихъ торговцевъ попытались найти убѣжище въ англійскомъ генеральномъ консульствѣ, но, не будучи туда допущены, укрылись въ шахской мечети, а 31 (18) того же мѣсяца нѣсколько человѣкъ явились въ русское генеральное консульство. Между генералъ-губернаторомъ и главными духовными лицами начались переговоры въ видахъ возстановленія порядка, и весьма возможно, что они привели бы къ мирному соглашенію, если бы Заргамъ-ус-сальтанэ не вступилъ 2-го января (20-го декабря) въ Исфаханъ во главѣ сотни бахтіаровъ и не сталъ бы на сторону лицъ, укрывшихся въ мечети. Во время вооруженнаго столкновенія, возникшаго между шахскими войсками и бахтіарами, до 20 человѣкъ было убито и еще болѣе ранено, преимущественно между безучастными зрителями событій, а къ вечеру того же дня Заргам-ус-сальтанэ овладѣлъ главными стратегическими пунктами города. Отказавшись вслѣдствіе этого отъ дальнѣйшаго сопротивленія, Икбал-уд-доулэ приказалъ своимъ солдатамъ грабить базары, прилегающіе къ генералъ-губернаторскому дому. Ограблено было до 800 лавокъ, владѣльцы коихъ потерпѣли

убытокъ отъ 200.000 до 500.000 тумановъ (?). Къ вечеру того же дня генералъ-губернаторъ, каргузаръ и нѣсколько другихъ мѣстныхъ чиновниковъ укрылись въ англійскомъ генеральномъ консульствѣ, и примѣру ихъ послѣдовали ихъ служители, а также солдаты правительственныхъ батальоновъ. На другой день прибылъ новый отрядъ бахтіаровъ подъ начальствомъ Мунтеземъ-уд-доулэ, а 4-го января (22 декабря) вступилъ въ Исфаханъ Самсам-ус-сальтанэ съ 800 бахтіарами; онъ былъ восторженно привѣтствованъ всѣми классами мѣстнаго населенія.

Получивъ изложенныя выше извѣстія, англійскій посланникъ и русскій повѣренный въ дѣлахъ дважды обращались къ Мохаммеду-Али шаху съ предложеніемъ уволить Икбал-уд-доулэ и временно возложить обязанности генералъ-губернатора на Самсам-ус-сальтанэ, причемъ заявили его величеству, что они возлагаютъ на шахское правительство отвѣтственность за личную и имущественную безопасность подданныхъ обѣихъ державъ. Шахъ не согласился на это, сославшись на то, что Самсам-ус-сальтанэ не внушаетъ ему ни малѣйшаго довѣрія. Засимъ оба представителя чрезъ посредство консуловъ въ Исфаханѣ обратились къ самому Самсам-ус-сальтанэ съ выраженіемъ надежды, что онъ сумѣетъ поддержать порядокъ и съ совѣтомъ воздерживаться отъ всего того, что могло бы воспрепятствовать мирному разрѣшенію существующихъ осложненій. Самсамъ отвѣтилъ увѣреніями въ своихъ мирныхъ и лояльныхъ намѣреніяхъ и присовокупилъ, что онъ готовъ вернуться домой, если получитъ ручательство за свою личную безопасность, а также обезпеченіе въ томъ, что населенію Исфахана будутъ предоставлены конституціонныя права, но что, въ случаѣ высылки военной силы противъ него или противъ города, онъ не оставитъ исфаханское населеніе, такъ же какъ

и оно не оставитъ его. Засимъ въ городѣ учрежденъ былъ временный энджуменъ, который не замедлилъ приступить къ обсужденію вопроса о предстоящихъ парламентскихъ выборахъ, а для покрытія расходовъ на бахтіарскія войска заключенъ былъ заемъ въ 20.000 тумановъ въ счетъ маліата (податей).

Едва ли возможно безусловно повѣрить отзывамъ англійскихъ агентовъ, свидѣтельствовавшихъ объ установленіи добрыхъ отношеній между исфаханскимъ населеніемъ и бахтіарами. По словамъ упомянутаго выше англійскаго писателя Давида Фрезера, лично посѣтившаго Исфаханъ, между обѣими сторонами весьма скоро наступили недоразумѣнія. Три раза уплативъ за одинъ годъ бывшему генералъ-губернатору подати въ годовомъ размѣрѣ, исфаханцы начали жаловаться на то, что единственная выгода, извлеченная ими изъ присутствія бахтіаровъ, свелась къ привиллегіи заплатить тѣ же самыя подати въ четвертый разъ Самсаму. Съ другой стороны, Самсамъ не стѣснялся прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ въ виду того, что, по его мнѣнію, исфаханское населеніе было слишкомъ скупо по отношенію къ храбрецамъ, исхитившимъ его изъ когтей шахскаго сатрапа. Хотя г. Фрезеръ и прибавляетъ, что бахтіарами соблюдался образцовый порядокъ и что они воздерживались отъ посягательствъ на имущество исфаханскихъ гражданъ, но изъ адресованной англійскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ Великобританскому правительству депеши отъ 20 (7) мая оказывается, что за послѣднее время пребыванія бахтіаровъ въ Исфаханѣ случаи безпорядковъ, хищничества и пьянства участились, вслѣдствіе чего бахтіарскіе ханы рѣшились вывести свои войска за городъ; что положеніе дѣлъ въ окрестностяхъ и по дорогамъ стало крайне прискорбно и что торговое движеніе между Исфаханомъ и Ширазомъ совершенно прекратилось.

Сердаръ-Асадъ, главный руководитель бахтіарскаго движенія, прибылъ въ Исфаханъ 23 апрѣля (6 мая) и походъ на Тегеранъ былъ окончательно рѣшенъ. Предназначенный для этой цѣли отрядъ состоялъ приблизительно изъ 1.200 человѣкъ.

Въ виду надвигавшейся опасности шахъ призналъ необходимымъ принять мѣры къ обезпеченію безопасности своей столицы. Рѣшено было выслать въ Кашанъ, лежащій на полпути между Тегераномъ и Исфаханомъ, отрядъ, но отрядъ этотъ былъ весьма слабъ, и притомъ сербазы, не получившіе слѣдовавшаго имъ содержанія почти за два года, съ видимой неохотой выступили въ походъ. Освѣдомившись о высылкѣ отряда, Сердаръ-Асадъ предпочелъ не идти на Кашанъ и направился кружнымъ путемъ въ Кумъ, находящійся въ разстояніи 20 фарсаховъ (около 120 верстъ) отъ Тегерана. Между нимъ и предводителемъ сосредоточенныхъ въ Казвинѣ федаевъ Сепехдаромъ установилось окончательное соглашеніе относительно совмѣстнаго образа дѣйствій, причемъ рѣшено было, что оба отряда соединятся подъ стѣнами Тегерана. Во время пребыванія Асада въ Кумѣ русскому и англійскому генеральнымъ консуламъ въ Исфаханѣ поручено было отправиться въ Кумъ съ цѣлью убѣдить Сердара вернуться въ Исфаханъ. Изъ помѣщенной въ англійской синей книгѣ телеграммы англійскаго посланника въ Тегеранѣ отъ 27 (14) іюня явствуетъ, что оба консула имѣли продолжительное объясненіе съ Сердаромъ, котораго они попытались увѣрить въ томъ, что конституція уже возстановлена шахомъ и что дѣлаются распоряженія къ созванію меджлиса. Сердаръ отвѣтилъ имъ, что шахъ обманываетъ миссіи, но что тѣмъ не менѣе онъ, Сердаръ, готовъ не идти далѣе Кума и ожидать съѣзда въ Тегеранѣ депутатовъ. Увѣривъ обоихъ консуловъ въ своихъ мирныхъ намѣреніяхъ, онъ выразилъ

консуламъ надежду, что они не откажутся поддержать требованія, которыя онъ намѣренъ предъявить отъ имени населеній Тавриза, Решта, Мешеда и другихъ мѣстностей.

Вторая попытка остановить наступленіе на Тегеранъ была сдѣлана русской и англійской миссіями 21-го іюня въ Кередже, въ сорока приблизительно верстахъ на сѣверъ отъ Тегерана, гдѣ соединились къ тому времени Сепехдаръ и Сердаръ Асадъ. Представителямъ обѣихъ миссій поручено было убѣдить обоихъ предводителей въ необходимости терпѣливо и спокойно ожидать созванія меджлиса, объявить имъ, что миссіи готовы употребить всѣ зависящія отъ нихъ усилія съ цѣлью полученія гарантій точнаго выполненія конституціонныхъ постановленій и спросить ихъ: какія гарантіи признаются ими необходимыми. Сепехдаръ предъявилъ слѣдующія требованія:

Сепехдару и Сердару-Асаду, при каждомъ изъ коихъ будутъ состоять по 150 вооруженныхъ людей, разрѣшено будетъ войти въ Тегеранъ для обсужденія нижеслѣдующихъ пунктовъ.

1) Удаленіе съ персидской территоріи войскъ сосѣднихъ государствъ (т. е. русскихъ).

2) Провинціальные энджумены выбираютъ министровъ до открытія парламента; впослѣдствіи энджумены будутъ руководствоваться законами.

3) Выселеніе измѣнниковъ и людей, неугодныхъ народу.

4) Обезоруженіе лицъ, до сихъ поръ не состоявшихъ въ рядахъ войскъ и которыя лишь теперь получили право носить оружіе.

5) Военный министръ отвѣтственъ за все и одинъ распоряжается всѣми вооруженными силами и арсеналами.

6) Увольненіе министра телеграфовъ.

7) Назначеніе конституціонныхъ губернаторовъ должно сначала получить одобреніе мѣстныхъ энджуменовъ.

Представители миссій объявили Сепехдару, что вышеизложенныя требованія будутъ доведены ими до свѣдѣнія ихъ правительствъ, но что, по мнѣнію ихъ, было бы безполезно предъявлять эти требованія шаху, если только Сепехдаръ и Асадъ не ограничатъ ихъ и не удовлетворятся требованіями объ удаленіи измѣнниковъ и людей неугодныхъ народу и объ увольненіи министра телеграфовъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Послѣднія объясненія между Мохаммедъ-Али шахомъ и представителями Россіи и Англіи.—Высылка въ Казвинъ русскаго отряда

Вслѣдствіе одобренія Лондонскимъ кабинетомъ содержанія переданной А. П. Извольскимъ англійскому послу въ С.-Петербургѣ г. Никольсону записки отъ 26-го марта 1909 г. представителямъ Россіи и Англіи въ Тегеранѣ предписано было предъявить Мохаммедъ-Али шаху установленный по соглашенію между обѣими державами проектъ реформъ въ Персіи.

Будучи приняты шахомъ 9-го апрѣля, г.г. Барклай и Саблинъ вручили ему меморандумъ, въ коемъ обращалось вниманіе его на то, что уклоненіе его отъ исполненія его собственныхъ обѣщаній и данныхъ ему обѣими державами доброжелательныхъ совѣтовъ довело Персію до того, что, за исключеніемъ столицы, едва ли есть въ странѣ какая-либо часть, гдѣ центральное прави-

тельство пользовалось бы какимъ-либо значеніемъ, и что если бы шахъ четыре мѣсяца тому назадъ выполнилъ свои обѣщанія, то *изъ этого вытекло бы немедленно примиреніе между его величествомъ и его народомъ*.

Предупредивъ шаха, что, въ случаѣ уклоненія его отъ осуществленія выработаннаго обѣими державами проекта реформъ, онъ будетъ предоставленъ собственнымъ силамъ и не въ правѣ будетъ разсчитывать впредь на какую-либо поддержку со стороны державъ, представители Россіи и Англіи предложили его величеству возстановить конституціонный режимъ, а до того принять слѣдующія мѣры:

1) Уволить отъ всѣхъ должностей двухъ, пользовавшихся наибольшимъ довѣріемъ шаха, сановниковъ (Муширъ-ус-салтанэ и Бохадуръ-Дженга), какъ *дурныхъ совѣтниковъ*.

2) Назначить кабинетъ, составленный изъ заслуживающихъ довѣрія лицъ, и безотлагательно включить въ составъ государственнаго совѣта людей, принадлежащихъ къ различнымъ партіямъ; въ случаѣ включенія въ кабинетъ или совѣтъ лицъ, не внушающихъ довѣрія, Персія не получитъ отъ державъ никакой денежной помощи.

3) Немедленно провозгласить общую амнистію, распространяющуюся на всѣхъ, совершившихъ политическія преступленія, но не имѣющую въ виду совершившихъ общеуголовныя дѣянія.

4) Немедленно установить сроки выборовъ депутатовъ и созыва парламента и обнародовать эти сроки во всей странѣ.

Какъ высказано было въ меморандумѣ, оба правительства полагали, что осуществленіе изложенной выше программы представляло, по мнѣнію обоихъ правительствъ, единственное для Персіи средство выйти изъ ея почти безвыходнаго положенія.

Колеблясь между сознаніемъ необходимости сохранить добрыя отношенія къ Россіи и Англіи и опасеніями, которыя внушало ему примѣненіе либеральныхъ реформъ, шахъ издалъ, въ годовщину своего рожденія, 22-го апрѣля, указъ о возстановленіи конституціи и о срокѣ выборовъ въ парламентъ, но сдѣланныя имъ въ составѣ кабинета измѣненія оказались несоотвѣтствующими совѣтамъ, преподаннымъ ему представителями обѣихъ державъ. Обязанности великаго везира и военнаго министра были возложены на дядю шаха принца Наиб-ус-сальтанэ, упорнаго реакціонера, и въ то же время уволенъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ Саад-уд-доулэ, успѣвшій заслужить довѣріе представителей Россіи и Англіи. Распоряженія эти, какъ шедшія въ разрѣзъ съ совѣтами, преподанными представителями, побудили послѣднихъ предъявить шаху энергическій протестъ, вслѣдствіе чего замедлилось назначеніе новаго кабинета. Слухи о предстоящемъ наступленіи на Тегеранъ какъ казвинскихъ федаевъ подъ начальствомъ Сепехдара, такъ и бахтіаровъ подъ начальствомъ Сердара-Асада побудили шаха сдѣлать новыя уступки домогательствамъ обоихъ представителей. Между прочимъ изъ членовъ государственнаго совѣта и *націоналистовъ* составлена была особая комиссія изъ 21-го лица, на которую возложено было изготовленіе новаго выборнаго закона. Представители Россіи и Англіи возлагали, повидимому, большія надежды на результатъ этого мѣропріятія, но событія шли быстро впередъ и означенныя надежды не оправдались. Несмотря на преподанные имъ отъ имени Россіи и Англіи совѣты, федаи и бахтіары стали приближаться къ Тегерану, и шахъ, подъ вліяніемъ тревоги, пригласилъ къ себѣ 19-го іюня для совѣщанія г.г. Барклая и Саблина.

«Вы увѣряли меня,—сказалъ шахъ, обращаясь къ обоимъ представителямъ,—въ томъ, что возвращеніе конституціи Персіи прекратитъ смуты и сдѣластъ меня счастливымъ государемъ. При этомъ вы неизмѣнно увѣряли меня въ вашей дружбѣ и обѣщали мнѣ, если я буду вести себя конституціоннымъ монархомъ, поддержку и симпатію. Вы думали, что конституція исцѣлитъ эту страну и что народъ мой къ ней подготовится. Я сдѣлалъ все какъ вы мнѣ сказали. Вы видите результаты. Страна въ полной анархіи и мнѣ открыто грозятъ. Я взываю нынѣ къ вашей дружбѣ».

На призывъ этотъ оба представителя дали слѣдующій отвѣтъ:

«Въ теченіе десяти мѣсяцевъ мы уговаривали ваше величество вернуть странѣ конституцію. Восемь мѣсяцевъ вы не слушались нашихъ совѣтовъ. Тѣмъ временемъ противники ваши, видя, что усилія двухъ миссій не давали результатовъ, усилились и вооружились. Обѣ миссіи сдѣлали все возможное, чтобы предотвратить нынѣшній кризисъ. Какъ къ Сепехдару, такъ и къ бахтіарамъ нами были командированы спеціальные уполномоченные. Въ самой столицѣ обѣ миссіи всячески способствовали умиротворенію страстей. Мы обѣщаемъ и впредь употребить наше вліяніе, чтобы настоящій острый кризисъ разрѣшился благополучно и страна успокоилась».

Доведя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія Императорскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ телеграммою отъ 19-го іюня 1909 г., г. Саблинъ присовокупилъ, что аудіенція эта произвела какъ на него, такъ и на г. Барклая тяжелое, невыносимо грустное впечатлѣніе.

Подтвердивъ это въ телеграммѣ, адресованной сэру Эдуарду Грею, англійскій посланникъ засвидѣтельствовалъ, что шахъ держалъ себя съ большимъ достоинствомъ.

Вынесенное обоими представителями изъ аудіенціи 19-го іюня тягостное впечатлѣніе вполнѣ понятно. Какъ ближайшіе свидѣтели событій, они не могли не придти, наконецъ, къ сознанію, что предписанный имъ образъ дѣйствій былъ построенъ на ложныхъ основаніяхъ; что навязываніе шаху либеральныхъ, не примѣнимыхъ въ Персіи, реформъ и, съ другой стороны, отказъ шаху въ предоставленіи ему безусловно необходимыхъ ему для борьбы съ революціей матеріальныхъ средствъ послужили лишь поощреніемъ революціонныхъ элементовъ, и что именно эти обстоятельства, а никакъ не колебанія, съ которыми шахъ относился къ преподаваемымъ ему отъ имени Россіи и Англіи совѣтамъ, были причиною создавшагося безвыходнаго положенія. Имѣвъ въ то же время случай убѣдиться въ безполезности усилій, ранѣе предпринятыхъ ими съ цѣлью помѣшать наступленію федаевъ и бахтіаровъ на Тегеранъ, оба представителя не могли болѣе разсчитывать на успѣхъ своихъ дальнѣйшихъ настояній. Въ виду этого имъ не оставалось ничего иного, какъ склонить головы въ ожиданіи результатовъ надвигавшейся катастрофы. Лишь этими соображеніями могло обусловливаться вынесенное обоими представителями изъ аудіенціи 19-го іюня невыносимо грустное впечатлѣніе.

Приближеніе Сепехдара и Сердара-Асада къ Тегерану и возможность возникновенія въ столицѣ смутъ побудили, наконецъ, Императорское Правительство позаботиться о средствахъ обезпеченія отъ грозившей имъ опасности русской и иностранныхъ миссій, русскихъ и иностранныхъ подданныхъ, а также Энзели-Тегеранской дороги. Рѣшено было немедленно отправить изъ Баку въ Энзели отрядъ, составленный изъ казачьяго полка, изъ батальона пѣхоты и изъ одной батареи. Отрядъ долженъ былъ прослѣдовать не далѣе

Казвина и позаботиться объ установленіи свободнаго сообщенія между этимъ пунктомъ и Каспійскимъ моремъ, а дальнѣйшее его движеніе было поставлено въ зависимость отъ хода событій и отъ благоусмотрѣнія нашей миссіи въ Тегеранѣ. Начальнику отряда было предписано ограничиться вышеупомянутой программой и воздерживаться отъ вмѣшательства въ политическія распри въ Персіи и вообще во внутреннія дѣла страны. Отрядъ предполагалось оставить въ Персіи до того момента, пока жизнь и имущество дипломатическихъ представителей и русскихъ и иностранныхъ установленій и подданныхъ не будутъ ограждены отъ всякой опасности.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что мѣра эта принята была слишкомъ поздно и что о ней не подумали тогда, когда стали организоваться въ Рештѣ и Казвинѣ шайки кавказскихъ анархистовъ. Своевременная высылка отряда предупредила бы безъ всякаго сомнѣнія многія осложненія.

О принятомъ Императорскимъ Правительствомъ рѣшеніи Лондонскій кабинетъ былъ безотлагательно извѣщенъ чрезъ нашего посла въ Лондонѣ. Впечатлѣніе, произведенное на сэра Эдуарда Грея этимъ сообщеніемъ, изложено въ нижеслѣдующей телеграммѣ, адресованной имъ англійскому повѣренному въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ 5-го іюля (22-го іюня) 1909 г.

«Я получилъ отъ графа Бенкендорфа циркуляръ по дѣлу о распоряженіи, предпринимаемомъ Россіею, и отвѣтилъ, что, если положеніе настолько серьезно, что требуетъ высылки военной силы, то я радуюсь тому, что дѣйствія отряда ограничены инструкціей столь опредѣленной, какъ та, о которой упоминается въ циркулярѣ. Я сказалъ, что нашъ собственный опытъ обнаружилъ намъ, какія затрудненія и осложненія могутъ возникнуть вслѣдствіе такого вмѣшательства и

что въ виду этого я считаю себя обязаннымъ обратить вниманіе на риски, съ которыми сопряжена такая мѣра. Я присовокупилъ къ этому, что, по моему мнѣнію, существующія между нами и Россіей прекрасныя отношенія нисколько не пострадали вслѣдствіе объясненій по поводу умѣстности посылки войскъ въ Персію и что, чтобы ни случилось, я искренно желаю сохранить тѣсныя отношенія съ г. Извольскимъ».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Занятіе Тегерана предводителями бахтіаровъ и федаевъ.—Отреченіе Мохаммедъ-Али шаха отъ престола и провозглашеніе шахомъ его сына Султанъ-Ахмеда.—Признаніе Россіей и Англіей новаго персидскаго правительства.

Перехожу къ описанію финала упорной борьбы между Мохаммедъ-Али шахомъ и революціей,—борьбы, длившейся долѣе трехъ лѣтъ.

26-го іюня 1909 г. соединенные отряды Сепехдара и Сердара-Асада, покинувъ Энзели-Тегеранскую дорогу, перешли на юго-западъ отъ Тегерана къ селенію Бадамекъ. На другой день произошло столкновеніе между ними и шахскими войсками, преимущественно казачьими отрядами, которые, имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько усовершенствованныхъ артиллерійскихъ орудій, успѣли отбить атаки мятежниковъ.

Убѣдившись въ невозможности одолѣть охранявшіе Тегеранъ казачьи отряды, предводители мятежниковъ успѣли, какъ заключили впослѣдствіи въ Теге-

ранѣ, путемъ подкупа заручиться тайнымъ содѣйствіемъ одного изъ предводителей шахскихъ иррегулярныхъ войскъ. Слѣдуя разсказу корреспондента газеты «Times» г. Фрезера, ранѣе объѣхавшаго позиціи, бахтіары и федаи прослѣдовали въ ночь на 13 іюня между занятыми казачьими отрядами селеніями Шахабадомъ и Яфтабадомъ, разстояніе между коими равняется приблизительно двѣнадцати километрамъ. На этомъ пространствѣ расположенъ былъ всего одинъ отрядъ шахской иррегулярной кавалеріи, недисциплинированной и ненадежной. Овладѣвъ затѣмъ слабо охранявшимися городскими воротами, революціонеры безпрепятственно проникли въ Тегеранъ, гдѣ на сторону ихъ не замедлила перейти вся городская чернь. Съ наступленіемъ утра вѣсть объ этомъ маневрѣ дошла до русскихъ офицеровъ, вслѣдствіе чего они рѣшились покинуть свои позиціи и вернуться съ казаками въ городъ. Такъ какъ одни изъ тегеранскихъ воротъ оказались незанятыми революціонерами, то отрядъ, состоявшій изъ 400 казаковъ, безпрепятственно вступилъ въ городъ и занялъ свои казармы. Остальные отряды, минуя городъ, направились для защиты шаха къ его лѣтней резиденціи—Сальтанстабаду, куда къ вечеру стянулись и остальныя части шахскаго войска. Такимъ образомъ упомянутый выше отрядъ казаковъ подъ начальствомъ полковника Ляхова очутился изолированнымъ въ своихъ казармахъ посреди мятежной столицы, а бахтіары и федаи, разсѣявшись по городу, стали, при содѣйствіи городской черни, расправляться съ шахскими сербазами.

1-го іюля шахъ сдѣлалъ попытку овладѣть городомъ. Выставивъ казачью артиллерію на высотахъ, окружающихъ шахскій замокъ Касри-Каджаръ, онъ приказалъ открыть огонь по Тегерану и отправилъ два отряда для нападенія на городъ.

Въ виду опасностей, коимъ могли подвергнуться иностранные подданные, англійскій посланникъ и русскій повѣренный въ дѣлахъ признали необходимымъ попытаться остановить кровопролитіе. Будучи приняты шахомъ 1 (14) іюля въ Сальтанетабадѣ, они обратились къ нему съ просьбой прекратить бомбардировку города и объявить перемиріе, которое дозволило бы открыть переговоры. Какъ явствуетъ изъ телеграммы г. Барклая на имя Англійскаго правительства, шахъ далъ имъ слѣдующій отвѣтъ: «Когда вѣрныя мнѣ военныя силы были достаточны для одержанія верха надъ революціонерами, вы удерживали меня, а нынѣ, когда революціонеры заняли Тегеранъ и нападаютъ на мой дворецъ, я долженъ принять всѣ возможныя мѣры для самозащиты. Я не могу провозгласить перемиріе, когда нападаютъ на мои войска. Вы должны побудить моихъ противниковъ отказаться отъ нападеній, и тогда я готовъ буду принять въ соображеніе всѣ конституціонныя ходатайства, съ которыми они ко мнѣ обратятся». Г.г. Барклай и Саблинъ отвѣтили шаху, что ихъ усилія были постоянно направляемы къ возстановленію мира между шахомъ и его народомъ; что ранѣе преподанные ими послѣднему миролюбивые совѣты были, къ несчастію, отвергнуты народомъ; что въ настоящую минуту, когда всѣ выгоды находятся на сторонѣ противниковъ шаха, предлагать имъ сложить оружіе было бы совершенно безполезно; но что, если бы шахъ уполномочилъ обоихъ представителей увѣрить его противниковъ въ своей готовности даровать перемиріе, то они, представители, могли бы помѣшать означеннымъ противникамъ воспользоваться всѣми результатами пріобрѣтенныхъ ими выгодъ. Шахъ рѣшительно отвергъ это предложеніе.

Вслѣдствіе дальности разстоянія, отдѣлявшаго Касри-каджарскія высоты отъ Тегерана, предпринятая

шахскими войсками бомбардировка города оказалась мало дѣйствительной, а отдѣльные отряды, коимъ поручено было занять городъ, наткнулись на превосходныя силы.

Убѣдившись въ безполезности дальнѣйшихъ усилій овладѣть мятежной столицей, шахъ рѣшился искать убѣжища въ лѣтнемъ мѣстопребываніи русской миссіи, въ деревнѣ Зергендэ. 3-го іюля утромъ прибылъ туда его андерунъ (супруга шаха со своей свитой), а, часъ спустя, въѣхалъ въ русскую резиденцію верхомъ самъ шахъ вмѣстѣ съ тринадцатилѣтнимъ наслѣдникомъ престола Султанъ-Ахмедомъ Мирзою, другимъ своимъ сыномъ, а также нѣсколькими приближенными къ нему сановниками.

Овладѣвъ Тегераномъ, Сепехдаръ и Сердаръ-Асадъ не замедлили занять властное положеніе, обезпечивавшее имъ рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ столицѣ. Считаю нелишнимъ привести здѣсь касающіяся этого предмета данныя, заимствованныя изъ донесенія отъ 23 (10) іюля 1909 г., адресованнаго англійскому правительству его посланникомъ въ Тегеранѣ.

Въ виду необходимости выяснить положеніе казачьей бригады, находившейся подъ начальствомъ русскихъ офицеровъ и состоявшей на службѣ шаха, нашъ повѣренный въ дѣлахъ г. Саблинъ возложилъ переговоры по этому предмету на состоявшаго при миссіи г. Евреинова. Встрѣтившись съ Сепехдаромъ и Сердаромъ-Асадомъ въ городскомъ дворцѣ Бехарестанѣ, г. Евреиновъ спросилъ ихъ: какъ поступлено будетъ съ означенными офицерами и казаками, если они сдадутъ свое оружіе, разрѣшено ли имъ будетъ служить будущему правительству и могутъ ли Сердары поручиться за то, что они не подвергнутся какой-либо опасности. Сердары отвѣтили, что націоналисты всегда держались оборонительнаго образа дѣйствій; но что,

въ случаѣ сдачи офицерами и рядовыми казачьей бригады оружія, націоналисты не будутъ болѣе нуждаться въ оборонѣ. Въ виду этого отъ самихъ казаковъ будетъ зависѣть или разойтись по домамъ, или оставаться въ своихъ казармахъ въ качествѣ небоевой части. Сердары присовокупили къ этому, что конституціонному правительству потребуется имѣть въ своемъ распоряженіи хорошо организованныя части, и потому оно готово будетъ оставить казаковъ на службѣ съ сохраненіемъ имъ прежняго содержанія; по сдачѣ ими оружія будутъ приняты возможныя мѣры къ обезпеченію ихъ безопасности. Г. Саблинъ не удовлетворился этимъ отвѣтомъ, не распространявшимся на русскихъ офицеровъ, и, вслѣдствіе состоявшагося между нимъ и англійскимъ посланникомъ соглашенія, драгоманамъ обѣихъ миссій, г.г. Барановскому и Черчилю, поручено было отправиться въ Бехарестанъ и постараться получить письменныя удовлетворительныя обязательства. Сердары были предупреждены, что такъ какъ Мохаммедъ-Али шахъ со всѣмъ своимъ семействомъ и ближайшими къ нему сановниками переселился въ русскую миссію, то миссія полковника Ляхова должна считаться оконченною и что, слѣдовательно, онъ можетъ безъ ущерба собственному достоинству сдать оружіе. Получивъ отъ Сердаровъ письменное обязательство въ томъ, что «казачья бригада временно останется на прежнихъ основаніяхъ подъ начальствомъ полковника Ляхова подъ условіемъ, что послѣдній будетъ вполнѣ подчиняться распоряженіямъ военнаго министра, который будетъ безотлагательно назначенъ», г.г. Барановскій и Черчилль пригласили полковника Ляхова прибыть въ шахиншахскій (англійскій) банкъ, куда долженъ былъ равнымъ образомъ явиться одинъ изъ бахтіарскихъ хановъ, Юсуфъ-ханъ, братъ Сердара-Асада. Полковникъ Ляховъ прибылъ въ банкъ съ казачьимъ

конвоемъ, который онъ тотчасъ же отпустилъ, и затѣмъ отправился вмѣстѣ съ Юсуфъ-ханомъ и обоими драгоманами подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ бахтіаровъ и федаевъ, въ Бехарестанъ, гдѣ и заявилъ, что вмѣстѣ со своей бригадой поступаетъ на службу новаго правительства.

Въ полдень 3-го (16) іюля предводители *націоналистовъ* собрались въ Бехарестанѣ на совѣщаніе, на которомъ было постановлено объявить объ отреченіи Мохаммеда-Али-шаха отъ престола, о вступленіи на престолъ его наслѣдника Султанъ-Ахмедъ шаха и о возложеніи временнаго регентства на принца Азид-уль-Мулька. На томъ же совѣщаніи рѣшено было назначить Сепехдара военнымъ министромъ, Сердара Асада министромъ внутреннихъ дѣлъ, а также организовать чрезвычайный комитетъ изъ двадцати пяти выдающихся націоналистовъ для руководства дѣятельностью министерствъ. Одновременно съ этимъ бѣжавшій изъ Сибири армянинъ Ефремъ былъ назначенъ полицеймейстеромъ Тегерана.

До обнародованія означенныхъ выше постановленій Сепехдаръ и Сердаръ-Асадъ увѣдомили русскую и англійскую миссіи о намѣреніи комитета отправить къ Мохаммеду-Али-шаху депутацію, но шахъ отвѣтилъ, что, покинувъ свою резиденцію, отъ отрекся отъ престола и не видитъ необходимости принять депутацію. На первыхъ порахъ онъ объявилъ г. Саблину, что онъ не можетъ согласиться на разлуку со своимъ любимымъ сыномъ, возведеннымъ на престолъ, и просилъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ устроить такъ, чтобы сыну этому разрѣшено было отправиться на нѣкоторое время вмѣстѣ со своими родителями за границу, или же чтобы, въ случаѣ невозможности удовлетворить этому желанію, на престолъ возведенъ былъ его второй сынъ. По совѣщаніи, англійскій посланникъ и г. Саблинъ пришли

къ убѣжденію, что первое предположеніе могло бы вредно отразиться на судьбѣ Каджарской династіи и побудить націоналистовъ пріискать другого кандидата на престолъ, а что, въ случаѣ принятія націоналистами второго предположенія, старшій сынъ шаха могъ бы впослѣдствіи пожалѣть объ устраненіи своемъ отъ престола и выступить въ качествѣ претендента. Шахъ въ свою очередь призналъ основательность этихъ соображеній и согласился отпустить своего старшаго сына, который вслѣдъ за тѣмъ былъ отвезенъ въ Сальтанетабадъ, гдѣ явившаяся къ нему отъ имени комитета депутація объявила ему о его восшествіи на престолъ. Три дня спустя, англійскій посланникъ и русскій повѣренный въ дѣлахъ сообщили персидскому министру иностранныхъ дѣлъ, по порученію своихъ правительствъ, о признаніи Султанъ-Ахмеда шахомъ Персіи.

По прибытіи Мохаммедъ-Али шаха въ лѣтнее мѣстопребываніе русской миссіи, на флагштокѣ миссіи подняты были русскій и англійскій флаги и къ дверямъ занятаго имъ помѣщенія были для почета приставлены русскій казакъ и индійскій сипай. Засимъ между отрекшимся отъ престола шахомъ и членами персидскаго правительства начались переговоры по вопросамъ, касавшимся матеріальныхъ интересовъ Мохаммедъ-Али. Благодаря участію, которое приняли въ нихъ представители Россіи и Англіи, переговоры эти привели къ соглашенію, и 25 августа (7 сентября) 1909 г. подписанъ былъ, какъ означенными представителями, такъ и всѣми персидскими министрами, протоколъ, коимъ было, между прочимъ, постановлено:

Персидское правительство назначаетъ бывшему шаху Мохаммеду-Али-мирзѣ пенсію въ размѣрѣ 100.000 тумановъ въ годъ, а, въ случаѣ его кончины, вдова его и дѣти, за исключеніемъ двухъ старшихъ сыновей, будутъ получать 25.000 тумановъ въ годъ.

Персидское правительство принимаетъ на себя всѣ ранѣе сдѣланные бывшимъ шахомъ долги, дѣйствительность коихъ доказана будетъ документами.

Бывшій шахъ уступаетъ персидскому правительству всѣ свои недвижимыя имѣнія.

Онъ обязуется равнымъ образомъ передать персидскому правительству всѣ имѣющіяся у него и принадлежащія казнѣ драгоцѣнности, а также списокъ тѣхъ драгоцѣнностей, которыя не находятся на лицо. Русская и англійская миссіи позаботятся о предоставленіи персидскому правительству возможности получить эти послѣднія драгоцѣнности, а если онѣ не будутъ разысканы, стоимость ихъ будетъ удержана изъ пенсіи слѣдующей бывшему шаху.

Представители Россіи и Англіи обязуются сдѣлать бывшему шаху серьезныя внушенія съ цѣлью побудить его воздерживаться отъ какой бы то ни было политической агитаціи въ Персіи, а, со своей стороны, Русское Правительство обязуется принять дѣйствительныя мѣры въ видахъ недопущенія таковой агитаціи. Если бывшій шахъ покинетъ Россію и будетъ доказано, что во время пребыванія своего въ другой странѣ онъ занимался агитаціей, персидское правительство будетъ имѣть право прекратить производство назначенной ему пенсіи.

Два дня спустя, Мохаммедъ-Али-мирза покинулъ помѣщеніе русской миссіи и отправился въ Энзели вмѣстѣ со своимъ семействомъ и немногими сановниками, не пожелавшими остаться въ Персіи. Его сопровождали: представители русской и англійской миссій, г.г. Некрасовъ и Коуанъ, 120 персидскихъ казаковъ съ русскимъ офицеромъ, три казака отъ конвоя русской миссіи, три индійскіе сувара, и состоявшій при бывшемъ шахѣ есаулъ Хабаевъ. 17 (30) сентября Мохаммедъ-Али-мирза сѣлъ въ Энзели на русскій пароходъ и отправился въ Россію.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Заключеніе.

Въ виду первостепенной важности совершившагося въ Персіи переворота, отреченія отъ престола Мохамедъ-Али шаха и провозглашенія шахомъ его сына Султанъ-Ахмеда, нельзя не пожелать ознакомиться со взглядами на эти событія представителей русской политики. Для выясненія этого вопроса приходится обратиться въ англійской синей книгѣ, въ коей помѣщены три нижеслѣдующія телеграммы, обмѣненныя между Великобританскимъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ, сэромъ Эдуардомъ Греемъ, и англійскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ, г. О'Берномъ.

1. *Телеграмма отъ сэра Эдуарда Грея Г. О'Берну отъ 15(2) іюля 1909.*

Великобританское правительство отдаетъ полную справедливость умѣренности и сдержанности, коими руководилась Россія, задержавъ свои войска въ Казвинѣ; въ то же время оно вполнѣ понимаетъ затрудненія, съ коими сопряжено положеніе Россіи относительно Персіи. Уклоненіе отъ вмѣшательства въ борьбу между соперничающими партіями и предоставленіе послѣднимъ свободы непосредственно рѣшить существующія между ними распри произведетъ въ странѣ этой (въ Англіи) наилучшее впечатлѣніе. Занятое Россіей положеніе облегчаетъ намъ возможность откровенно и лояльно работать въ согласіи съ нею. Вы можете увѣрить г. Извольскаго, что его образъ дѣйствій укрѣпляетъ въ насъ желаніе совмѣстной съ нимъ работы».

2. *Телеграмма отъ Г. О'Берна сэру Эдуарду Грею отъ 16(3) іюля 1909 г.*

Сегодня утромъ я видѣлся съ г. Извольскимъ и прочелъ ему вашу телеграмму отъ 15-го іюля, въ которой вы выразили удовольствіе по поводу сдержанной политики, которой Русское правительство держалось по отношенію къ недавнимъ событіямъ въ Персіи. Въ только что полученной его превосходительствомъ телеграммѣ Рейтерна сообщалось, что шахъ искалъ убѣжища въ русской миссіи. Г. Извольскій сказалъ, что его правительство никогда не намѣревалось поддерживать шаха, хотя оно и было въ этомъ подозрѣваемо; онъ прибавилъ, что полученное имъ извѣстіе доставило ему облегченіе (was a relief to him). Его превосходительство сказалъ мнѣ, что Русское правительство заявитъ какому бы то ни было правительству, которое установилось нынѣ (въ Персіи), что оно будетъ признано, если только успѣетъ поддержать порядокъ; но Россія будетъ вынуждена принять необходимыя для охраненія своихъ интересовъ мѣры, если окажется, что персидское правительство не въ состояніи обезпечить спокойствіе».

3. *Телеграмма отъ сэра Эдуарда Грея Г. О'Берну отъ 19(6) іюля 1909 г.*

«Графъ Бенкендорфъ видимо испытываетъ удовольствіе и облегченіе (is evidently delighted and relieved) по поводу того, что во время совершившейся перемѣны правительства (въ Персіи) не потребовалось вмѣшательства въ Тегеранѣ. Я отвѣтилъ ему, что я вполнѣ раздѣляю его чувства и что, по моему мнѣнію, умѣренность и сдержанность Россіи произвели какъ здѣсь, такъ и въ Персіи весьма выгодное впечатлѣніе. Я заявилъ графу Бенкендорфу, что я съ удовольствіемъ смотрю на добрыя отношенія, установившіяся, повидимому, между новымъ (персидскимъ) правительствомъ и русскими офицерами, состоявшими на службѣ шаха,

и что я увѣренъ въ томъ, что правительственныя перемѣны не вызовутъ никакихъ затрудненій, неблагопріятныхъ для русскихъ интересовъ».

Не легко понять, почему послѣдніе результаты совмѣстныхъ усилій Россіи и Англіи произвели благопріятное впечатлѣніе какъ на А. П. Извольскаго, такъ и на графа Бенкендорфа. Правда, предпринятое обѣими великими державами на Мохаммедъ-Али шаха давленіе, настойчивость коего напоминала собою травлю, увѣнчалось успѣхомъ. Шахъ былъ затравленъ и вынужденъ отречься отъ престола и покинуть Персію. Результатъ этотъ могъ удовлетворить Англійское правительство, которое не могло простить шаху его руссофильскихъ чувствъ и, какъ можно заключить изъ хода дѣлъ, направляло всѣ свои усилія къ тому, чтобы поставить его въ безвыходное положеніе; но трудно допустить, чтобы къ результату этому имѣли право съ той же самой точки зрѣнія отнестись представители русской политики. Мохаммедъ-Али шахъ вступилъ на престолъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, когда въ Персіи уже созрѣло революціонное движеніе. Не было основанія возлагать на него отвѣтственность за возникшія осложненія, и какъ это обстоятельство, такъ и его руссофильскія чувства давали ему право разсчитывать на поддержку со стороны Россіи,—поддержку для него безусловно необходимую не только для осуществленія самыхъ элементарныхъ реформъ въ Персіи, но и для уплаты жалованья администраціи и, въ особенности, войскамъ, на которыя ему приходилось опираться въ виду грозившихъ ему опасностей. Не только въ поддержкѣ этой ему было отказано, но русскій Министръ Иностранныхъ Дѣлъ, подчинившись внушеніямъ Англіи, принялъ рѣшеніе воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи,—рѣшеніе, имѣвшее непосредственнымъ результатомъ упадокъ авторитета шаха въ гла-

захъ его подданныхъ и способствовавшее поощренію его противниковъ-революціонеровъ. Вслѣдъ за тѣмъ Русское и Англійское Правительства, опять таки по иниціативѣ послѣдняго, поручили своимъ представителямъ въ Тегеранѣ настаивать предъ шахомъ на возстановленіи отмѣненнаго имъ 10-го іюня 1908 года конституціоннаго режима, первое примѣненіе коего имѣло единственнымъ послѣдствіемъ усиленіе смуты. Испытавъ на себѣ эти прискорбныя послѣдствія, шахъ не могъ рѣшиться послѣдовать совѣтамъ обоихъ представителей и повѣрить ихъ голословнымъ и неоправдывавшимся обстоятельствами увѣреніямъ въ томъ, что возстановленіе конституціи повлечетъ будто бы за собой возстановленіе спокойствія во всей Персіи. Но, дабы не вредить отношеніямъ своимъ къ обѣимъ великимъ державамъ, онъ не рѣшался отвѣчать на дѣлавшіяся ему представленія отказомъ, а предпочиталъ держаться уклончиваго образа дѣйствій; онъ давалъ представителямъ полуобѣщанія, или же прибѣгалъ къ полумѣрамъ, каковыя признавались представителями неудовлетворительными.

Пока длились эти безцѣльныя и безплодныя пререканія, революція, не встрѣчавшая ни откуда фактическаго противодѣйствія, дѣлала быстрые успѣхи. Вся Персія покрылась сѣтью революціонныхъ энджуменовъ, не признававшихъ надъ собою никакой власти и открыто проповѣдывавшихъ анархію; разбои и грабежи распространились повсемѣстно и открылась наконецъ гражданская война. Тавризъ очутился во власти двухъ опасныхъ авантюристовъ-грабителей, Саттара и Багира, сгруппировавшихъ около себя такъ называемыхъ федаевъ, навербованныхъ среди подонковъ персидскаго населенія, а въ Рештѣ, Казвинѣ и Исфаханѣ было открыто приступлено къ формированію отрядовъ, предназначенныхъ для похода противъ Тегерана подъ предлогомъ вынужденія шаха возстановить конституцію.

Въ Исфаханѣ поборниками конституціоннаго режима выступили главари полудикаго племени бахтіаровъ, увлеченные, какъ само собою разумѣется, честолюбіемъ и мечтавшіе, безъ всякаго сомнѣнія, о возможности захватить въ свои руки верховную власть въ Персіи по примѣру племенныхъ начальниковъ, которымъ во времена предшествовавшихъ персидскихъ революцій удавалось достигнуть этой цѣли. Выступленіе бахтіарскихъ хановъ на защиту персидской конституціи объясняется, по мнѣнію корреспондента газеты «Times», Давида Фрезера, тѣмъ, что одинъ изъ нихъ, Сердаръ-Асадъ, принявшій впослѣдствіе начальство надъ отрядомъ, высланнымъ противъ шаха, ранѣе побывалъ въ Лондонѣ и видѣлся съ англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, который отнесся сочувственно къ его планамъ.

Въ Рештѣ и Казвинѣ въ качествѣ иниціаторовъ революціоннаго движенія выступили прибывшіе изъ Закавказья анархисты: армяне-дашнакцутюнцы, грузины и мусульмане. Около нихъ сгруппировались федаи, и въ числѣ армянъ оказался бѣжавшій изъ Сибири каторжникъ Ефремъ Давудіанъ, коему въ виду обнаруженной имъ энергіи, предводители возстанія согласились предоставить руководящую роль. Кавказскіе выходцы открыто проповѣдывали персіянамъ пренебреженіе и ненависть къ Россіи. Принятая наконецъ Императорскимъ Правительствомъ, въ виду постояннаго осложненія дѣлъ въ Персіи, мѣра, а именно, высылка въ Тавризъ и Рештъ военныхъ отрядовъ, коимъ воспрещено было, однако, вмѣшательство во внутреннія дѣла Персіи, не могла существеннымъ образомъ измѣнить ходъ событій. Выступившіе по направленію къ Тегерану мятежные предводители, бахтіаровъ—Сердаръ-Асадъ и казвинскихъ федаевъ—Сепехдаръ, съ пренебреженіемъ отнеслись къ преподаннымъ имъ отъ имени

русскаго и англійскаго представителей совѣтамъ пріостановить движеніе въ виду готовности шаха возстановить конституцію, и 26-го іюня 1909 года они соединились въ окрестностяхъ персидской столицы, а 30-го того же мѣсяца заняли ее. Послѣ неудачной попытки вновь овладѣть городомъ, Мохаммедъ-Али шахъ рѣшился отречься отъ престола, и шахомъ провозглашенъ былъ тринадцатилѣтній наслѣдникъ Султанъ-Ахмедъ.

Немыслимо допустить, чтобы переворотъ этотъ могъ быть благопріятенъ для интересовъ Россіи. Въ государствѣ со столь слабымъ организмомъ, какова Персія, легко разрушается существующее, но создать что-либо новое и прочное представляется дѣломъ неимовѣрно труднымъ. Вѣрно понятые интересы Россіи требовали отъ Императорскаго Правительства противодѣйствія создавшимся въ странѣ этой разрушительнымъ элементамъ и не дозволяли уклоненія отъ направленія, коимъ до того руководствовалась наша политика. Въ виду симпатій, которыя Мохаммедъ-Али шахъ питалъ къ Россіи, слѣдовало безотлагательно оказать ему нравственную поддержку и предоставить ему извѣстныя средства, которыя облегчили бы ему борьбу съ революціей, а затѣмъ помочь ему въ дѣлѣ введенія наиболѣе насущныхъ реформъ въ видахъ устраненія существовавшихъ злоупотребленій,—реформъ, для осуществленія коихъ потребовалось бы содѣйствіе благонадежныхъ и опытныхъ спеціалистовъ. Англія, представитель коей въ Константинополѣ принималъ весьма дѣятельное участіе въ дѣлѣ проведенія предпринятыхъ въ Македоніи на основаніи русско-австрійскаго соглашенія 1903 года реформъ, едва ли рѣшилась бы уклониться отъ участія въ примѣненіи приблизительно таковой же программы въ Персіи, еслибы таковая была предложена ей и поддержана съ надлежащею твердостью Императорскимъ Правительствомъ.

Послѣдующія событія доказали въ весьма скоромъ времени, какъ неблагопріятна была, какъ для Россіи, такъ и для самой Персіи, политика невмѣшательства во внутреннія дѣла страны этой, каковую А. П. Извольскій согласился усвоить вслѣдствіе представленія англійскаго правительства.

Революція, которую пережила и продолжаетъ еще переживать Персія, пустила глубокіе корни. Разнуздавъ самые дикіе страсти и инстинкты, она внесла растлѣвающіе элементы въ народную жизнь, расшатала всѣ отношенія и имѣла послѣдствіемъ всеобщую анархію. На сцену выступили многочисленные авантюристы, присвоившіе себѣ право изъ-за личныхъ интересовъ распоряжаться судьбою своей родины. Грабежи, коимъ предались преимущественно кочевыя племена, распространились на всю Персію. Благодаря появленію русскихъ отрядовъ въ Тавризѣ и Рештѣ, положеніе дѣлъ въ городахъ этихъ улучшилось, но въ остальныхъ частяхъ Персіи попрежнему господствуютъ революціонные и анархическіе элементы. При такихъ условіяхъ нѣтъ основаній разсчитывать, чтобы учрежденное въ Тегеранѣ, вслѣдъ за отреченіемъ Мохаммеда-Али шаха и признанное Россіей и Англіей правительство способно было въ скоромъ времени укрѣпиться и подчинить своему авторитету провинціи. При томъ правительство это, обязанное своимъ происхожденіемъ революціи, вынуждено считаться съ вопросомъ о конституціи, защитниками коей выступили его члены, а разрѣшеніе вопроса этого представляется по прежнему крайне загадочнымъ.

О результатахъ дѣятельности персидскаго правительства за два года, истекшіе со времени отреченія Мохаммедъ-Али шаха, даетъ возможность судить правительственное сообщеніе, помѣщенное въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» отъ 27-го іюля 1911 года.

Вслѣдствіе появленія бывшаго шаха въ кочевьяхъ туркменъ-іомудовъ, населяющихъ восточный берегъ Каспійскаго моря, персидское правительство сочло себя въ правѣ прекратить уплату назначенной ему, на основаніи протокола 23-го августа 1909 года, пенсіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно обратилось къ Императорскому Правительству съ нотою, въ коей заявило, что со стороны Россіи не были принимаемы мѣры къ прекращенію интригъ со стороны бывшаго шаха и къ предупрежденію его возвращенія въ Персію, вслѣдствіе чего оно сочло себя въ правѣ сложить съ себя всякую отвѣтственность за убытки, которые могли бы быть причинены русскимъ подданнымъ отъ появленія Мохаммеда-Али шаха въ персидскихъ предѣлахъ.

Въ виду столь произвольнаго толкованія фактовъ, Императорское Правительство сочло себя обязаннымъ отвѣтить тегеранскому кабинету нотою слѣдующаго содержанія:

«Русское Правительство подтвердило, что оно не оставляло безъ вниманія заявленія персидскаго правительства о наблюдавшихся въ Персіи интригахъ со стороны шаха. Мохаммеду-Али неоднократно дѣлались серьезныя представленія и притомъ не только въ бытность его въ Одессѣ, но и во время пребыванія его величества за границей. Такъ какъ, однако, заявленія персидскаго правительства не подкрѣплялись доказательствами, то являлось полное основаніе полагать, что шахъ не былъ лично причастенъ къ какой-либо агитаціи, что послѣдняя велась помимо него и лишь его именемъ другими лицами. Во всякомъ случаѣ обязанность бороться противъ агитаціи въ странѣ лежала прежде всего на самомъ персидскомъ правительствѣ, которое, однако, не проявило въ этомъ отношеніи достаточной энергіи, какъ не приняло оно и никакихъ мѣръ къ предупрежденію возвращенія шаха, хотя оно,

повидимому, и ожидало прибытія его именно со стороны туркменской степи. Съ осени прошлаго года Мохаммедъ-Али, съ небольшими промежутками, проживалъ все время за границей, гдѣ Русское правительство не имѣло ни обязанности, ни возможности за нимъ слѣдить. Черезъ Россію онъ проѣхалъ неожиданно и инкогнито».

Далѣе въ той же нотѣ было отмѣчено, что «за два года, истекшіе со времени удаленія Мохаммеда-Али шаха изъ Персіи, персидскимъ правительствомъ не было сдѣлано почти ничего для умиротворенія страны и упроченія въ ней порядка. Постоянные министерскіе кризисы, мелочная борьба партій и безплодная большею частью дѣятельность меджлиса, характеризовавшіе весь этотъ двухлѣтній періодъ, несомнѣнно способствовали подготовленію почвы для интригъ въ пользу бывшаго шаха и его возвращенія въ Персію. Въ виду этихъ соображеній Русское правительство не признаетъ возможнымъ сложить съ персидскаго правительства отвѣтственность за убытки и подтверждаетъ, что оно будетъ считать его по прежнему отвѣтственнымъ за всякій ущербъ, который будетъ причиненъ русскимъ правительственнымъ или частнымъ интересамъ внутренними персидскими неурядицами».

Опубликованные до сихъ поръ Англійскимъ правительствомъ документы равнымъ образомъ свидѣтельствуютъ о томъ, что новое персидское правительство оказалось безсильнымъ положить конецъ анархіи. Доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, нижеслѣдующій переводъ ноты, адресованной означенному правительству англійскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ, г-мъ Барклаемъ, 14-го октября 1910 года.

«Я неоднократно,—писалъ г. Барклай,—привлекалъ вниманіе персидскаго правительства на прискорбную небезопасность дорогъ въ южной Персіи. Къ несча-

стію, представленія мои не принесли пользы. Не только не послѣдовало никакого улучшенія, но, напротивъ того, означенныя дороги очутились въ худшемъ, чѣмъ когда-либо положеніи со времени начала моей миссіи въ Персіи. Разбои и насилія участились и главные пути, которыми англійская торговля направлялась во внутрь Персіи, въ настоящее время закрылись вслѣдствіе грабежей племенъ, которыя, повидимому, совершенно ускользнули изъ-подъ контроля центральнаго правительства. Я отлагаю пока переговоры относительно многочисленныхъ требованій, которыя предъявлены были какъ англійской миссіей, такъ и англійскими консульствами персидскому правительству и персидскимъ мѣстнымъ властямъ по дѣламъ о насиліяхъ, коимъ подвергались англійскіе подданные, и объ ограбленіи англійскихъ товаровъ на означенныхъ выше дорогахъ. По всѣмъ этимъ требованіямъ, изъ которыхъ едва ли одно было удовлетворено со времени моего вступленія въ должность великобританскаго посланника въ Тегеранѣ, будутъ, какъ само собой разумѣется, продолжаться переговоры съ персидскимъ правительствомъ и мѣстными властями и удовлетвореніе по нимъ будетъ потребовано. Но въ настоящее время вниманіе мое обращено преимущественно на мѣры, которыя предстоитъ принять въ видахъ улучшенія положенія, признаваемаго Великобританскимъ правительствомъ нестерпимымъ. Во исполненіе полученной мною отъ главнаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ инструкціи, я считаю долгомъ васъ увѣдомить, что, если въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, считая отъ сего дня, не будетъ возстановленъ, согласно желанію Великобританскаго правительства, порядокъ на дорогахъ между Буширомъ и Ширазомъ и Ширазомъ и Исфаханомъ, на которыхъ совершались самые возмутительные насилія и безпорядки, то Великобританское правительство вынуждено

будетъ вопреки своей волѣ отъ себя принять мѣры, которыя окажутся необходимыми въ видахъ установленія надлежащаго надзора на означенныхъ дорогахъ».

«Я считаю долгомъ присовокупить, что если персидское правительство не успѣетъ въ указанный выше срокъ возстановить порядокъ, то, по мнѣнію Великобританскаго правительства, прежде всего потребуется организація для установленія полицейскаго надзора на помянутыхъ выше дорогахъ туземной силы въ 1000 или 1200 человѣкъ подъ командой извѣстнаго числа англійскихъ офицеровъ индійской арміи. Расходы на содержаніе этой силы будутъ относимы частію на десятипроцентный дополнительный таможенный сборъ, которымъ будутъ обложены всѣ товары, ввозимые въ южные порты, а частію на доходы провинціи Фарса. Надлежащая часть какъ этихъ доходовъ, такъ и упомянутаго выше дополнительнаго сбора будетъ уплачиваема офицеру, который будетъ командовать силою. Я увѣренъ, что персидское правительство обратитъ самое серьезное вниманіе на этотъ вопросъ».

Послѣдствія революціи крайне невыгодно отразились и на международномъ значеніи Персіи. Воспользовавшись наступившею въ странѣ этой смутою, Турки стали захватывать пограничныя мѣстности, издавна составлявшія предметъ споровъ между обѣими мусульманскими державами, а какъ только они убѣдились въ безучастномъ отношеніи Россіи къ судьбѣ Мохаммеда-Али шаха, они распространили свои захваты и на области, издавна состоявшія во владѣніи Персіи и на которыя Турки не рѣшались раньше простирать свои притязанія. Территорія, захваченная Турками, представляетъ площадь, превышающую 10.000 квадратныхъ километровъ, и въ большей части захваченныхъ мѣстностей уже введена турецкая администрація. Наступательное движеніе Турокъ крайне невыгодно отразилось

на положеніи дѣлъ на кавказской границѣ, и, дабы предупредить дальнѣйшіе захваты, Императорское Правительство вынуждено было занять своими отрядами нѣкоторые округи Азербейджана, коимъ могла грозить опасность захвата. Вмѣстѣ съ тѣмъ подвергся коренному измѣненію способъ разрѣшенія возникающихъ между обѣими мусульманскими державами пограничныхъ споровъ. Состоявшійся въ 1847 г. въ Эрзерумѣ турецко-персидскій договоръ былъ заключенъ при посредствѣ Россіи и Англіи, которыя приняли на себя посредство во всѣхъ дальнѣйшихъ турецко-персидскихъ пограничныхъ спорахъ и коммиссарами коихъ изготовлена была подробная карта спорной полосы. Таковой порядокъ вещей служилъ благонадежной гарантіей правильнаго разрѣшенія споровъ, но въ 1911 году между Турціей и Персіей состоялось въ Тегеранѣ соглашеніе, въ силу коего означенные споры должны быть переданы на обсужденіе имѣющей собраться въ Константинополѣ турецко-персидской комиссіи и, если переговоры не приведутъ въ теченіе шести мѣсяцевъ къ окончательному соглашенію, то споры будутъ переданы на разсмотрѣніе гаагскаго международнаго трибунала. Въ этихъ спорахъ Императорское Правительство не разъ съ успѣхомъ отстаивало законныя права Персіи, а вновь установленный порядокъ разсмотрѣнія означенныхъ споровъ далеко не представляетъ для Персіи тѣхъ гарантій, которыя обезпечивалъ ей предшествующій порядокъ. Согласіе настоящаго персидскаго правительства на подписаніе тегеранскаго протокола 8-го декабря 1911 г. можетъ быть приписано лишь предубѣжденіямъ, съ которыми правительство это, созданное революціей, относится къ Россіи. Въ виду вышеизложеннаго положенія турецко-персидскаго вопроса невозможно предусмотрѣть, когда Императорское Правительство въ состояніи будетъ отозвать обратно свои

отряды, высланные въ Азербейджанъ для охраненія персидской территоріи отъ дальнѣйшихъ захватовъ Турокъ.

Направленіе, которое А. П. Извольскій далъ политикѣ нашей въ Персіи вслѣдствіе состоявшагося между нимъ и сэромъ Эдуардомъ Греемъ въ февралѣ 1907 г. соглашенія, нанесло жестокій ударъ обаянію, которымъ Россія пользовалась до тѣхъ поръ въ странѣ этой. Въ персидскомъ населеніи издавна укоренилась вѣра въ доброжелательство Россіи и убѣжденіе, что, въ случаѣ затрудненій, Персія можетъ разсчитывать на содѣйствіе своего могучаго сосѣда. Безучастіе и даже недоброжелательство, которыя Императорское Правительство проявило къ Мохаммедъ-Али шаху, когда онъ очутился въ безвыходномъ положеніи, было для персіянъ неожиданностью. Хотя положеніе это и благопріятствовало замысламъ революціонеровъ, но отъ вниманія ихъ не ускользнуло, что Россія отреклась отъ своей традиціонной самостоятельной политики и предпочла стать орудіемъ политики своей недавней соперницы Англіи. Не слѣдуетъ поэтому удивляться тому, что уваженіе къ Россіи смѣнилось въ Тегеранѣ и другихъ частяхъ Персіи пренебреженіемъ къ ней.

Таковое отношеніе къ Россіи проявилось впервые вслѣдъ за занятіемъ Тегерана бахтіарами и федаями, когда нашъ повѣренный въ дѣлахъ, г. Саблинъ, попытался склонить Сердара-Асада и Сепехдара оставить персидскую казачью бригаду вмѣстѣ съ командующими ею русскими офицерами на службѣ новаго персидскаго правительства. Какъ явствуетъ изъ телеграммы, адресованной англійскимъ посланникомъ, г. Барклаемъ, Великобританскому правительству 16-го іюля 1909 г., г. Саблинъ, не успѣвъ добиться отъ обоихъ сердаровъ положительнаго отвѣта, долженъ былъ обратиться къ англійскому посланнику и лишь при содѣйствіи по-

слѣдняго могъ получить отъ Сердаровъ письменный документъ, удостовѣрявшій въ томъ, что означенная бригада временно останется на прежнихъ основаніяхъ подъ начальствомъ полковника Ляхова, подъ условіемъ, что онъ будетъ во всемъ подчиняться имѣющему быть назначеннымъ персидскому военному министру.

Въ октябрѣ 1911 г. между Россіей и Персіей возникъ весьма серьезный конфликтъ, равнымъ образомъ свидѣтельствовавшій объ упадкѣ русскаго вліянія въ Тегеранѣ и подробности коего были своевременно опубликованы С.-Петербургскимъ телеграфнымъ агенствомъ и Освѣдомительнымъ бюро въ «Правительственномъ Вѣстникѣ». Поводомъ къ этому конфликту послужили мѣры, принятыя персидскимъ правительствомъ къ конфискаціи имущества нѣкоторыхъ сторонниковъ бывшаго шаха Мохаммеда-Али и въ частности его брата принца Шоа-ус-Сальтанэ. Наша миссія въ Тегеранѣ не возражала противъ этихъ мѣръ въ принципѣ, но обратила вниманіе персидскаго правительства на необходимость надлежащимъ образомъ обезпечить интересы русскихъ подданныхъ, связанные съ означеннымъ имуществомъ. Не смотря на это, состоявшій на службѣ персидскаго правительства въ качествѣ финансоваго совѣтника американецъ Морганъ Шустеръ, не предупредивъ о томъ нашего генеральнаго консула, приступилъ къ описи имущества Шоа-ус-Сальтанэ и наложилъ между прочимъ арестъ какъ на недвижимое имущество принца, находившееся на арендѣ у русскихъ подданныхъ, такъ и на личное имущество арендаторовъ. Въ то же время приставленная г. Шустеромъ къ дому принца стража изъ персидскихъ жандармовъ осмѣлилась, при проѣздѣ двухъ русскихъ чиновниковъ, присланныхъ генеральнымъ консуломъ для охраненія интересовъ русскихъ подданныхъ, прицѣлиться въ нихъ изъ своихъ винтовокъ. Болѣе серьезныя послѣдствія предупреждены были бла-

годаря лишь случайному присутствію и вмѣшательству туземнаго офицера персидской казачьей бригады. Со своей стороны, персидское правительство, вмѣсто того, чтобы удовлетворить предъявленнымъ ему нашимъ посланникомъ требованіямъ, адресовало г. Поклевскому-Козеллу двѣ дерзкія ноты, которыми потребовало отозванія какъ генеральнаго консула г. Похитонова, такъ и двухъ чиновниковъ генеральнаго консульства, исполнявшихъ его приказанія. Попытка образумить мирными средствами персидскихъ министровъ не имѣла успѣха, и они предъявили нашему посланнику требованіе подвергнуть дѣйствія генеральнаго консульства совмѣстному разслѣдованію, а затѣмъ оставили безъ отвѣта официальную ноту г. Поклевскаго-Козелла, въ которой возобновлены были требованія о доставленіи должнаго намъ удовлетворенія. Въ виду неслыханнаго упорства персидскихъ министровъ, Императорское Правительство вынуждено было поручить нашему посланнику пригрозить имъ прекращеніемъ нашихъ сношеній съ персидскимъ правительствомъ и предупредить ихъ, что, въ случаѣ замедленія въ удовлетвореніи нашихъ требованій, Правительство Государя Императора предоставитъ себѣ принять мѣры, какія признаетъ нужными, къ защитѣ нашихъ интересовъ. Заявленіе это сдѣлано было посланникомъ нашимъ въ первыхъ числахъ ноября 1911 г., а 18-го того же мѣсяца посланникомъ нашимъ получена была отвѣтная нота, въ коей сообщалось, что персидскій парламентъ, на обсужденіе коего переданы были наши требованія, рѣшилъ большинствомъ голосовъ отклонить ихъ. Русскому Правительству не оставалось ничего иного, какъ предписать сосредоточенному въ Рештѣ отряду двинуться на Тегеранъ, и только послѣ этого пребывавшій въ Петербургѣ персидскій повѣренный въ дѣлахъ явился 9-го декабря въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и

отъ имени своего правительства заявилъ о принятіи Персіей всѣхъ, изложенныхъ въ ультиматумѣ, нашихъ требованій, а именно: увольненія г. Шустера и назначеннаго имъ въ качествѣ его агента въ смежную съ Кавказомъ Азербейджанскую область его соотечественника г. Лекоффа, обязательства персидскаго правительства не приглашать на свою службу иностранцевъ безъ предварительнаго согласія съ русской и англійской миссіями въ Тегеранѣ и возмѣщенія персидскимъ правительствомъ расходовъ, вызванныхъ посылкою въ Персію нашего отряда.

Встрѣченныя нами въ Персіи затрудненія не ограничились этимъ. 8-го декабря 1911 г. на русскія воинскія части и учрежденія въ Тавризѣ, Рештѣ и Энзели произведены были дерзкія массовыя нападенія, сопровождавшіяся мѣстами звѣрскими истязаніями и поруганіями надъ ранеными и убитыми, и хотя персидское правительство и не причастно было этимъ преступнымъ дѣйствіямъ, но оно оказалось безсильнымъ покарать ихъ виновниковъ. Въ виду этого начальникамъ нашихъ отрядовъ предписано было, по соглашенію съ русскими консулами въ Тавризѣ и Рештѣ, приступить къ безотлагательному принятію строжайшихъ мѣръ по наказанію виновниковъ въ нападеніяхъ и къ устраненію на будущее время причинъ, вызвавшихъ таковыя явленія. Въ качествѣ таковыхъ мѣръ указаны были: арестованіе всѣхъ русскихъ и персидскихъ подданныхъ, принимавшихъ участіе въ нападеніи на русскія войска, сужденіе ихъ по законамъ военнаго времени, обезоруженіе федаевъ и прочихъ безпокойныхъ мѣстныхъ элементовъ, разрушеніе мѣстъ, откуда окажется сопротивленіе, а равно другія мѣры, которыя по свойствамъ совершенныхъ нападеній будутъ признаны необходимыми въ цѣляхъ возстановленія порядка и наказанія виновныхъ. Мѣры эти были приведены въ

исполненіе, насколько дозволяли обстоятельства, но вопросъ объ охраненіи достоинства нашего и интересовъ нашихъ въ Персіи этимъ не исчерпывается и, по моему мнѣнію, потребуются еще дальнѣйшія мѣропріятія, чтобы возстановить хотя бы частью то вліяніе, которымъ Россія пользовалась нѣкогда въ Персіи.

Вышеизложенныя данныя, почерпнутыя изъ источниковъ, достовѣрность коихъ не подлежитъ сомнѣнію, даютъ право сдѣлать слѣдующіе выводы.

Въ соглашеніи, состоявшемся въ февралѣ 1907 года между Россіей и Англіей по вопросу объ ихъ политикѣ въ Персіи, были упущены изъ виду, какъ исключительное положеніе Россіи относительно страны этой, такъ и исключительные русскіе интересы, требовавшіе обезпеченія за Россіей извѣстной свободы дѣйствій въ прилегающихъ къ ея границѣ персидскихъ областяхъ.

Соглашеніе это, осуждавшее Россію на полное бездѣйствіе, имѣло исключительнымъ послѣдствіемъ упадокъ авторитета царствовавшаго шаха въ глазахъ его подданныхъ и поощреніе революціонныхъ элементовъ, способствовавшихъ водворенію въ Персіи анархіи. Вслѣдствіе этого создалось, между прочимъ, крайне оригинальное, небывалое положеніе дѣлъ. Въ то время, когда русское правительство въ угоду Англіи тщательно воздерживалось отъ воздѣйствія на ходъ дѣлъ въ сосѣдней съ нами Персіи, появившаяся въ январѣ 1909 г. въ Гилянѣ кучка кавказскихъ анархистовъ, преимущественно армянъ, стала хозяйничать въ этой провинціи какъ въ покоренной странѣ. Она произнесла и выполнила надъ мѣстнымъ губернаторомъ смертный приговоръ, избрала себѣ въ лицѣ Сепехдара предводителя, который не поколебался освоиться съ ея замыслами, и на глазахъ нашихъ консульскихъ агентовъ организовала отрядъ для похода на Тегеранъ. Отрядъ этотъ овладѣлъ сначала Казвиномъ и затѣмъ принялъ

дѣятельное участіе въ захватѣ революціонерами столицы Персіи, послѣ чего шахъ оказался вынужденнымъ отречься отъ престола. Дѣла ни въ какомъ случаѣ не приняли бы столь неблаговиднаго оборота, еслибы Россія не отреклась отъ своего законнаго права, отъ своей прямой обязанности охранять спокойствіе въ пограничныхъ съ Кавказомъ персидскихъ областяхъ.

Въ виду крайней отсталости Персіи, отсутствія, какъ государственныхъ законовъ, такъ и какихъ бы то ни было государственныхъ или общественныхъ учрежденій, а также низкаго уровня ея культуры, примѣненіе въ ней конституціоннаго образа правленія представлялось аномаліей; разнуздавъ самые грубые страсти и инстинкты, оно создало всеобщую анархію. Таковъ былъ результатъ перваго опыта примѣненія конституціоннаго режима вслѣдъ за восшествіемъ на престолъ Мохаммеда-Али шаха и столь же пагубные результаты продолжаетъ и нынѣ испытывать на себѣ Персія.

Въ виду обнаружившагося въ Персіи революціоннаго движенія элементарная осторожность обязывала Русское Правительство тщательно воздерживаться отъ всякаго шага, который могъ еще болѣе осложнить затруднительное положеніе, въ которомъ очутился Мохаммедъ-Али шахъ. Между тѣмъ нашъ Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не поколебался принять рѣшеніе діаметрально противоположное этому принципу. Вслѣдствіе предложенія Англіи представителямъ обѣихъ державъ въ Тегеранѣ предписано было настаивать предъ шахомъ на возстановленіи конституціоннаго режима и, вопреки очевидности, увѣрять его въ томъ, что въ такомъ случаѣ въ Персіи возстановится спокойствіе. Такой образъ дѣйствій, въ связи съ отказомъ въ какой бы бы то ни было помощи, закрѣпилъ безвыходное положеніе шаха и вынудилъ его, наконецъ, рѣшиться на отреченіе отъ престола. Такъ примѣнялся обѣими дер-

жавами принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла Персіи, на основаніи коего состоялось въ февралѣ 1907 г. соглашеніе между ними.

Если таковой исходъ соотвѣтствовалъ видамъ Англіи, то онъ былъ крайне неблагопріятенъ для интересовъ Россіи, какъ доказали это послѣдующія событія. Въ Тегеранѣ учредилось правительство, составившееся изъ лицъ, завѣдомо враждебныхъ Россіи. Небывалая и ничѣмъ неоправдываемыя поспѣшность, съ которою признано было нами это революціонное правительство, свидѣтельствовала о томъ, что на обстоятельство это въ Петербургѣ не было обращено никакого вниманія. Между тѣмъ ходъ событій въ самомъ непродолжительномъ времени доказалъ, что новое персидское правительство совершенно не въ состояніи выполнить выпавшую на его долю задачу умиротворить Персію, а затѣмъ проявленный имъ по отношенію къ законнымъ интересамъ Россіи вызывающій образъ дѣйствій вынудилъ наконецъ Императорское Правительство прибѣгнуть, для образумленія его, къ суровымъ мѣрамъ.

Принимая въ соображеніе совокупность вышеизложенныхъ обстоятельствъ, нельзя не пожалѣть о томъ, что А. П. Извольскій слишкомъ легко поддавался внушеніямъ Англіи и не обращалъ болѣе вниманія на представленія нашихъ агентовъ въ Персіи, которые высказывались за необходимость болѣе самостоятельной и активной политики въ Персіи. Нельзя также не признать, что Александръ Петровичъ оставилъ преемнику своему весьма сложное и крайне запутанное наслѣдство, ликвидація коего сопряжена будетъ съ неимовѣрными затрудненіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе 3

Глава первая. Первый періодъ персидской революціи.—Кончина Мозаффер-эд-динъ шаха.—Вступленіе на престолъ Мохаммедъ-Али шаха 13

Глава вторая. Персидская конституція и основные законы . . 23

Глава третья. Обзоръ общаго положенія дѣлъ въ Персіи вслѣдъ за введеніемъ конституціи 27

Глава четвертая. Какъ отнеслись Россія и Англія къ персидской революціи 35

Глава пятая. Назначеніе Атабекъ-Азама на постъ перваго персидскаго министра.—Его убійство.—Неудачная попытка Мохаммедъ-Али шаха совершить переворотъ . . 53

Глава шестая. Покушеніе на жизнь Мохаммедъ-Али шаха.—Переворотъ 10-го іюня 1908 г. 65

Глава седьмая. Революція въ Азербейджанѣ 74

Глава восьмая. Настоянія Русскаго и Англійскаго представителей въ Тегеранѣ по вопросу о возстановленіи конституціи 89

Глава девятая. Обмѣнъ между Русскимъ и Англійскимъ Правительствами записокъ по дѣламъ Персіи 100

Глава десятая. Положеніе дѣлъ въ Азербейджанѣ.—Блокада Тавриза шахскими войсками и голодъ въ этомъ городѣ.—Вступленіе русскаго отряда въ Тавризъ и другого отряда въ Ардебиль 119

Глава одиннадцатая. Революціонное движеніе въ Гилянѣ.—Походъ Сепехдара на Казвинъ 129

Глава двѣнадцатая. Луристанъ и бахтіары. — Занятіе ими Исфаһана.—Походъ на Тегеранъ 133

Глава тринадцатая. Послѣдніе объясненія между Мохаммедомъ Али шахомъ и представителями Россіи и Англіи.—Высылка въ Казвинъ русскаго отряда 112

Глава четырнадцатая. Занятіе Тегерана предводителями бахтіаровъ и федаевъ.—Отреченіе Мохаммедъ-Али шаха отъ престола и провозглашеніе шахомъ его сына Султанъ-Ахмеда.—Признаніе Россіей новаго персидскаго правительства 148

Глава пятнадцатая. Заключеніе 156

Библіотека
Географическаго
Общества
Союза ССР

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА, С.П.Б.
ПРЯЖКА 5

Библиотека
Географического
Общества
Союза ССР

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Слѣдуетъ читать*
21	16	состоятъ	состоять
25	30	не имѣются	не имѣется
30	15	1097 г.	1907 г
36	34	18-го	10-го
38	29—30	протекторамъ	протекторатомъ
43	33	призники	признаки
44	33	всеобщей	всеобщій
52	24	Морокко	Марокко
61	33	Тереранѣ	Тегеранѣ
88	9	враждебное	враждебно
174	9	неоправдываемыя	неоправдываемая